МАГИ.

В. И. Крыжановская.

(Рочестеръ).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Обложка печатана въ тип. 1-й Спб. Труд. Артели.—Лиговская, 34.
1910.

В. И. Крыжановская

(Рочестеръ).

МАГИ.

(ПОСВЯЩЕНІЕ).

РОМАНЪ

„И познаете истину, и истина сдѣлаетъ васъ свободными".
Іоан. VIII, 32.

„Savoir, vouloir, pouvoir, oser. et se taire".
Основы посвященія.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Первой Спб. Трудовой Артели.—Лиговская, 34.
1910.

I.

Есть такія мѣста, которыя природа создала, точно, въ минуту печали. Отъ нихъ вѣетъ чѣмъ-то тоскливымъ, и это смутное, но невыразимо тягостное впечатлѣніе сообщается всѣмъ, приближающимся.

Подобное мѣсто находится на сѣверѣ Шотландіи. Берегъ здѣсь состоитъ изъ высокихъ скалъ, прорѣзанныхъ глубокими бухтами. Волны немолчно кипятъ среди рифовъ и зубчатыхъ скалъ, которыя грознымъ и опаснымъ поясомъ окружили это негостепріимное для моряковъ мѣсто.

На вершинѣ одной изъ самыхъ высокихъ скалъ высился древній замокъ, суровый и мрачный видъ котораго вполнѣ гармонировалъ съ тоскливой и пустынной окружающей картиной.

По массивной и тяжелой архитектурѣ, по толщинѣ почернѣвшихъ стѣнъ, по узкимъ и глубокимъ, какъ бойницы, окнамъ, замокъ можно было отнести къ тринадцатому вѣку; но онъ такъ хорошо сохранился, что внушалъ подозрѣніе, не прихоть ли это какого-нибудь богатаго современнаго любителя среднихъ вѣковъ.

И дѣйствительно, на двухъ толстыхъ, круглыхъ башняхъ не обвалился ни одинъ зубецъ. Стѣна ограды была совершенно цѣла, а широкій ровъ, со стороны равнины окружавшій древній замокъ, былъ наполненъ водой, защищенъ башенками и подъемнымъ мостомъ съ оборонительной рѣшеткой. Но это впечатлѣніе современности сохранялось только до тѣхъ поръ, пока на замокъ смотрѣли издали: при приближеніи же путникъ убѣждался, что изъ подъ массивныхъ каменныхъ глыбъ то тамъ, то тутъ пробивались лишаи и мохъ и что только вѣка могли придать черновато-сѣрую окраску дикому и уединенному древнему замку, сросшемуся, словно, въ одно цѣлое со скалой, на которой онъ лѣпился, какъ орлиное гнѣздо.

Со стороны материка, окрестности тоже представляли унылый и мало привлекательный видъ. У подножія замка тянулась поросшая

верескомъ и изрѣзанная глубокими выбоинами долина и только вдали, на возвышенности виднѣлись островерхая колокольня церкви и тонувшіе въ зелени домики деревни. Съ этой же стороны изъ-за стѣнъ замка видна была зелень вѣковыхъ дубовъ и вязовъ.

Но если общій видъ замка, казалось, переносилъ путника на нѣсколько вѣковъ назадъ, то широкое и великолѣпное шоссе, прорѣзывавшее равнину, разрушало иллюзію и возвращало къ культурной дѣйствительности девятнадцатаго вѣка.

Въ сумрачный, августовскій день по этой, прекрасно-содержимой и обсаженной деревьями дорогѣ катились два экипажа. Въ первомъ, небольшой открытой коляскѣ—сидѣли молодой человѣкъ и молодая женщина, въ простомъ, темно-синемъ костюмѣ, съ шляпой такого же цвѣта на головѣ. Этотъ темный цвѣтъ оттѣнялъ еще рельефнѣе ослѣпительную бѣлизну ея кожи и рѣдкій блѣдно-бѣлокурый цвѣтъ ея волосъ, который можно было бы принять за совершенно бѣлый, если бы не легкій, золотистый оттѣнокъ, придававшій имъ особенный отпечатокъ. Второй экипажъ представлялъ большой и широкій фургонъ, снабженный впереди низенькимъ сидѣньемъ, на которомъ помѣщались мужчина среднихъ лѣтъ и пожилая, крайне молчаливая камеристка.

Наши читатели уже узнали, вѣроятно, въ первыхъ двухъ путникахъ Ральфа Моргана или, иначе, принца Супрамати и его жену Нару, которые ѣхали въ свой шотландскій замокъ, что отдаться работѣ *посвященія*.

Везли они съ собой пожилую горничную, слѣпо преданную Нарѣ, и Тортоза, въ вѣрности, благоразуміи и скромности которыхъ можно было быть вполнѣ увѣреннымъ. Молодые люди молчали и задумчиво смотрѣли то на грустный пейзажъ, развертывавшійся передъ ихъ глазами, то на темный силуэтъ замка, черной массой вырисовывавшійся на сѣромъ фонѣ неба. Погода испортилась. Съ океана со свистомъ налетали порывы холоднаго вѣтра, горизонтъ заволокли черныя тучи и ревъ бури становился все слышнѣй и слышнѣй.

— Кажется, старый замокъ намѣренъ не очень-то любезно встрѣтить насъ ураганомъ,—съ улыбкой замѣтилъ Супрамати.

— О! Мы давно уже будемъ дома, пока разыграется буря. Съ этой высоты видъ бушующаго моря представляетъ страшное и, въ тоже время, грандіозное зрѣлище,—отвѣтила Нара.

Нарайяна, кажется, любилъ это мѣсто. Въ его портфелѣ я нашелъ фотографическій снимокъ этого замка,—продолжалъ Супрамати.—А между тѣмъ, для ненасытнаго кутилы, чувствовавшаго

себя хорошо только въ шумѣ и вихрѣ свѣта, это уединенное и пустынное, дышащее грустью мѣсто, не должно бы имѣть ничего привлекательнаго.

— Ты все забываешь, что Нарайяна былъ безсмертенъ! Именно безпорядочная жизнь и приводила его въ тяжелое настроеніе духа, а въ такіе мрачные часы ничто не гармонировало лучше съ бурями, бушевавшими въ его душѣ, какъ окружавшій его хаосъ разнузданныхъ стихій. Онъ, дѣйствительно, любилъ это убѣжище въ тяжелыя минуты. Замокъ обязанъ ему своимъ спеціальнымъ внутреннимъ убранствомъ и тѣмъ, что онъ такъ хорошо сохранился. Поэтому-то я и совѣтовала тебѣ пріѣхать сюда для изученія низшей магіи. Ни одно мѣсто не приспособлено лучше для этого, такъ какъ Нарайяна былъ мастеромъ въ дѣлѣ обстановки и устройства, шло ли дѣло о букетѣ или о лабораторіи,—со смѣхомъ закончила Нара.

Между тѣмъ, коляска, запряженная кровными лошадьми, быстро пробѣжала путь, отдѣлявшій ее отъ замка, проѣхала подъемный мостъ, миновала темныя сводчатыя ворота и остановилась у небольшого подъѣзда, накрытаго каменнымъ навѣсомъ.

Въ большой и темной прихожей, очевидно, нѣкогда служившей оружейной залой, господъ встрѣтили управляющій,—лысый старикъ съ серебристой бородой,—пожилая экономка и нѣсколько слугъ, съ морщинистыми и угрюмыми лицами.

— Насъ встрѣчаетъ здѣсь цѣлая коллекція древностей. Право я начинаю думать, что Нарайяна собралъ здѣсь этихъ людей изъ кокетства,—замѣтилъ Супрамати, поднимаясь по лѣстницѣ и съ трудомъ сдерживая желаніе разсмѣяться.

— Нарайяна не любилъ нескромныхъ. Находя преданныхъ людей, которые видѣли и слышали только то, что имъ можно видѣть и слышать, а затѣмъ все забывали, онъ старался какъ можно дольше продолжать ихъ жизнь. Большая часть этихъ слугъ уже достигла столѣтняго возраста,—съ легкой улыбкой отвѣтила Нара.

Не смотря на свой преклонный возрастъ, слуги замка все прекрасно приготовили для пріема господъ. Всюду въ огромныхъ украшенныхъ гербами каминахъ, пылалъ яркій огонь, такъ какъ подъ толстыми сводами замка воздухъ былъ сырой и холодный; въ столовой былъ изящно накрытъ столъ. Что же касается обѣда, то онъ дѣлалъ большую честь повару и былъ превосходенъ какъ по составу, такъ и по сервировкѣ.

Супрамати выразилъ свое удовольствіе управляющему и, по окончаніи обѣда, обошелъ аппартаменты.

Вся меблировка была древняя и отличалась простой и строгой роскошью. Стѣны покрывала рѣзьба изъ почернѣвшаго дуба или дорогіе ковры. Рѣзная мебель, стоявшая въ комнатахъ принца, очевидно, относилась къ концу четырнадцатаго вѣка; мебель же въ аппартаментахъ Нары, казалось, была современна королевѣ Елизаветѣ. Одно, что немного нарушало общій стиль этого средневѣковаго жилища—это толстые восточные ковры, покрывавшіе полы.

Изъ кабинета Супрамати дверь вела на окруженный каменной баллюстрадой, небольшой балконъ, который, подобно гнѣзду ласточки, висѣлъ надъ бездной.

Онъ вышелъ и, дрожа отъ восхищенія, смѣшаннаго со страхомъ, облокотился на баллюстраду.

Подъ нимъ, далеко вокругъ бушевала буря. Яркая молнія прорѣзывала черное небо и освѣщала блѣднымъ свѣтомъ бѣшеныя волны, которыя, пѣнясь и вздуваясь точно горы, казалось, шли на приступъ скалы и съ грохотомъ разбивались о береговые утесы.

Вѣтеръ ревѣлъ и свистѣлъ, гремѣлъ громъ, а Супрамати, стоя на балконѣ, точно парилъ надъ этимъ хаосомъ.

Онъ былъ всецѣло поглощенъ этимъ величественнымъ и страшнымъ зрѣлищемъ, когда маленькая ручка легла на его руку, а бѣлокурая головка оперлась на плечо.

Супрамати молча обнялъ жену, и они задумчиво смотрѣли на мрачную разстилавшуюся у ихъ ногъ бездну. Вдругъ, неизвѣстно откуда брызнулъ широкій лучъ свѣта, который прорѣзалъ мракъ и освѣтилъ спокойнымъ, яркимъ свѣтомъ бурныя волны, отливая серебромъ на бѣлой пѣнѣ, вѣнчавшей ихъ гребни.

Видя удивленіе мужа, Нара сказала:

— Недалеко отсюда стоитъ маякъ. Не одинъ бѣдный морякъ, плавающій сегодня, будетъ признателенъ и съ радостью встрѣтитъ этотъ благодѣтельный свѣтъ, который послужитъ ему руководителемъ на его опасномъ пути. Этотъ маякъ мнѣ кажется эмблемой твоей жизни, Супрамати! Подобно моряку, борящемуся съ бушующимъ моремъ, ты пустился въ неизвѣстный океанъ таинственныхъ и ужасныхъ знаній. Среди мрака, окружающаго тебя и въ ожидающей тебя борьбѣ со стихіями, твоимъ единственнымъ кормчимъ будетъ твоя *воля*; но, надежда на *посвященія* будетъ тѣмъ маякомъ, къ которому ты устремишь свои усилія, а ослѣпительный свѣтъ высшей магіи, какъ сіяющая звѣзда будетъ руководить тобой и освѣщать твой путь.

Ты будешь моей руководительницей, моей сіяющей звѣздой

на тернистомъ пути моей странной судьбы,—пробормоталъ онъ прижимая жену къ своей груди.—Ты дашь мнѣ твою любовь, которая поддержитъ меня, освѣтитъ мои сомнѣнія и успокоитъ мою тоску во время предстоящихъ тяжелыхъ испытаній.

— Да, Супрамати! Я дамъ тебѣ мою любовь, но только не земную, не плотскую, а чистую и неистощимую любовь, облагораживающую и скрѣпляющую наши души на вѣки и увлекающую ихъ по безконечному пути совершенствованія и знанія.

Не отвѣчая ни слова, онъ горячо поцѣловалъ руку Нары, но сильное волненіе смыкало уста обоимъ, и они молча любовались величественной картиной. Когда начался проливной дождь, Супрамати предложилъ женѣ вернуться въ комнаты.

Кабинетъ былъ освѣщенъ лампой подъ синимъ абажуромъ. Въ каминѣ весело трещалъ огонь, распространяя тепло. Роскошный комфортъ этой комнаты составлялъ пріятный контрастъ съ бушевавшей снаружи бурей.

Веселое расположеніе духа Нары, которая смѣялась и шутила разливая чай, еще больше увеличивало это пріятное впечатлѣніе. Остальной вечеръ прошелъ очень весело. Но такъ какъ супруги чувствовали себя немного утомленными путешествіемъ, а можетъ быть и жаждали отдаться своимъ мыслямъ, то они рано разошлись по своимъ комнатамъ.

Супрамати легъ въ постель, но сонъ бѣжалъ его глазъ. Неизвѣстность *посвященія*, къ которому онъ готовился приступить, давила его; а то, что онъ до сегодня видѣлъ изъ загробнаго міра, скорѣе отталкивало, чѣмъ привлекало его. Кромѣ того, продолжавшая бушевать буря сильно дѣйствовала на его нервы. Въ глубокой ночной тишинѣ, съ болѣзненною ясностью слышно было, какъ свистѣлъ и стоналъ вѣтеръ въ каминѣ, какъ ревѣлъ океанъ; бившіяся о берегъ бѣшеныя волны, потрясали, казалось, утесъ и заставляли содрогаться стоявшій на немъ древній замокъ.

Чтобы перемѣнить направленіе мыслей, Супрамати сталъ осматривать окружавшія его вещи. На коврахъ, покрывавшихъ стѣны, былъ изображенъ турниръ; побѣдитель стоялъ на колѣняхъ у ногъ дамы и получалъ изъ ея рукъ золотую цѣпь. Рисунокъ оставлялъ многаго желать, и блѣдныя лица владѣтельницы замка и рыцаря были страшно некрасивы. Супрамати перевелъ глаза и сталъ смотрѣть на портретъ, висѣвшій какъ разъ противъ него и освѣщенный лампой, свѣсившейся съ потолка. Портретъ былъ писанъ на деревѣ и изображалъ женщину, одѣтую въ черное, съ покрываломъ

на головѣ. Исполненіе портрета было очень несовершенно, а между тѣмъ это несомнѣнно была работа настоящаго художника, такъ какъ на этомъ плоскомъ мѣловомъ лицѣ выступали два голубыхъ глаза, которымъ художникъ сумѣлъ придать такое выраженіе полной отчаянія горечи, что оно пробуждало участіе къ этой женщинѣ, уже нѣсколько вѣковъ тому назадъ превратившейся въ прахъ.

Да, все здѣсь говорило о погибшемъ прошломъ и бренности человѣческой жизни. Радости и горе стольких угасшихъ поколѣній поглощены таинственнымъ, невидимымъ міромъ. Вдругъ, тоска и страхъ передъ безконечной жизнью, разстилавшейся передъ нимъ, болѣзненно сдавили сердце Супрамати. Позабывъ все окружающее, онъ задумался о странныхъ событіяхъ, давшихъ такое странное направленіе его жизни.

Какъ въ калейдоскопѣ проходили передъ нимъ годы его бѣдной и трудовой жизни, въ качествѣ доктора, его научныя изысканія и невольный страхъ смерти, который онъ чувствовалъ въ виду подтачивавшей его здоровье чахотки. Затѣмъ, какъ настоящій волшебникъ изъ «Тысячи и одной ночи», явился Нарайяна и превратилъ бѣднаго, умиравшаго Ральфа Моргана въ принца Супрамати, безсмертнаго милліонера.

Онъ мысленно снова совершилъ путешествіе въ ледники, въ обществѣ своего таинственнаго проводника, и слышалъ его разсказъ о чудныхъ свойствахъ эликсира жизни. Затѣмъ ему вспомнились его первое свиданіе съ Нарой, встрѣчи съ другими безсмертными и вступленіе въ братство рыцарей «Круглаго стола вѣчности» въ волшебномъ дворцѣ Грааля. Наконецъ, ему вспомнилась его поѣздка въ Индію и знакомство съ магомъ Эбрамаромъ, его покровителемъ въ теченіе долгихъ вѣковъ. При послѣднемъ воспоминаніи, безпокойная, давившая его душу грусть, сразу разсѣялась. Могъ ли онъ падать духомъ, когда у него—такой могущественный покровитель, вѣрная, любящая жена, и другъ, какъ Дахиръ—его собратъ по безсмертію?

Почему не пройти ему черезъ то, что перенесли другіе? Конечно, плоть—немощна и дрожитъ отъ соприкосновенія съ оккультными силами. Но развѣ не одаренъ онъ волей, чтобы побѣдить эту слабость? Въ эту минуту имъ овладѣло страстное желаніе посовѣтоваться съ Эбрамаромъ, признаться ему въ своемъ смущеніи и попросить у него помощи и совѣта.

Супрамати быстро всталъ и рѣшилъ испробовать подарокъ, который сдѣлалъ ему магъ въ тотъ день, когда онъ покидалъ

замокъ въ Гималаяхъ. Эбрамаръ говорилъ, что при помощи этой вещи онъ можетъ вызвать его, когда будетъ чувствовать въ этомъ настоятельную нужду.

На диванѣ лежалъ небольшой чемоданъ съ различными таинственными вещами, которыя онъ желалъ всегда имѣть подъ рукой, укладывая ихъ самъ, и до которыхъ никто не смѣлъ касаться.

Открывъ чемоданъ Супрамати вынулъ изъ него круглый ящикъ, величиной съ тарелку и высотой около десяти сантиметровъ. Ящикъ этотъ былъ сдѣланъ изъ какого то бѣлаго металла, похожаго на серебро, но съ разноцвѣтнымъ отливомъ, напоминавшимъ перламутръ. На крышкѣ были выгравированы какіе-то неизвѣстные фосфоресцирующіе знаки.

Уже не разъ Супрамати съ любопытствомъ посматривалъ на эту вещь. Онъ и теперь вертѣлъ ее въ рукахъ, а затѣмъ поднесъ ее къ уху, такъ какъ ему показалось, что внутри ящика раздавалось что-то вродѣ потрескиванія.

И дѣйствительно, изъ ящика доносились звуки и какъ бы шумъ сдавленнаго воздуха, какой слышится, если поднести къ уху раковину.

Покачавъ головой, онъ сѣлъ, поставилъ ящикъ на столъ и нажалъ подвижной знакъ по срединѣ крышки, который указалъ ему Эбрамаръ. Раздался сухой трескъ и крышка открылась. Изъ ящика вырвался удушливый ароматъ и порывъ теплаго воздуха, напоминавшій Супрамати тотъ воздухъ, которымъ онъ дышалъ по вечерамъ, во время своего пребыванія въ замкѣ въ Гималаяхъ.

Съ любопытствомъ Супрамати наклонился, чтобы посмотрѣть, что находится въ ящикѣ, но не увидѣлъ ничего, кромѣ сѣроватаго пара, клубившагося въ глубинѣ, а эта глубина была черна и казалась бездонной, совершенно невѣроятной для вещи въ десять сантиметровъ высоты: Супрамати не зналъ, что и подумать.

Не будучи въ состояніи ничего понять, онъ ограничился буквальнымъ исполненіемъ инструкцій своего учителя и сталъ смотрѣть въ ящикъ.

Черезъ нѣсколько минутъ въ темной глубинѣ появилась небольшая красная точка. Точка эта вращалась, приближалась и быстро увеличивалась.

Вдругъ крикъ ужаса сорвался съ губъ Супрамати. Передъ нимъ въ облачномъ видѣ, но совершенно отчетливо появилась прекрасная голова Эбрамара, окруженная легкимъ серебристымъ паромъ.

Большіе, огненные глаза мага смотрѣли на него глубокимъ и яснымъ взглядомъ; затѣмъ улыбающіяся губы открылись, и глухой, хорошо знакомый голосъ произнесъ:

— Привѣтствую тебя, мой сынъ! Не пугайся: то, что ты видишь—не чудо и не колдовство, а простое приложеніе законовъ природы. Твоя безпокойная и смущенная мысль все-же дошла до меня и я явился сказать тебѣ: не падай духомъ, не приступивъ еще къ дѣлу, и не бойся неизвѣстныхъ силъ, такъ какъ мы оберегаемъ тебя. Безъ сомнѣнія, путь посвященія тяжелъ и тернистъ, но велика награда тому, кто остается твердымъ. Ты не можешь даже представить себѣ то счастье, которое почувствуешь, когда убѣдишься, что твоя астральная сила выросла и подчиняется твоей дисциплинированной волѣ; когда сознаешь, что ты уже больше не слѣпой рабъ неизвѣстныхъ и безпорядочныхъ силъ, а сознающій свою силу господинъ космическихъ стихій, покорныхъ твоей мысли и могучей волѣ.

Супрамати слушалъ, какъ во снѣ и не могъ понять, какъ Эбрамаръ, отдѣленный отъ него океаномъ и тысячами верстъ, могъ говорить съ нимъ и явиться ему въ осязательномъ видѣ. Дрожь сверхъестественнаго ужаса пробѣгала по его тѣлу.

Въ ту же минуту послышался легкій смѣхъ.

— То, что ты видишь, сынъ мой, покажется тебѣ очень простымъ, когда ты узнаешь механизмъ явленія, смущающаго тебя въ эту минуту. Имѣй терпѣніе, будь мужественъ и настойчивъ—и настанетъ часъ, когда разсѣются тѣни, а передъ твоимъ восхищеннымъ и проясненнымъ взглядомъ откроются чудеса безконечности.

Сдѣлавъ послѣдній дружескій знакъ, видѣніе стало блѣднѣть. Голова потеряла свои контуры, расплылась въ бѣловатое облако и превратилась опять въ красную исчезавшую вдали точку. Ящикъ закрылся самъ собой.

Тяжело дыша, Супрамати завернулъ ящикъ въ полотно и положилъ обратно въ чемоданъ. Затѣмъ онъ легъ въ постель, но долго не могъ заснуть. То, что онъ видѣлъ и слышалъ, произвело на него глубокое впечатлѣніе, но въ то же время и усилило его желаніе проникнуть въ тотъ таинственный міръ, гдѣ таятся такіе чудесные феномены.

Его страхъ и боязнь тоже улетучились. Мысль, что онъ во всякое время можетъ посовѣтоваться со своимъ могущественнымъ покровителемъ, который, несмотря на раздѣляющее ихъ разстояніе,

близокъ къ нему, благотворно и успокоительно подѣйствовала на него. Наконецъ, глубокій и укрѣпляющій сонъ сомкнулъ его вѣки.

Проснулся онъ свѣжимъ и бодрымъ, въ наилучшемъ расположеніи духа. Погода тоже прояснилась и яркій солнечный свѣтъ заливалъ море. Даже пустынная мѣстность, подъ вліяніемъ живительныхъ лучей, приняла радостный видъ.

Нара тоже была весела и оживленна.

Когда, послѣ завтрака, Супрамати хотѣлъ заняться подробнымъ осмотромъ замка, ему жена съ улыбкой замѣтила:

— Для этого у тебя еще будетъ достаточно времени. Здѣсь нѣтъ ничего особеннаго, а ту часть замка, которая предназначена для оккультныхъ занятій, я совѣтую тебѣ осмотрѣть только подъ руководствомъ Дахира. Теперь же воспользуемся чуднымъ утромъ для прогулки и осмотримъ окрестности. Послѣ обѣда я сама провожу тебя въ залу, которую я окрестила *храмомъ посвященія.* Скажи же, мой господинъ и повелитель, одобряешь ли ты мою программу?

— Съ радостью, моя красавица-волшебница! Тебѣ я всегда готовъ подчиняться. Кромѣ того, признаюсь откровенно, прогулка по чистому воздуху гораздо интереснѣе и пріятнѣе, чѣмъ осмотръ этихъ старыхъ сводовъ,—весело отвѣтилъ Супрамати.

Они сдѣлали большую прогулку на лошадяхъ, а затѣмъ спустились къ морю по извилистой и каменистой тропинкѣ, извѣстной Нарѣ. Для всякаго, кромѣ безсмертныхъ, путь этотъ представлялъ серьезную опасность.

Затѣмъ, окончивъ обѣдъ, Нара взяла мужа подъ руку и увлекла его:

— Въ твое будущее чистилище,—лукаво прибавила она.

Рядомъ съ его комнатой оказался небольшой кабинетъ, входъ въ который былъ искусно скрытъ въ деревянной обшивкѣ стѣны. Оттуда они поднялись по винтовой лѣстницѣ въ верхній этажъ и вошли въ кабинетъ, совершенно такой же, какъ и внизу, тоже темный и лишенный оконъ.

При свѣтѣ факела, который несла Нара, Супрамати увидѣлъ въ глубинѣ комнаты большую желѣзную дверь, покрытую красными и черными кабалистическими знаками. Въ центрѣ каждой половинки двери, въ медальонѣ, имѣвшемъ форму пятиконечной звѣзды, находились символическіе рисунки. Въ одномъ медальонѣ была изображена красная змѣя, стоящая на хвостѣ и держащая факелъ; въ другомъ—голубь, несшій въ клювѣ золотое кольцо.

Надъ дверью, какъ надъ входомъ въ египетскій храмъ, былъ вылѣпленъ крылатый солнечный дискъ, а надъ нимъ эмблемы четырехъ стихій, между которыми извивалась черная лента, со слѣдующей надписью, сдѣланной буквами огненнаго цвѣта:

«Кто проходитъ всѣ области знанія пріобрѣтаетъ вѣнецъ мага; но для того, кто приподнялъ завѣсу тайнъ, нѣтъ возврата»!

Нара дала время мужу осмотрѣть дверь, а затѣмъ сказала:

— Знаки, которые ты здѣсь видишь—это ключи ко многимъ любопытнымъ феноменамъ. Но войдемъ туда!

Она нажала пружину, дверь тотчасъ же безшумно отворилась и они вошли въ совершенно круглую комнату безъ оконъ. Изъ прикрѣпленнаго къ потолку стекляннаго шара струился нѣжный, голубоватый свѣтъ, еле озарявшій комнату; тѣмъ не менѣе Супрамати могъ ясно разглядѣть всякую вещь. Эта зала, въ одно и тоже время, была и храмомъ, и лабораторіей: съ одной стороны стоялъ на возвышеніи въ нѣсколько ступеней жертвенникъ съ черными бархатными занавѣсками, поднятыми въ данную минуту; а съ другой стороны былъ устроенъ очагъ, снабженный громадными мѣхами, ретортами, перегонными клубами и другими алхимическими принадлежностями.

На полкахъ виднѣлись книги въ старинныхъ кожанныхъ переплетахъ, лежали свитки и стояли шкатулки съ ящичками; стеклянный шкафъ былъ наполненъ пузырьками, горшками и мѣшками всевозможныхъ размѣровъ. На жертвенникѣ лежалъ мечъ, стоялъ кубокъ и былъ воздвигнутъ крестъ, сдѣланный изъ какого-то неизвѣстнаго металла. Рядомъ съ жертвенникомъ висѣлъ колоколъ.

У стѣны, на высокой подставкѣ, стояло, зеркало съ разноцвѣтной и сверкающей поверхностью, какое онъ уже видѣлъ въ замкѣ на Рейнѣ. Здѣсь также стоялъ посрединѣ комнаты металлическій полированный дискъ и лежалъ молотокъ, но только этотъ дискъ былъ больше того, по которому онъ такъ неосторожно ударилъ и вызвалъ этимъ странное видѣніе арміи крестоносцевъ.

Между всѣми этими вещами были разставлены маленькіе столики, снабженные золотыми или серебрянными шандалами, съ толстыми восковыми свѣчами, какія употребляются въ церквахъ. На двухъ большихъ столахъ были громадные запечатанные фоліанты и по довольно большому сосуду, съ такой чистой и свѣжей водой, что она будто только что была налита. Низкія и мягкія кресла дополняли убранство комнаты.

Странный, острый и, въ то же время, живительный ароматъ наполнялъ залу.

Когда Супрамати все осмотрѣлъ, Нара сказала съ улыбкой:

— Пойдемъ! Мы сейчасъ вызовемъ Дахира.

Она подвела мужа къ странному зеркалу и нажала пружину. Зеркало тотчасъ же зашаталось, спустилось съ подставки и остановилось передъ ними.

Только теперь Супрамати отдалъ себѣ отчетъ въ виличинѣ зеркала, достигавшей высоты его роста.

Въ это время Нара достала кусокъ какого-то вещества, похожаго на вату, и начала имъ сильно натирать полированную поверхность, которая тотчасъ же потемнѣла, потеряла свой разноцвѣтный отливъ и сдѣлалась черной, какъ чернила; затѣмъ, она покрылась серебристыми капельками, которыя, казалось, просачивались извнутри.

Какъ только появился этотъ свѣтящійся паръ, Нара въ полголоса запѣла на незнакомомъ мужу языкѣ.

Окончивъ пѣніе, она сказала:

— Теперь смотри внимательно!

Съ понятнымъ любопытствомъ смотрѣлъ Супрамати на странный процессъ, происходившій передъ его глазами. Поверхность зеркала пришла, казалось, въ движеніе, дрожала и издавала трескъ; затѣмъ, она подернулась густымъ паромъ, который, въ свою очередь, перешелъ въ фіолетовый туманъ. Потомъ этотъ родъ покрывала раздался и открылъ видъ на море.

Передъ ними, теряясь вдали, разстилалась водная равнина, волнуемая свѣжимъ вѣтеркомъ: острый морской воздухъ ударилъ ему въ лицо, а издали, скользя по волнамъ, быстро приближался корабль который Супрамати тотчасъ же призналъ за судно Дахира.

Скоро ясно вырисовывалась палуба корабля, который черезъ нѣсколько минутъ поровнялся со страннымъ окномъ. На палубѣ прислонясь къ мачтѣ, стоялъ Дахиръ и на блѣдномъ лицѣ его играла улыбка. Приподнявъ свою фетровую шляпу, онъ любезно поклонился.

— Торопись, Дахиръ! Мы ждемъ тебя. Супрамати сгораетъ отъ нетерпѣнія!—крикнула Нара, дѣлая рукой дружескій знакъ.

— Завтра вечеромъ я буду ужинать съ вами, — отвѣтилъ звучный и хорошо знакомый голосъ.

Въ ту же минуту фіолетовый паръ закрылъ отверстіе страннаго окна, затѣмъ появился металлическій дискъ и сталъ быстро

поглощать облачные клочки, еще носившіеся по его поверхности. Потомъ все приняло свой обычный видъ.

Супрамати опустился на стулъ и отеръ потъ, выступившій у него на лбу.

— Отъ всего того, что я испытываю, видя невѣроятныя явленія, ниспровергающія всѣ законы природы, можно сойти съ ума!—пробормоталъ онъ, откидывая голову на спинку кресла.

Нара громко разсмѣялась.

— Когда ты, Супрамати, впадаешь въ напыщенное тщеславіе патентованнаго ученаго, то начинаешь говорить очень забавныя вещи. Развѣ возможно ниспровергнуть законы природы? Не проще ли и не логичнѣе ли допустить, что существуютъ не извѣстные еще вамъ законы, примѣненіе которыхъ людьми умѣющими управлять ими, производитъ феномены, потому только кажущіеся тебѣ такими поразительными, что ты не знаешь ихъ сущности. Скоро всѣ эти «тайны» объяснятся для тебя, и ты первый будешь смѣяться надъ своимъ сегодняшнимъ волненіемъ.

Супрамати съ живѣйшимъ нетерпѣніемъ ждалъ вечера слѣдующаго дня. Несмотря на очевидность, врожденный скептицизмъ заставлялъ его не довѣрять своимъ собственнымъ глазамъ. Ему казалось невозможнымъ, чтобы Дахиръ прибылъ, какъ обѣщалъ. Вчерашнее видѣніе должно было быть ничто иное, какъ галлюцинація, вызванная его разстроенными нервами.

По приказанію Нары, ужинъ былъ накрытъ на три персоны, а около десяти часовъ одинъ изъ старыхъ слугъ ввелъ ожидаемаго посѣтителя.

На этотъ разъ на Дахирѣ былъ изящный и безукоризненный современный костюмъ. Когда онъ поздоровался съ хозяевами дома, всѣ сѣли за столъ.

По окончаніи ужина, когда они остались одни, Дахиръ, крѣпко пожалъ руку Супрамати и сказалъ:

— Благодарю тебя, другъ, что ты избралъ меня своимъ руководителемъ! Я усталъ блуждать по морямъ и счастливъ отдохнуть здѣсь въ вашемъ обществѣ!

— Я только дѣйствовалъ подъ вліяніемъ симпатіи къ тебѣ; а это не заслуживаетъ никакой благодарности,—весело отвѣтилъ Супрамати.—Но когда ты предполагаешь начать наши занятія?

— Завтра вечеромъ, если ты ничего не будешь имѣть противъ этого?

— Отлично! Не предпишешь ли ты мнѣ какого нибудь приготовительнаго къ нашимъ занятіямъ ритуала?

— Приготовленія начнутся только вечеромъ, а до тѣхъ поръ— мы свободны!

— Тѣмъ лучше!—замѣтилъ Супрамати.

Затѣмъ разговоръ перешелъ на другіе предметы.

Слѣдующій день прошелъ очень быстро. Они бесѣдовали, гуляли и пообѣдали съ аппетитомъ. О посвященіи не было сказано ни слова. Только вечеромъ Дахиръ сказалъ:

— Время намъ удалиться, Супрамати! Простись на недѣлю со своей прекрасной супругой. Это время намъ необходимо, чтобы приготовиться къ первому акту твоего посвященія.

Молодые люди удалились въ лабораторію, которую мы уже описали. Къ удивленію Супрамати, его руководитель открылъ дверь, существованіе которой онъ не подозрѣвалъ, и ввелъ его въ смежную комнату. Тамъ стояли двѣ кровати и что-то въ родѣ большой и широкой, стеклянной ванны, наполненной синеватой, прозрачной жидкостью.

— Здѣсь,—сказалъ Дахиръ,—мы должны провести недѣлю въ постѣ, молитвѣ и очищеніи. Начнемъ сейчасъ же!

Онъ зажегъ двѣнадцать подсвѣчниковъ, съ восковыми свѣчами толщиною въ кулакъ и затѣмъ разжегъ уголья на треножникѣ, бросивъ на нихъ горсть порошка, который вспыхнулъ разноцвѣтнымъ пламенемъ и наполнилъ комнату удушливымъ ароматомъ.

— Теперь раздѣньея и погрузись въ этотъ бассейнъ!—скомандовалъ Дахиръ.

Супрамати повиновался; но, къ великому его удивленію, то, что онъ считалъ водой, оказалось какимъ-то страннымъ, почти неосязаемымъ веществомъ. Правда, онъ ощущалъ влажность, но влажность эта, казалось, происходила отъ вѣянія воздуха, а не отъ жидкости. Затѣмъ, по всему его тѣлу пробѣжало горячее колотье, и Супрамати съ новымъ недоумѣніемъ убѣдился, что полная до краевъ ванна опустѣла какимъ-то непонятнымъ образомъ.

Супрамати не могъ сказать, вытекло ли это странное вещество черезъ какую-нибудь невидимую отводную трубу, или оно было поглощено его организмомъ? Только онъ чувствовалъ себя спокойнымъ, сильнымъ, и съ чувствомъ удовлетворенія выйдя изъ ванны, сталъ одѣваться.

Дальнѣйшее время быстро пролетѣло.

Супрамати каждый день бралъ ванну изъ таинственной суб-

станціи и подвергался окуриванію. Два раза въ день Дахиръ давалъ ему пищу, состоявшую изъ бѣлаго хлѣбца и кубка краснаго вина, которые онъ бралъ на жертвенникѣ въ лабораторіи. Остальное время Супрамати было занято чтеніемъ молитвъ, отмѣченныхъ въ тетради, данной ему его руководителемъ, въ заучиваніи наизусть различныхъ магическихъ формулъ и въ упражненіяхъ, предназначенныхъ для дисциплинированія воли и для пріобрѣтенія привычки сосредоточиваться на одномъ предметѣ.

Поглощенный этими занятіями, Супрамати даже не замѣчалъ, какъ бѣжало время. Онъ чувствовалъ себя бодрымъ: умъ его былъ ясенъ, какъ никогда. Онъ не ощущалъ ни голода, ни утомленія и былъ крайне удивленъ, когда Дахиръ сказалъ ему:

— Семь дней прошло. Прими послѣднюю ванну и надѣнь одежды, которыя лежатъ въ этомъ ящикѣ.

Супрамати поспѣшилъ исполнить приказъ. И, выйдя изъ ванны, досталъ изъ ящика длинную и широкую тунику молочно-бѣлаго цвѣта, до самыхъ пятокъ закрывавшую его мягкими складками. Съ любопытствомъ онъ ощупалъ матерію: то не былъ ни шелкъ, ни шерсть, ни полотно. Очень тонкая и въ то же время, плотная и нѣжная, какъ пухъ, матерія эта сверкала, словно была покрыта капельками росы, и издавала легкій трескъ, когда ее мяли.

— Что это за матерія? Я никогда еще не видалъ такой,— спросилъ Супрамати.

— Эта ткань сдѣлана изъ волоконъ магическаго растенія, отвѣтилъ Дахиръ надѣвая такую же тунику.

Затѣмъ онъ вынулъ изъ другого ящика два металлическихъ пояса, съ рельефными кабалистическими знаками, и цѣпь съ фіолетовой звѣздой. Когда Супрамати надѣлъ то и другое, Дахиръ прибавилъ:

— Съѣшь этотъ кусокъ хлѣба и выпей кубокъ вина. Затѣмъ возьми восковую свѣчу и въ путь!

Супрамати молча повиновался. Сердце его сильно билось, такъ какъ, очевидно, насталъ часъ въ первый разъ войти въ соприкосновеніе съ ужаснымъ, невидимымъ міромъ.

Вооружившись лежавшимъ на жертвенникѣ мечемъ, и взявъ въ другую руку восковую свѣчу, Дахиръ продолжалъ:

— Теперь иди къ завѣсѣ, висящей въ глубинѣ комнаты! Я слѣдую за тобой.

Мужественно подавивъ охватившее его волненіе, Супрамати направился къ указанной завѣсѣ, которой раньше не замѣчалъ.

Какъ только онъ приблизился, тяжелая завѣса раздалась, приподнятая будто невидимыми руками, и открылся узкій проходъ въ видѣ моста, перекинутаго черезъ черную бездну, зіявшую по обѣ стороны. Не оглядываясь кругомъ Супрамати перешелъ бездну.

Поднялась вторая завѣса, и онъ вошелъ въ обширную залу, круглую, какъ и лабораторія, и почти совершенно пустую. Посрединѣ, на каменномъ полу былъ начерченъ красный кругъ, вокругъ котораго стояли четыре треножника съ угольями, пылавшими разноцвѣтными огнями: бѣлымъ, синимъ, зеленымъ и краснымъ. Отъ удушливаго аромата, наполнявшаго комнату, у Супрамати закружилась голова. Но онъ забылъ все, увидѣвъ Нару, которая дружески ему улыбалась.

Босая, какъ и они, одѣтая въ такую же тунику, молодая женщина стояла въ глубинѣ комнаты у веревки отъ колокола, висѣвшаго на потолкѣ. Ея распущенные и ниспадавшіе до самыхъ пятъ волосы окутывали ее, точно блестящимъ плащемъ. Она была прекраснѣе, чѣмъ когда-нибудь, но ея очаровательное личико дышало торжественною важностью и непоколебимой волей.

— Иди и стань въ средину круга!—сказала она повелительно.

Супрамати повиновался, употребляя всѣ усилія, чтобы сдержать потрясавшую его дрожь.

Тогда Дахиръ, поднявъ свой мечъ, и, махнувъ имъ по направленію сѣвера, юга, востока и запада, запѣлъ странную пѣснь, а Нара стала медленно ударять въ колоколъ.

Протяжные и стонущіе звуки наполнили атмосферу, аккомпанируя голосу Дахира. Можно было подумать, что ударяютъ по какому-нибудь стеклянному инструменту.

Вдругъ пѣніе и звонъ колокола смолкли. Затѣмъ, послѣ минутной гробовой тишины, Дахиръ вскричалъ громовымъ голосомъ:

— Стихійные духи! Явитесь изъ нѣдръ земли, глубины водъ, съ высотъ эфира и изъ огня, все проникающаго! Явитесь намъ, слуги пространства движущія силы стихій!

При этомъ вызовѣ зала наполнилась шумомъ. Вѣтеръ свистѣлъ, земля дрожала, а въ воздухѣ раздался трескъ. Казалось, невидимая толпа двигалась и толкалась вокругъ присутствующихъ. Затѣмъ густыя облака, какъ дымомъ, заволокли залу, но онѣ скоро разсѣялись, и тогда сдѣлалось видно, какая странная армія толпилась у круга, устремивъ на Супрамати пылающіе взгляды.

Это были сѣроватыя съ неясными контурами, существа, закутанныя въ развѣвавшіяся покрывала. Они пытались, видимо, престу-

нить черезъ черту круга, но тотчасъ же воздухъ прорѣзала молнія, а надъ Супрамати появился сіяющій бѣлоснѣжный крестъ.

Воздушныя массы отступили назадъ и разбились на четыре группы вокругъ каждаго изъ треножниковъ. Теперь очертанія ихъ стали отчетливѣе и можно было различить странныя и ужасныя формы этихъ призрачныхъ существъ.

Одни были красны, какъ огонь, и, казалось, отлиты изъ раскаленнаго желѣза; другія, зеленоватыя, были точно изъ болотной, стоялой пѣны, а человѣческаго въ нихъ было только одни фосфоресцирующіе глаза. Третья группа отличалась странными формами и была снабжена голубоватыми крыльями. Она безостановочно кружилась вокругъ треножника, на которомъ пылало синее пламя. Наконецъ, среди клубовъ чернаго дыма, двигались отвратительныя, маленькія существа, со зловѣщими, сѣро-землистыми лицами.

Дрожа и обливаясь потомъ, смотрѣлъ Супрамати на эту страшную толпу, а восковая свѣча чуть не выскользнула изъ его рукъ. Какъ во снѣ, слышалъ онъ пѣніе, раздавшееся затѣмъ въ пространствѣ, то гармоничное и глухое, то рѣзкое и нестройное. Это была смѣсь жалобъ, рыданій, радостныхъ криковъ и порывовъ къ свѣту.

Тогда вторично раздался звучный голосъ Дахира.

— Духи стихій! Вы ищете господина, ищете поля труда? Этотъ новый господинъ,—вотъ онъ! Я связываю васъ съ нимъ, а вы поклянетесь повиноваться и помогать ему.

Оглушительный ударъ грома потрясъ замокъ до самаго основанія. Яркая молнія сверкала со всѣхъ сторонъ, окруживъ на мигъ Супрамати, какъ огненной сѣтью. Земля, казалось разсѣлась, образовавъ у его ногъ черную, бездонную пропасть. Въ минуту, на другой сторонѣ пропасти обозначилась каменная монументальный ходъ въ невѣдомый и окутанный тьмой «потустороннiй» міръ.

Нара и Дахиръ проворно очутились рядомъ съ неофитомъ, схватили его за руки и толкнули впередъ.

— Пройди, не отступая, четверо вратъ *невидимаго*, или ты погибнешь. Держи крѣпко *свѣтъ* и иди безъ колебанія! энергично крикнули они ему.

Съ отчаяніемъ, но мужественно стиснувъ зубы, бросился Супрамати впередъ и перешелъ пропасть, судорожно сжимая въ рукахъ восковую свѣчу.

Переступивъ порогъ арки, онъ очутился въ абсолютной темнотѣ. Земля была скользкая и, казалось, ежеминутно могла обсыпаться

подъ его ногами. Тѣмъ не менѣе, онъ шелъ впередъ, смотря на свѣчу, которую держалъ въ рукахъ, подталкиваемый сильнымъ вѣтромъ, дувшимъ ему въ спину.

Черезъ минуту, показавшуюся Супрамати вѣчностью, въ полусумракѣ обрисовывалась другая арка, иной формы, служившая входомъ въ узкій и почти темный корридоръ.

Осмѣлѣвъ, Супрамати рѣшительно вошелъ въ этотъ проходъ и тотчасъ же его со всѣхъ сторонъ окружили ужасныя животныя. Пресмыкающіяся, летучія мыши и ядовитыя насѣкомыя появлялись изъ мрака, кусая его и прицѣпляясь къ нему.

Почти безсознательно, съ отчаяніемъ продолжалъ Супрамати свой путь по скользкой землѣ, не отдавая себѣ отчета, что было подъ ногами.

Ослѣпительный свѣтъ, ударившій ему въ лицо, заставилъ его на минуту остановиться. Корридоръ внезапно расширился и обнаружилъ новую дверь, всю въ огнѣ. Отъ нея какъ изъ очага, исходило пламя, а у порога сидѣло фантастическое животное, гигантской величины, съ человѣческимъ лицомъ.

За спиной ужаснаго чудовища возвышались огромныя крылья, а взглядъ грозилъ смертью всякому, кто къ нему приближался.

Ледяной потъ выступилъ на лбу молодого доктора, но въ его ушахъ звучали еще слова руководителей.

— Иди впередъ безъ колебаній, не отступая, или ты погибъ!

И онъ съ мужествомъ отчаянія бросился впередъ.

Супрамати казалось, что онъ окунулся въ огненный потокъ. Глаза страшнаго существа, точно раскаленнымъ желѣзомъ, пронизывали его и онъ инстинктивно поднялъ руку со свѣчей. Но, къ крайнему своему удивленію, онъ увидѣлъ, что чудовище опустило голову и пошло передъ нимъ, будто указывая ему путь.

По мѣрѣ того, какъ они двигались впередъ, чудовище теряло отвратительный видъ.

Противное, животное лицо превратилось въ голову ангела чудной красоты. Кудрявая голова была украшена гирляндой бѣлоснѣжныхъ цвѣтовъ. Тѣло чудовища измѣнилось, мало-по-малу, въ огненную тунику, которая легкими и граціозными складками покрывала стройное и воздушное тѣло.

Вдругъ огонь угасъ. Теперь передъ испуганнымъ взоромъ Супрамати разстилалась водная поверхность. Вѣтеръ ревѣлъ вздымая бурныя и высокія, какъ горы, волны и бросая въ лицо неофита и огненнаго ангела клочья пѣны вѣнчавшіе гребни волнъ.

Супрамати готовъ былъ остановиться, но ангелъ глумливо взглянулъ на него и молодой человѣкъ, точно получивъ ударъ шпоръ, бросился въ волны. Съ минуту ему казалось, что онъ тонетъ въ бездонной пропасти. Ледяная вода покрыла его, отнимая у него дыханіе: въ ушахъ у него шумѣло, голова кружилась, а въ глазахъ потемнѣло. Но вдругъ на него налетѣла волна, подняла его и, какъ на челнокѣ, вынесла на поверхность.

Супрамати удивленно оглянулся. Вода исчезла; ревъ волнъ и свистъ вѣтра тоже смолкли; вокругъ царила величавая тишина.

Онъ стоялъ на гладкой, какъ полированное зеркало, поверхности небольшого озера и кругомъ разстилался веселый пейзажъ. Виднѣлись зеленыя группы деревьевъ и лужайки, усѣянныя цвѣтами, а надъ головой сіялъ голубой небесный сводъ. Передъ нимъ, утопая въ потокѣ ослѣпительнаго свѣта, стоялъ огненный ангелъ. Въ высоко поднятой рукѣ онъ держалъ бѣлоснѣжный, залитый кровью, крестъ.

Лицо этого таинственнаго проводника дышало нечеловѣческимъ величіемъ; пламенный взглядъ его, ясный и непроницаемый, былъ устремленъ въ ослѣпленные глаза Супрамати. Затѣмъ раздался его звучный голосъ:

— Смотри!— сказалъ онъ, указывая на крестъ.— Вотъ путь вѣчности, залитый кровью тѣхъ, кто побѣдилъ плоть! На этомъ пути всѣ страждутъ: здѣсь должны быть побѣждены всѣ человѣческія страсти, всѣ похоти, всѣ душевныя слабости. Матеріальный человѣкъ здѣсь распинается, чтобы возстать не матеріальнымъ и войти въ великую дверь абсолютнаго знанія. Итакъ, переступи этотъ порогъ, смоченный твоимъ трудовымъ потомъ и увѣнчанный жертвой твоей плоти—и для тебя загорится въ невидимомъ мірѣ ослѣпительная звѣзда мага!

Веселый пейзажъ затуманился и измѣнилъ свой видъ. Зеленѣющая земля поднялась и открыла подъ собой склепъ, озаренный смутнымъ полусвѣтомъ. По серединѣ склепа стоялъ открытый саркофагъ, надъ которымъ сверкала ослѣпительная звѣзда; а рядомъ съ каменной гробницей стоялъ геній, служившій ему проводникомъ. Только теперь, вмѣсто креста, онъ держалъ въ рукахъ черный кубокъ.

— Что все это значитъ?—какъ молнія, пронеслось въ головѣ Супрамати.

— Это означаетъ слѣдующее: вотъ загадка, которую ты долженъ разрѣшить,—отвѣтилъ геній, поднимая черный кубокъ.

Въ ту же минуту все потемнѣло. Супрамати почувствовалъ, что онъ летитъ въ бездну и потерялъ сознаніе.

Открывъ глаза, онъ увидѣлъ Нару и Дахира, склонившихся надъ нимъ.

Супрамати провелъ рукой по лбу и пытался собраться съ мыслями. Ему казалось, что онъ очнулся отъ тяжелаго кошмара, полнаго ужасныхъ видѣній.

Но вдругъ къ нему вернулась память и онъ ясно припомнилъ, что произошло. Но когда онъ открылъ было ротъ, чтобы заговорить, Дахиръ приложилъ палецъ къ губамъ и сказалъ наставительно:

— Молчи! Не разоблачай тайнъ, видѣнныхъ тобой! Носи ихъ въ себѣ, какъ руководящій свѣтъ!

II.

Послѣ нѣсколькихъ дней, посвященныхъ отдыху и проведенныхъ въ веселыхъ, дружескихъ бесѣдахъ и въ интересномъ чтеніи, Дахиръ объявилъ однажды вечеромъ, что пора снова приняться за работу, а для этого завтра же на разсвѣтѣ надо быть въ лабораторіи.

— Опять мы будемъ дѣлать вызыванія?—съ гримасой спросилъ Супрамати.

Нара погрозила мужу пальцемъ, а Дахиръ со смѣхомъ отвѣтилъ:

— Нѣтъ, мы предварительно займемся теоріей: практика придетъ потомъ.

На слѣдующее утро, едва взошло солнце, Супрамати явился въ лабораторію. Дахиръ былъ уже тамъ и читалъ, склонившись надъ объемистымъ фоліантомъ.

Они дружески поздоровались и затѣмъ Дахиръ сказалъ, вставая со стула.

— Прежде всего, мой братъ, я покажу тебѣ, какъ должно начинать нашъ день.

Онъ отвелъ Супрамати въ комнату, гдѣ стояли двѣ кровати и ванна. Эту комнату они прошли, не останавливаясь, и черезъ потайную дверь, по винтовой лѣстницѣ, спустились въ нижній этажъ, гдѣ была устроена настоящая купальня, съ большимъ мраморнымъ бассейномъ посрединѣ. Остальную меблировку составляли туалетъ со всѣми принадлежностями, постель и два большихъ сундука.

— Три раза въ день мы освѣжаемся здѣсь ванной. Вотъ видишь эту пружину? Если ты нажмешь ее, то бассейнъ наполнится; если же ты подвинешь ее вправо, то жидкость исчезнетъ. Въ воду ты выльешь изъ стакана ароматической эссенціи изъ этой амфоры съ синей эмалью. Выкупавшись же, одѣнь одежды, которыя найдешь въ сундукѣ. Эти одежды гораздо удобнѣй; кромѣ того,

онѣ лучше приспособлены по своей формѣ и цвѣтамъ къ нашимъ работамъ, чѣмъ ваши модные костюмы. Продѣлавъ все это, приходи ко мнѣ въ лабораторію.

Ванна необыкновенно освѣжила Супрамати. Ароматическая эссенція придавала водѣ нѣжно-розовый оттѣнокъ и наполнила комнату ароматомъ розъ и фіалокъ.

Въ сундукѣ Супрамати нашелъ длинную и широкую одежду изъ черной шерсти, черную же маленькую шапочку и золотую цѣпь съ висѣвшимъ на ней нагруднымъ знакомъ, украшеннымъ семью различными драгоцѣнными камнями.

Придя въ лабораторію, онъ увидѣлъ Дахира въ такомъ же костюмѣ.

— Мы оба напоминаемъ доктора Фауста! Для полноты иллюзіи не хватаетъ только Мефистофеля.

— Вовсе нѣтъ! Я именно и представляю Мефистофеля, переодѣтаго честнымъ ученымъ докторомъ,—весело отвѣтилъ Дахиръ.— Я и посвящу въ дьявольскія тайны черной магіи тебя, благородный Фаустъ, одаренный вѣчною молодостью, гораздо болѣе продолжительною, чѣмъ молодость твоего прототипа. Кромѣ того, худая слава, которой наградила меня легенда, дѣлаетъ меня вполнѣ подходящимъ для роли искусителя.

Когда они сѣли, Дахиръ продолжалъ:

— Сначала я буду говорить тебѣ о «первоначальной матеріи», т. е. о томъ необыкновенномъ веществѣ, которое ты принялъ, но о которомъ ты ничего не знаешь. Не думай, что я могу дать тебѣ вполнѣ ясныя объясненія; я самъ едва знаю азбуку гигантской науки, заключающей въ себѣ весь механизмъ вселенной. Не буду говорить о данныхъ современной науки, которыя, ты, какъ докторъ и прекрасный химикъ, и самъ знаешь; я напомню только, что «оффиціальная» наука не знаетъ природы большей части физическихъ двигателей, окружающихъ насъ, что при изученіи началъ или составныхъ элементовъ тѣлъ дѣлаются все новыя открытія, и что не одно тѣло, считавшееся простымъ, оказывалось весьма сложнымъ.

И такъ, по всему безконечному пространству распространено эфирное вещество, болѣе тонкое, чѣмъ самый тонкій и невѣсомый газъ или флюидъ. Это вещество—*первоначальная матерія*, какъ мы его называемъ. Оно, если только можно такъ выразиться, представляетъ собою огонь въ состояніи неуловимаго флюида, двигатель, дающій жизнь и которымъ пропитано все

Но знаютъ-ли высшіе посвященные всѣ свойства этой необыкновенной субстанціи, которую по праву можно назвать *жизненнымъ сокомъ вселенной*, мнѣ неизвѣстно.

Это вещество распространено по всему пространству вселенной. Когда начинается образованіе туманнаго пятна, то́, благодаря необыкновенной быстротѣ вращенія, первоначальная матерія сгущается, и каждая изъ образующихся планетъ поглощаетъ ее въ такомъ количествѣ, какое необходимо для ея будущихъ нуждъ. Эта мать-кормилица необходима для жизни небесныхъ тѣлъ, въ теченіе милліардовъ лѣтъ, со всѣмъ, что находится на нихъ, такъ какъ первоначальная матерія входитъ во все что живетъ, дышетъ, двигается и выдѣляетъ свѣтовую энергію. Тамъ, гдѣ этотъ свѣтъ гаснетъ, начинается разложеніе: это—смерть.

Каждая планета заключаетъ въ своихъ нѣдрахъ извѣстный запасъ этого жизненнаго сока и міръ существуетъ только до тѣхъ поръ, пока не истощится послѣдняя капля первоначальной матеріи и не нарушится равновѣсіе стихій, которое поддерживается этой странной субстанціей: такъ какъ она и есть то *божественное дыханіе*, о которомъ говоритъ книга Бытія—то дыханіе Создателя, которое паритъ надъ мракомъ хаоса и раздѣляетъ стихіи. Дѣйствительно, первоначальная субстанція, проникая въ образующуюся матерію, хотя и производитъ раздѣленіе, но всегда сохраняетъ первенствующую роль, преобразуясь работой вращенія, въ различныя оживляемыя ею тѣла: хотя и предназначенная такимъ образомъ питать міръ въ теченіи всей его планетной жизни, но органическимъ, оживляемымъ ею существомъ, въ силу дробленія и безконечной передачи, она даетъ лишь ограниченную жизнь, что ты видишь въ растеніяхъ, животныхъ и людяхъ.

Въ чистомъ видѣ субстанція эта никогда не входитъ въ обыкновенную жизнь, а передается изъ поколѣнія въ поколѣніе черезъ произрожденія.

Для насъ, «безсмертныхъ», все это представляется иначе. Мы поглощаемъ первоначальную матерію въ ея примитивномъ видѣ и пріобрѣтаемъ этимъ для нашего тѣла продолжительность планетной жизни.

Какъ тебѣ уже извѣстно, никакое излишество и никакая случайность не могутъ истощить неисчерпаемый источникъ заключающейся въ насъ жизненности, если только не прибѣгать къ средству, употребленному Нарайяной и имѣющему весьма важныя послѣдствія; мы, чтобы умереть, должны ждать перехода на другую планету.

Тамъ первоначальная матерія находится въ иныхъ, чѣмъ въ нашемъ мірѣ, химическихъ комбинаціяхъ, съ которыми не можетъ уже ассимилироваться истощенная и ослабленная жизненная субстанція, находящаяся въ насъ.

Начнется разложеніе, и вотъ, послѣ нашей долгой жизни, мы отпразднуемъ, наконецъ, наше вступленіе въ невидимый міръ. Поэтому благоразумно будетъ употреблять всѣ усилія, чтобы прогрессировать, а не оставаться на одномъ мѣстѣ въ нашей духовной жизни.

Супрамати вздрогнулъ и нервно откинулъ свои каштановые волосы.

— Знаешь ли Дахиръ? Имѣй я полное понятіе о томъ, что дѣлаю, я ни за что на свѣтѣ не выпилъ бы этого предательскаго кубка. Бываютъ минуты, когда перспектива этой безконечной жизни просто кружитъ мнѣ голову.

— Вѣрю! Я и самъ испыталъ тоже самое. Но чѣмъ больше я изучалъ, тѣмъ всѣ болѣе таяло это чувство. Во всякомъ случаѣ, разъ Рубиконъ перейденъ—надо идти впередъ!

— Скажи пожалуйста, кому это посчастливилось первому получить первоначальную матерію во всемъ ея страшномъ могуществѣ и какимъ образомъ онъ передалъ ее другимъ?

— Ты спрашиваешь у меня то, чего я и самъ не знаю. Трудно указать изобрѣтателя *панацеи*, благодѣяніемъ которой мы пользуемся, ввиду древности этого событія. На этотъ счетъ существуютъ преданія, которыя покажутся тебѣ въ высшей степени легендарными.

Такъ, утверждаютъ, будто Ева, искушенная Зміемъ (временемъ), вкусила этой субстанціи: такъ какъ жизнь казалась ей такой прекрасной, что она желала, чтобы та продолжалась безконечно. Она угостила также Адама, и за это оба они были изгнаны изъ Рая. Но, покидая Рай, они захватили съ собой запасъ этого вещества, чѣмъ и объясняется продолжительная жизнь первыхъ патріарховъ и Маѳусаила. Говорятъ также, что и Мельхиседекъ имѣлъ это вещество и былъ уже членомъ братства. Хирамъ тоже, а Прометей похитилъ его и былъ уничтоженъ.

Гдѣ же находится первоначальный источникъ этой таинственной субстанціи,—я не знаю. Одни утверждаютъ, что на островѣ Цейлонѣ, гдѣ находился земной Рай; другіе говорятъ о таинственномъ мѣстѣ въ Месопотаміи, между Тигромъ и Евфратомъ; нѣкоторые же увѣряли меня, что въ Африкѣ есть гротъ, доходящій почти до центра земли, въ которомъ и течетъ источникъ жизненныхъ силъ

Кто знаетъ, гдѣ истина во всѣхъ этихъ разсказахъ? Я могу только утверждать, что весьма значительное количество этого вещества находится въ распоряженіи каждаго центра нашего братства, подъ охраной одного изъ членовъ.

Нарайяна былъ стражемъ такого склада, находящагося въ ледникахъ, а теперь имъ состоишь ты.

Постой! Я забылъ тебѣ сказать еще кое что поэтому поводу. Мнѣ говорили, что большія змѣи извѣстной породы знаютъ свойства первоначальной матеріи и умѣютъ находить путь для добычи ея. Царица змѣй, будто-бы, обязательно поглощаетъ это вещество. Но затѣмъ змѣя изрыгаетъ эту матерію, которая, благодаря соприкосновенію съ воздухомъ и животнымъ эманаціямъ, которыми она пропиталась, принимаетъ видъ голубоватаго свѣтящагося камня, одареннаго чудесною силой.

Это, такъ сказать, *палладіумъ* каждаго царства змѣй. Но посвященные умѣютъ доставать этотъ камень, обладающій необыкновенными свойствами. Онъ излѣчиваетъ болѣзни, предохраняетъ отъ смертельныхъ ядовъ, залечиваетъ раны, развиваетъ оккультныя силы души, даетъ ясновидѣніе и прочее.

Обладатель такого камня можетъ подчинить себѣ волю другихъ людей, самъ же остается неуязвимымъ отъ всѣхъ такихъ поползновеній.

Не разъ профаны обладали подробными камнями, не подозрѣвая всѣхъ ихъ свойствъ. Безсмертный посвященный можетъ, если хочетъ, каплей первоначальной эссенціи, разложить такой камень, который тогда испаряется, превратившись въ газъ.

Изъ нихъ дѣлаются магическія звѣзды: подобный же камень находится въ нагрудномъ знакѣ Махатмы. Изъ матеріи такого камня состоялъ порошокъ, который имѣли въ рукахъ Ванъ-Гельмонъ и Гельвецій, и при помощи котораго даже самые грубые металлы можно превратить въ золото.

Настоящіе магическіе жезлы (не простые жезлы колдуновъ) всегда пропитаны первоначальной матеріей. Отсюда ихъ сила надъ стихіями. При помощи такого жезла магъ производитъ растительность, дѣлаетъ хорошую погоду, или вызываетъ дождь, бурю, громъ и молнію.

При помощи подобнаго жезла Моисей разверзъ землю и вызвалъ огонь, пожравшій бунтовщиковъ.

Первоначальная матерія, въ видѣ порошка, представляетъ философскій камень алхимиковъ: смѣшанная съ землей она произ-

водитъ магическія растенія: а этотъ же порошокъ, въ соединеніи съ различными химическими веществами, образуетъ драгоцѣнные камни, одаренные разными магическими свойствами. Словомъ, магъ, сообразно со степенью своего знанія, можетъ вызывать различныя явленія, и увидѣвъ какое-нибудь изъ нихъ, ты вообразилъ бы себя въ волшебномъ мірѣ; а между тѣмъ все, что ты увидѣлъ бы, было бы простымъ, мудрымъ приложеніемъ силъ, неизвѣстныхъ профанамъ.

Всѣ маги и посвященные владѣютъ первоначальной матеріей. Одни принимаютъ ее, чтобы гарантировать себѣ планетную жизнь: другіе довольствуются тѣмъ, что пользуются ея свойствами и изучаютъ ее, какъ особую науку.

— Слѣдовательно, не всѣ маги и посвященные пользуются планетною жизнью?— спросилъ Супрамати.

— Всѣ они живутъ необыкновенно долго: даже тѣ, которые не хотятъ удлинять срокъ своей жизни при помощи знанія. Это происходитъ потому, что ихъ трезвая и правильная, безъ всякихъ излишествъ жизнь, болѣе духовная, чѣмъ матеріальная, необыкновенно медленно исчерпываетъ жизненую силу.

Но, кромѣ безсмертныхъ нашего Братства, существуетъ еще весьма значительное число посвященныхъ, обезпечивающихъ себѣ многовѣковую жизнь при помощи другихъ средствъ, которыя сохраняютъ имъ молодость, либо зрѣлый возрастъ, оставляя имъ возможность, когда угодно, уйти въ невидимый міръ. Только эта категорія мудрыхъ обязана выдерживать спеціальный режимъ и должна тщательно избѣгать всякихъ излишествъ, чего безсмертный нашего Братства не обязанъ дѣлать. Къ несчастью, въ братствахъ попадается не одинъ членъ вродѣ Нарайяны и встрѣчаются порочные невѣжды, играющіе съ огнемъ, не стремясь изучать и понять страшную силу, какой они располагаютъ. Но такіе люди исчезаютъ со сцены черезъ болѣе или менѣе продолжительное время, какъ исчезъ и твой предшественникъ.

— И такъ, мы начнемъ съ изученія первоначальной матеріи?— освѣдомился Супрамати.

— И да, и нѣтъ! Безъ сомнѣнія, первоначальное вещество заключено во всемъ, и мы встрѣтимъ его всюду въ самомъ разнообразномъ примѣненіи; но наша настоящая программа будетъ гораздо ограниченнѣй. Мы будемъ изучать то, что называется черной магіей, т. е. мы займемся изученіемъ стихій въ ихъ дисгармоничномъ и разрушительномъ состояніи. Всякая стихія имѣетъ своихъ работниковъ. Вотъ ты и ознакомишься, прежде всего съ этими низшими,

но ужасными въ своемъ могуществѣ, дѣятелями. Только тогда, когда ты побѣдишь ихъ, сдѣлаешься ихъ господиномъ и перестанешь бояться безпорядочныхъ окружающихъ насъ, грозныхъ силъ мы перейдемъ къ низшей степени бѣлой магіи, гдѣ насъ уже ждетъ награда, а именно: относительный миръ, извѣстная гармонія и сознаніе нашей силы. Пройдя эту степень, я надѣюсь, ты будешь въ состояніи сдѣлаться ученикомъ Эбрамара и, подъ его руководствомъ, подняться на нѣсколько ступеней къ сіяющему очагу *абсолютной гармоніи*.

— Хватитъ ли у меня силъ идти по этому тернистому пути?— пробормоталъ Супрамати.

— Главное—не сомнѣвайся! Помни всегда, что *сомнѣніе* есть уже полупораженіе. Конечно, тебѣ остается многое побѣдить и предстоитъ перенести суровыя и тягостныя испытанія; но съ энергіей и настойчивостью ты преодолѣешь то, что преодолѣли столько другихъ, что до тебя преодолѣлъ и я! Подумай только, насколько грубому и невѣжественному пирату было труднѣе пройти первыя ступени знанія, чѣмъ тебѣ, ученому, уже приготовленному къ умственному труду.

— Ты правъ, братъ, и я краснѣю за свое малодушіе. Позволь мнѣ поблагодарить тебя и извиниться за то, что я возложилъ на тебя неблагодарное бремя посвященія такого невѣжественнаго профана, какъ я, который не разъ выведетъ тебя изъ терпѣнія.

Дахиръ улыбнулся и горячо пожалъ протянутую Супрамати руку.

— Не мучай себя напрасными угрызеніями. Я радъ быть твоимъ руководителемъ. Развѣ мы не истинные братья, соединенные одной и той же судьбой, одинаковыми идеями и общею работой? Мое терпѣніе никогда не истощится, такъ какъ я самъ прошелъ черезъ всѣ сомнѣнія, волненія и тяжелыя испытанія, которыя ожидаютъ тебя. Я пережилъ неизбѣжные моменты упадка духа, нетерпѣнія и даже досады, когда, примѣняя оккультные законы, я видѣлъ явленія, основы которыхъ не могъ объяснить себѣ; многіе вопросы оставались безъ отвѣта, а мнѣ великодушно говорили: «Ты поймешь это позже!».

Далѣе разговоръ продолжался на ту же тему. Супрамати особенно интересовался первоначальной матеріей и все разспрашивалъ о ней своего друга, такъ что Дахиръ со смѣхомъ сказалъ:

— Я вижу, что ты хочешь съ одного удара проникнуть въ

«Святая святыхъ» и знать болѣе того, что я могу передать тебѣ. Это невозможно; я научу тебя только азбукѣ. Но такъ какъ ты интересуешься свойствами и дѣйствіемъ первоначальной матеріи, то пойдемъ: я покажу тебѣ опытъ, который покажетъ тебѣ, какъ дѣйствуетъ таинственный двигатель при формаціи планетъ, раздѣляя на различныя части основные элементы.

Очень довольный, Супрамати всталъ и послѣдовалъ за Дахиромъ, а тотъ направился въ глубь комнаты, нажалъ пружину и открылъ незамѣтную до того дверь.

— Этотъ замокъ положительно похожъ на ящикъ съ секретными отдѣленіями! Его стѣны и полы полны сюрпризовъ,— со смѣхомъ замѣтилъ Супрамати.

Войдя за своимъ проводникомъ въ круглую залу, онъ чуть было не упалъ, до такой степени былъ гладокъ и блестящъ полъ въ этой комнатѣ.

— Чортъ возьми! Мнѣ кажется,—прости Господи, что мы идемъ по хрусталю!—прибавилъ онъ.

— Совершенно вѣрно,—такъ же весело отвѣтилъ Дахиръ.— А потому иди осторожнѣй!

Супрамати съ любопытствомъ оглянулся кругомъ. Зала была почти пуста.

— Скажи, Дахиръ, отчего здѣсь всѣ комнаты круглыя, а не четырехъугольныя? Не составляетъ ли это какой-нибудь магической особенности?—спросилъ онъ.

— Да, при всѣхъ магическихъ операціяхъ, кругъ гораздо благопріятнѣе, чѣмъ ломаныя фигуры, для вращенія токовъ,—отвѣтилъ Дахиръ.

Затѣмъ онъ поднялъ плотную завѣсу и открылъ высокое и узкое окно, состоявшее изъ одного цѣльнаго и очень толстаго стекла.

— Смотри! Середина пола сдѣлана изъ краснаго хрусталя, а тамъ, на цоколѣ, стоитъ нѣчто вродѣ хрустальнаго же ящика. Это и есть инструментъ, при помощи котораго мы произведемъ нашъ опытъ.

Супрамати подошелъ и наклонился надъ большимъ прозрачнымъ ящикомъ. Онъ казался совершенно пустымъ и только на днѣ его клубился небольшой туманный клочекъ, отливавшій всѣми цвѣтами радуги.

— Въ этомъ пріемникѣ находится флюидъ пространства въ томъ состояніи и въ тѣхъ комбинаціяхъ, какія были во время обра-

зованія нашей планеты. Сейчасъ ты увидишь, какое дѣйствіе произведетъ на него первоначальная матерія.

Дахиръ вынулъ изъ кармана маленькій флаконъ съ золотой пробкой, наполненной таинственной, хорошо знакомой Супрамати жидкостью.

— Этотъ флаконъ,—сказалъ онъ,—снабженъ механизмомъ, который пропускаетъ только одну десятую часть капли матеріи, необходимую для нашего опыта.

Минуту спустя, капелька, похожая на огненную искорку, упала на дно ящика. Въ то же мгновенье Супрамати почувствовалъ сильный ударъ въ затылокъ и ему показалась точно земля заколебалась подъ его ногами. Дахиръ схватилъ его за руку и поддержалъ. Впрочемъ, это ощущеніе длилось не болѣе секунды, и онъ едва обратилъ на него вниманіе, такъ какъ всѣ его мысли сосредоточились на зрѣлищѣ, разыгравшемся передъ его глазами.

Внутри хрустальнаго пріемника все кипѣло. Разноцвѣтныя облака кружились съ головокружительной быстротой, расплываясь, сгущаясь, извиваясь спиралью и разбиваясь на клочья словно гонимые ураганомъ. Для полноты иллюзіи комнату наполнили трескъ, свистъ и оглушительный шумъ, будто двадцать электрическихъ машинъ были въ ходу. Шумъ этотъ, минутами, заглушался раскатами грома.

Вдругъ всѣ эти звуки стихли и все расплылось въ сѣроватый паръ, изборожденный молніей. Затѣмъ произошло что-то неописуемое по своей быстротѣ, и передъ пораженнымъ взоромъ Супрамати образовались четыре слоя, различные по цвѣту и по составу.

Въ глубинѣ ящика съ трескомъ волновалась расплавленная масса; надъ ней появился черноватый, но прозрачный слой. Затѣмъ третій слой былъ еще прозрачнѣй и имѣлъ голубоватый оттѣнокъ. Все же остальное пространство было наполнево сѣроватымъ паромъ. При болѣе внимательномъ разсмотрѣніи этотъ паръ былъ смѣшанъ какъ бы съ тканью изъ тысячей свѣтящихся точекъ.

Отъ расплавленной матеріи поднималось что-то вродѣ тонкихъ жилъ, которыя съ потрескиваніемъ взбѣгали по всѣмъ тремъ ярусамъ слоевъ, нигдѣ не останавливаясь и извиваясь подобно громадной змѣѣ.

— То, что сейчасъ произошло передъ тобой въ нѣсколько минутъ, въ пространствѣ свершается въ милліоны лѣтъ, при дѣйствіи этой первоначальной матеріи, нѣсколько капель которой было

бы достаточно, чтобы пожрать нашу планету и привести ее въ газообразное состояніе. Такъ какъ опытъ, который я показалъ тебѣ, очень несовершененъ, то не образовалось сферической формы. Но это все равно! Ты и безъ этого понимаешь, что расплавленная матерія,—это центръ планеты, очагъ жизненнаго начала; черноватый слой представляетъ первую конденсацію самыхъ грубыхъ матерій, образовывающихъ кору. Далѣе идетъ жидкій и атмосферическій слой, пронизанный огнемъ пространства, называемый вами электричествомъ, токи котораго, изображающіеся огненными жилами, всегда находятся въ сообщеніи съ главнымъ резервуаромъ центра.

Давъ Супрамати вдоволь насмотрѣться на странный вызванный имъ мірокъ, Дахиръ взялъ громадную лупу и подалъ ее своему другу.

— На, возьми. Этотъ инструментъ сдѣланъ изъ брилліанта, вѣсившаго болѣе ста каратовъ. Эта лупа гораздо совершеннѣе вашихъ лупъ. При помощи ея ты можешь видѣть, что когда формирующіяся матеріи достигаютъ той степени, какъ въ нашемъ случаѣ, можно уже различить формы существъ и растеній, зародыши которыхъ она содержитъ и которыя позже произведетъ земля.

Супрамати схватилъ инструментъ и съ его губъ сорвалось глухое восклицаніе. Передъ его изумленнымъ взглядомъ появилась неисчислимая масса растеній и животныхъ всевозможныхъ формъ. Это была флора и фауна, отличавшіяся поразительнымъ разнообразіемъ. Но все было воздушно, неясно и до такой степени перемѣшано что понадобились бы цѣлые мѣсяцы, чтобы разобраться въ подроб[illegible]ъ.

Дахиръ оторвалъ его отъ разсматриванья.

— Пора опять разложить все это. Пока ты достаточно видѣлъ, а подробное изученіе всего потребовало бы слишкомъ много времени. Я приведу нашъ крошечный міръ въ соприкосновеніе со свѣжимъ воздухомъ—и все разложится.

Онъ открылъ окно и потокъ свѣжаго морского воздуха ворвался въ комнату. Тогда Дахиръ открылъ ящикъ и почти тотчасъ же слои смѣшались, расплылись въ сѣроватый паръ, который испарился въ атмосферѣ, не оставивъ никакого слѣда.

Закрывъ окно, онъ опустилъ занавѣсъ, а затѣмъ оба они перешли въ сосѣднюю комнату.

Поглощенный и взволнованный всѣмъ, что видѣлъ, Супрамати сѣлъ въ кресло и глубоко задумался.

— Пойдемъ обѣдать. Ты еще не видалъ нашей столовой,— весело сказалъ Дахиръ, хлопая его по плечу.

— Ты правъ! Я голоденъ; только я забылъ про это.

— Хорошій знакъ! Если ты забылъ про обѣдъ, то это значитъ, что ты способенъ сдѣлаться ученымъ.

Разговаривая, они прошли черезъ лабораторію, спустились по лѣстницѣ и черезъ дверь, находившуюся въ темномъ кабинетѣ, вошли въ небольшую залу съ почернѣвшими отъ времени балками и темной стѣнной рѣзьбой. Массивные буфетъ, столъ и стулья съ высокими спинками указывали на древность замка.

Узкое окно съ цвѣтными стеклами было открыто и около него стояло узкое кресло подъ балдахиномъ.

Покрытый бѣлою скатертью столъ, убранный серебромъ и цвѣтами, былъ сервированъ на двѣ персоны. У одного изъ стульевъ стоялъ карликъ, исполнявшій должность лакея.

Обѣдъ состоялъ изъ овощей, яицъ и пудинга изъ сушеныхъ фруктовъ. Кромѣ того, на столѣ стояли сыръ, хлѣбъ, масло, молоко и бутылка вина.

Виноградъ, груши и персики предназначались для дессерта.

— Наше меню не отличается разнообразіемъ, но все время, пока мы будемъ работать здѣсь, ты долженъ довольствоваться вегетаріанской пищей. Всѣ посвященные проходятъ черезъ это,— замѣтилъ Дахиръ, улыбаясь.—Если бы мы были простыми смертными, намъ пришлось бы довольствоваться однимъ только хлѣбомъ и водой, чтобы приготовить строгимъ постомъ наши тѣла къ предстоящимъ опытамъ; но такъ какъ мы—*безсмертные*, то можемъ позволить себѣ роскошь такого обѣда.

— О! Вегетаріанскій режимъ я нахожу превосходнымъ,— отвѣтилъ Супрамати.—Все время, пока я жилъ у Эбрамара, я питался исключительно овощами и не чувствовалъ никакого лишенія отъ отсутствія животной пищи, которая, впрочемъ, мнѣ самому противна.

— Когда кончится срокъ твоего перваго «посвященія», и вообще, когда вернешься въ свѣтъ, ты снова можешь ѣсть мясо, но тогда, можетъ быть, ты самъ не захочешь.

— Это очень вѣроятно, такъ какъ я понимаю, что животная пища заражаетъ организмъ трупными элементами.

Окончивъ обѣдъ, молодые люди вернулись въ лабораторію. Дахиръ принесъ большой фоліантъ съ рисунками, странными знаками и непонятнымъ текстомъ.

— Въ этой книгѣ заключаются формулы всѣхъ категорій. Всѣ эти знаки ты долженъ изучить и запомнить, а формулы заучить наизусть. Когда ты вполнѣ овладѣешь всѣми этими первоначальными заклинаніями, мы приступимъ къ первому опыту. Даже простые колдуны знаютъ часть этихъ формулъ, но ты находишься совсѣмъ въ другихъ условіяхъ. Ты не долженъ, подобно невѣжественному колдуну, быть рабомъ злыхъ силъ, вызываемыхъ тобою: тебѣ нужно, съ перваго же шага, сдѣлаться ихъ господиномъ и повелителемъ. Такъ какъ у тебя не развито еще второе зрѣніе, то я снабжу тебя магическими очками, которые позволятъ видѣть, что происходитъ вокругъ тебя.

Супрамати съ жаромъ принялся за работу. Онъ изучалъ таинственные знаки и странныя формулы, составленныя изъ цифръ и словъ, значеніе которыхъ онъ не понималъ.

Сначала ему было очень трудно привыкнуть къ такому новому роду занятій, но Дахиръ помогалъ и объяснялъ ему. Съ наступленіемъ ночи, Супрамати научился почти безошибочно произносить нѣсколько формулъ и съ увѣренностью рисовать нѣсколько кабалистическихъ знаковъ.

Онъ до того былъ поглощенъ своимъ занятіемъ, что даже не замѣтилъ, какъ наступила темнота. Дахиръ зажегъ лампу, и, посмотрѣвъ на часы, съ улыбкой замѣтилъ:

— Кончай свою работу: на сегодня довольно. Скоро уже десять часовъ, и наша прекрасная хозяйка ждетъ насъ пить чай. Тебѣ нѣтъ надобности торопиться: благодаря Бога, времени у тебя—достаточно.

— Это правда, но я хотѣлъ бы какъ можно скорѣй пройти первыя, самыя тяжелыя и наименѣе интересныя ступени посвященія,—отвѣтилъ Супрамати, отирая потъ.

Надѣвъ свои обычныя одежды, они прошли въ столовую, гдѣ ихъ ждала Нара. Холодный ужинъ былъ уже поданъ, и на столѣ шумѣлъ серебряный самоваръ.

— Ну, что, Супрамати? Какъ прошелъ первый день твоего посвященія?— съ улыбкой спросила молодая женщина.

— Очень интересно,—отвѣтилъ Супрамати, цѣлуя Нару.

Сѣвъ рядомъ съ женой, онъ съ одушевленіемъ началъ разсказывать, что дѣлалъ въ теченіе дня.

— Всѣ тайны невидимаго міра, которыя я видѣлъ, восхищаютъ меня и, въ то же время, приводятъ въ ужасъ. Меня, лѣниваго невѣжду, пугаетъ гигантскій предстоящій мнѣ трудъ. Стоя

у подножія высокой лѣстницы, на которую мнѣ предстоитъ взойти,
я спрашиваю себя, какъ другіе могли подняться такъ высоко, не
почувствовавъ головокруженія?—шутливо грустнымъ тономъ при-
бавилъ онъ.

— Ты воспользуешься двумя свойствами, которыя помогали
твоимъ предшественникамъ: «*мужествомъ*» и »*настойчи-
востью*» и поднимешься безпрепятственно,—весело отвѣтила Нара.

Затѣмъ она серьезно прибавила:

— Предчувствіе говоритъ мнѣ, что ты достигнешь высшихъ
ступеней знанія и сдѣлаешься великимъ магомъ. Ты всегда былъ
мыслителемъ и хорошимъ работникомъ. Чѣмъ дальше будешь ты подви-
гаться по новому пути, тѣмъ больше будешь интересоваться оккультнымъ
міромъ и могуществомъ, какое онъ даетъ тебѣ, отдавъ въ твое распо-
ряженіе цѣлую армію ловкихъ, лукавыхъ, но смѣлыхъ воиновъ
невидимыхъ для профановъ, такъ какъ они скрываются въ окру-
жающей атмосферѣ. Ты не испыталъ еще наслажденія быть *выше
толпы*, читать чужія мысли, облегчать тайныя страданія и пове-
лѣвать силами природы.

— Дай Богъ, дорогая моя, чтобы твои предчувствія оправда-
лись и чтобы я сдѣлался достойнымъ твоего обо мнѣ хорошаго
мнѣнія. Во всякомъ случаѣ, я употреблю для этого всю свою волю,—
сказалъ онъ, цѣлуя руку жены.

Разговоръ продолжался на ту же тему. Когда Дахиръ упомянулъ
о вызываніяхъ, какія они предполагали сдѣлать, Супрамати вспом-
нилъ о нѣсколькихъ спиритическихъ сеансахъ, на которыхъ присут-
ствовалъ во время своего послѣдняго пребыванія въ Лондонѣ.

Тогда онъ былъ очень боленъ, и приближавшаяся смерть по-
буждала его проникнуть мракъ могилы, къ которой онъ быстро
стремился.

Супрамати сдѣлался членомъ одного кружка и участвовалъ въ
цѣлой серіи сеансовъ. Онъ видѣлъ очень интересныя манифестаціи:
появленіе вещей, свѣтовые эффекты и даже частичную матеріали-
зацію. Нѣкоторые явленія произвели на него глубокое впечатлѣніе,
другіе—вызвали въ немъ сомнѣнія.

Я знаю, сеансы такого рода— въ модѣ и, вообще спири-
тизмъ быстро распространяется, такъ какъ онъ отвѣчаетъ потреб-
ности сердца людей, утомленныхъ пустотой убѣжденій отрицателей
и нетерпимостью науки, которая смѣло можетъ равняться съ не-
терпимостью клерикальной, замѣтила Нара.—Къ несчастью, спи-
ритизмъ находится въ хаотическихъ, неблагопріятныхъ условіяхъ и

остановился на азбукѣ оккультнаго міра, такъ какъ спиритамъ
неизвѣстны законы, управляющіе явленіями. Хорошіе медіумы
чрезвычайно рѣдки, и духамъ-руководителямъ чаще всего мѣ-
шаютъ дисгармонія и даже злая воля присутствующихъ, т. е.
глупой и невѣжественной толпы, которая хочетъ видѣть только
для того, чтобы послѣ отрицать и насмѣхаться, воображая, что
загробный міръ съ его ужасными тайнами существуетъ только для
ихъ развлеченія.

— Это правда! Спиритизмъ рождаетъ больше насмѣшниковъ и
отрицателей, чѣмъ прозелитовъ,—сказалъ Дахиръ.—А между тѣмъ,
это утѣшительное знаніе сдѣлало уже много добра и спасло не одну
душу изъ роковой бездны матеріализма. Что бы было, если бы
вопросъ былъ поставленъ иначе!

Всѣ на минуту умолкли, а затѣмъ, Нара прибавила:

— Да, я желала бы, чтобы спиритизмъ, доказывающій суще-
ствованіе загробной жизни въ доступной для каждаго формѣ, пре-
успѣвалъ для блага человѣчества! Кстати, Супрамати, если ты же-
лаешь, мы можемъ сегодня вечеромъ устроить спиритическій сеансъ.
Я моментально сдѣлаю тебя ясновидящимъ, и ты увидишь весь
оккультный процессъ спиритическихъ манифестацій.

— Конечно хочу. Ты предупреждаешь мое желаніе. Пойдемъ
же скорѣй въ лабораторію!

— Зачѣмъ намъ идти туда! Намъ отлично будетъ въ моей
маленькой гостинной. Итакъ, идите туда, господа, и приготовьте
все! Я же распоряжусь относительно ужина, что будетъ не лишнее
послѣ сеанса.

— Ужина, конечно, вегетаріанскаго?—спросилъ, смѣясь, Су-
прамати.

— Именно. Пока тебѣ надо забыть о мясѣ, а черезъ нѣсколько
лѣтъ ростбифъ, жареные фазаны и другія деликатессы такого рода
будутъ казаться тебѣ кусками трупа. Ты увидишь вещи, которыя
отнимутъ у тебя аппетитъ, а запахъ разложенія, котораго не чув-
ствуетъ обыкновенные гастрономы, будетъ душить тебя.

Въ маленькой гостиной они опустили сторы и удалили лиш-
нюю мебель, а посреди комнаты поставили небольшой, круглый
столикъ. Затѣмъ, они погасили лампы, оставивъ зажженной одну
только свѣчу.

Едва успѣли они окончить эти приготовленія, какъ вошла Нара.
Она принесла съ собой маленькій серебряный треножникъ и по-
ставила его на столъ. Затѣмъ, щипчиками, она взяла изъ камина

еще не погасшіе уголья и положила ихъ на треножникъ, а Дахиръ сталъ раздувать ихъ; когда уголья раскалились, Нара вынула изъ кармана флаконъ и вылила на нихъ содержавшуюся въ немъ жидкость. Тотчасъ же поднялся густой дымъ, распространившій въ комнатѣ ароматъ, показавшійся Супрамати знакомымъ.

Вдругъ онъ вспомнилъ, что вдыхалъ такой же ароматъ въ день бала у графа Рокка, но только этотъ былъ не такъ силенъ; тѣмъ не менѣе, у него на минуту закружилась голова и онъ, молча, сѣлъ за столъ.

Тогда Дахиръ взялъ жезлъ съ нѣсколькими узлами, висѣвшій у него на шеѣ на золотой цѣпочкѣ, подобно дамскому лорнету и затѣмъ, нагнувшись, обвелъ ихъ кругомъ.

На полу тотчасъ же появилась широкая фосфорическая черта, которая, затѣмъ, превратилась въ сѣрый паръ. Послѣ этого Дахиръ сѣлъ на свое мѣсто и положилъ руки на руки присутствующихъ.

На минуту воцарилось молчаніе. Вдругъ Супрамати показалось, что все вокругъ него зазвучало и задвигалось; а затѣмъ все стало съ необкновенной быстротой вращаться вмѣстѣ съ нимъ, столомъ, Нарой и Дахиромъ. Вскорѣ, появился голубоватый свѣтъ, и въ этомъ полусвѣтѣ съ удивленіемъ онъ замѣтилъ высокую и тонкую фигуру, одѣтую въ сѣрое, цвѣта летучей мыши. Это, необыкновенно гибкое, ловкое и подвижное существо держало въ рукахъ красный жезлъ, на оконечности котораго вращался шаръ такого же цвѣта. Отовсюду брызгали фосфорическія искры, которыя соединялись потомъ огненными нитями. Кругъ, начертанный Дахиромъ, выбрасывалъ теперь пламя различной величины. Скоро присутствующіе очутились какъ бы окруженными фосфорической сѣткой. Съ все возраставшимъ интересомъ Супрамати слѣдилъ за всѣмъ и съ удивленіемъ увидѣлъ, что изъ-за складокъ портьеръ, изъ стѣнъ, пола и даже камина стали появляться различныя существа и группироваться около круга. У однихъ на лицахъ было лукавое и беззаботное выраженіе, у другихъ—злое, животное и, даже, полное ненависти. Послѣднія пытались пройти сквозь сѣтку, но ихъ всякій разъ отбрасывало назадъ точно электрическимъ токомъ. Только тогда, когда у стола появилось нѣсколько существъ, по быстротѣ движеній и по костюму похожихъ на фугуру, державшую огненный шаръ, Нара выразила желаніе, чтобы изъ столовой былъ принесенъ графинъ съ водой.

Тотчасъ же нѣкоторые изъ этихъ духовъ удалились, и скоро появился графинъ, окруженный бѣлымъ компактнымъ паромъ, по-

хожимъ на вату. Этотъ графинъ съ трудомъ несли три сѣроватыхъ существа и тихо поставили на столъ.

Затѣмъ Дахиръ приказалъ сыграть на флейтѣ, такъ какъ этотъ инструментъ лежалъ на окнѣ. Тотчасъ же одинъ изъ индивидумовъ схватилъ флейту и недурно сыгралъ хорошо знакомую всѣмъ, небольшую арію.

Очевидно, эти опыты возбудили зависть среди другихъ. Большая часть зрителей разсѣялась, но быстро появилась снова около магическаго круга, котораго они не могли переступить и который мѣшалъ имъ принять участіе въ развлеченіяхъ, видимо, очень нравившихся имъ, такія какъ они явились съ самыми разнообразными вещами, освобождавшимися теперь изъ-подъ пара, служившаго для ихъ переноски. Тамъ были черные шары похожіе на каменные, картофель, гнилыя яйца, кости и даже песокъ. Все это достойная кампанія съ яростью оспаривала другъ у друга.

Въ это время внутри круга, который расширялся по мѣрѣ того, какъ отъ Дахира и Нары исходили потоки тепла и свѣта, существо въ одеждѣ цвѣта летучей мыши дѣлалось все компактнѣе и быстро достигло осязательной плотности, видимой даже для обыкновеннаго глаза. Съ легкостью, доказывавшей его необыкновенную силу, существо это схватило массивное кресло, подняло его и потрясло имъ надъ головой Супрамати. Тотъ инстинктивно откинулся назадъ, но духъ, со смѣхомъ, поставилъ кресло на мѣсто.

Въ эту минуту появился новый духъ, который безъ труда переступилъ огненный кругъ и прошелъ сквозь сѣтку, остановившись между Дахиромъ и Нарой.

Большое, бѣлое покрывало окутывало всю фигуру вновь прибывшаго духа и скрывало черты его лица. Въ рукахъ духъ держалъ букетъ цвѣтовъ. Ароматъ лилій и розъ наполнилъ всю комнату.

Супрамати съ удивленіемъ смотрѣлъ на новое видѣніе, которое медленно поднимало покрывало, и вдругъ громко вскрикнулъ: онъ узналъ свою мать. Прекрасная и помолодѣвшая, она смотрѣла на него какимъ-то страннымъ и неподвижнымъ взглядомъ.

При его крикѣ видѣніе зашаталось, поблѣднѣло и какъ бы расплылось, но почти тотчасъ же появилось снова.

— Матушка! Я снова вижу тебя, дорогая матушка! — пробормоталъ онъ, дрожа.

Затѣмъ, онъ прибавилъ со слезами на глазахъ:

Могу я прикоснуться къ тебѣ, обнять тебя?

Духъ съ умоляющимъ жестомъ обернулся къ Нарѣ. Та тотчасъ же встала и положила руки на плечи видѣнія. Почти въ ту же минуту отъ молодой женщины стали исходить клубы сверкающаго, ослѣпительно бѣлаго пара, который минутами принималъ розовый оттѣнокъ.

Все это вещество, казалось, поглощалось видѣніемъ, которое быстро принимало видъ и плотность живого.

— Теперь ты можешь поцѣловать ее,—съ улыбкой сказала Нара, снимая съ плечъ свои руки.

Молодой докторъ всталъ, схватилъ съ трепетомъ духа за руки и привлекъ къ себѣ.

Да, это была, дѣйствительно, его обожаемая мать, безъ малѣйшаго слѣда болѣзни, утомленія или старости, во всемъ расцвѣтѣ нѣжной красоты, такая, какую онъ видѣлъ въ дѣтствѣ.

— Ральфъ! Дорогое дитя мое!—произнесъ любимый и хорошо знакомый голосъ.

Настоящія, *живыя* руки обвили его шею и теплыя, дрожащія губы прижались къ его устамъ.

Съ минуту они молча держали другъ друга въ объятіяхъ. Затѣмъ Ральфъ съ волненіемъ сказалъ:

— О, дорогая матушка! Какъ мы были слѣпы, не подозрѣвая возможности свидѣться! Ты была близъ меня, когда я оплакивалъ нашу разлуку, и не могла подать мнѣ знака, утѣшить меня—и все это только благодаря тому, что мы не знали законовъ невидимаго міра. Скажи, счастлива-ли ты? Видѣла ли ты моего отца?

— Я его видѣла. Онъ счастливъ и спокоенъ, такъ какъ хорошо и честно выполнилъ свой жизненный долгъ. Ты увидишь его позже.

— Скажи ему, что я люблю и каждый день молюсь за него и за тебя. Посмотри, матушка, какъ я силенъ и здоровъ! Теперь тебѣ нечего бояться, какъ прежде, за мое здоровье.—съ лукавой улыбкой прибавилъ онъ.

Выраженіе боязни и печали затуманило лицо духа. Положивъ руку на голову сына, видѣніе отвѣтило:

— Теперь я боюсь, не будетъ ли *слишкомъ* продолжительна эта жизнь, за которую я нѣкогда опасалась, что она скоро угаснетъ.

— Скажи мнѣ, ты не одобряешь странную судьбу, на какую толкнулъ меня рокъ?—съ грустью и безпокойствомъ спросилъ Супрамати.

— Я не смѣю порицать, дорогой Ральфъ: для этого я слишкомъ невѣжественна. Я только опасаюсь, не будетъ ли слишкомъ тяжело испытаніе безсмертія и ожидающій тебя громадный трудъ, чтобы сдѣлаться достойнымъ таинственныхъ силъ, данныхъ тебѣ въ руки. Спроси тѣхъ, кто проникъ въ высшія области знанія и кто считаетъ свою жизнь тысячью годами, счасливы ли они тѣмъ, что вѣчно носятъ тлѣнную тѣлесную оболочку, не имѣя возможности отдохнуть въ смерти? Подверженная тысячамъ страданій, присущихъ земной жизни, такъ какъ привилегію безмертія испытываетъ одно только тѣло, душа остается по прежнему уязвимой и не пользуется преимуществомъ *не* чувствовать, *не* любить, *не* оплакивать страданій, которыхъ она облегчить не можетъ.

Духъ на минуту умолкъ и затѣмъ продолжалъ, но уже болѣе слабымъ голосомъ:

— Я чувствую, что улетучивается сила, данная мнѣ. Итакъ, до свиданія, сынъ мой! Я явлюсь, когда ты позовешь меня въ тяжелую для тебя минуту, не для разрѣшенія проблемъ управленія вселенной, но для того, чтобы ты услышалъ нѣжное слово матери.

Онъ чувствовалъ, какъ рука ея становилась все менѣе плотной, а затѣмъ расплылась и сдѣлалась неосязаемой. Все видѣніе таяло, дѣлалось прозрачнымъ и, наконецъ, совершенно исчезло.

Тяжело дыша, опустился Супрамати на стулъ и закрылъ глаза. Тогда Дахиръ зажегъ свѣчу и сказалъ:

— Ты утомился, мой другъ, не тѣломъ, конечно, а душой. Итакъ, прекратимъ этотъ сеансъ! Несмотря на твое безсмертіе, ты отлично сдѣлаешь, если ляжешь спать.

Супрамати выпрямился, взялъ оставленные матерью на столѣ цвѣты, на лепесткахъ которыхъ блестѣли еще капельки росы и, со смѣшаннымъ чувствомъ горя и счастья, прижалъ ихъ къ губамъ.

Несмотря на добрый совѣтъ Дахира, всѣ остались на своихъ мѣстахъ и продолжали бесѣдовать. Супрамати горевалъ, что скептики съ предвзятой цѣлью и упорно мѣшаютъ развитію спиритизма, который представляетъ однако источникъ утѣшенія для страждущихъ душъ и, въ то же время, способствуетъ ихъ нравственному возрожденію, возвращая имъ вѣру въ загробную жизнь.

— О, эти скептики!—со смѣхомъ вскричала Нара.—Иногда у меня является страстное желаніе убѣдить ихъ, надѣвъ имъ магическіе очки. Я думаю, что всѣ эти великіе болтуны лишились бы тогда разсудка, убѣдясь, что вся атмосфера вокругъ населена

тѣми невидимыми существами, существованіе которыхъ они отрицаютъ, и что въ пространствѣ, которое, по своему тщеславному заблужденію, они считаютъ пустымъ, живетъ цѣлый міръ неосязаемыхъ существъ.

— Вотъ уже нѣсколько разъ я слышу, что ты и Дахиръ упоминаете о какихъ-то магическихъ очкахъ. Покажите же мнѣ ихъ хоть разъ—съ любопытствомъ попросилъ Супрамати.

— Съ удовольствіемъ,—отвѣтила Нара.

Она открыла рѣзное бюро, отдѣланное слоновой костью, вынула изъ ящика пару большихъ очковъ въ золотой оправѣ и подала ихъ мужу.

Съ совершенно понятнымъ интересомъ разсматривалъ Супрамати очки, сдѣланные изъ какого-то незнакомаго ему вещества, болѣе прозрачнаго, чѣмъ стекло и переливавшаго разными цвѣтами.

Недолго думая, онъ одѣлъ ихъ, но къ крайнему своему удивленію ничего не увидѣлъ, кромѣ разноцвѣтныхъ волнъ, которыя звучали, двигались и сливались. Въ то же время ему показалось, что его черепъ сдавленъ раскаленнымъ обручемъ.

— Сними очки и вымой лицо! Сегодня ты ничего не увидишь, такъ какъ органы твои слишкомъ насыщены тѣмъ веществомъ, которое я сожгла передъ сеансамъ,—сказала Нара.—Но эти очки дѣлаютъ прозрачной для глазъ обыкновеннаго человѣка завѣсу, скрывающую невидимый міръ.

Она спрятала очки, а Супрамати поспѣшилъ въ свою комнату, чтобы поскорѣй вымыть лицо, такъ какъ чувствовалъ головную боль, которая, впрочемъ, тотчасъ прошла отъ холодной воды.

III.

Прошло нѣсколько недѣль, не принеся съ собой ничего особеннаго. Супрамати съ жаромъ изучалъ магическіе знаки и странныя, почти всегда непонятныя формулы, сопровождающія ихъ. Когда же онъ просилъ Дахира объяснить ихъ ему, тотъ отвѣчалъ, что надо прежде хорошенько заучить ихъ.

— Но, вѣдь, гораздо труднѣй заучить галиматью, которой не понимаешь!—съ нетерпѣніемъ возражалъ Супрамати.

— А между тѣмъ, это необходимо; такъ какъ, если бы ты понималъ смыслъ этихъ магическихъ формулъ, то онѣ тотчасъ же вызвали бы присущія имъ явленія—и ты оказался бы въ положеніи ученика колдуна у Гете. Только незнаніе произносимыхъ тобой словъ мѣшаетъ твоей мысли и волѣ привести ихъ въ движеніе.

Супрамати долженъ былъ удовольствоваться такимъ объясненіемъ. Мало-по-малу, онъ началъ сознавать справедливость словъ Дахира, подмѣчая и самъ странные феномены.

Такъ, когда онъ произносилъ магическія формулы, имъ овладѣвало какое-то неопредѣленное, но невыразимо тягостное безпокойство. Ему слышался странный шумъ, около него появлялись тѣни, въ темныхъ углахъ вспыхивали искры и горячее вѣяніе пробѣгало по его жиламъ.

Когда подобнаго рода проявленія дѣлались уже слишкомъ явственными, Дахиръ прерывалъ изученіе формулъ и на извѣстное время переходилъ къ другимъ занятіямъ. Тогда онъ говорилъ своему другу о скрытыхъ свойствахъ драгоцѣнныхъ камней, указывая ему на различные цвѣта, которые они издаютъ, иллюстрируя примѣрами дѣйствія, производимыя этими свѣтовыми эманаціями на растенія, животныхъ и людей.

Они изучали также растительные, животные и минеральные яды, свойства растеній и дѣйствіе животнаго магнитизма; но теперь глазамъ молого доктора открывалась совершенно новая ботаника и новая химія.

Они продолжали также упражненія дисциплинированія мысли. Однажды Дахиръ принесъ въ лабораторію большой кругъ, закрытый черным сукномъ. Поставивъ его на столъ, онъ снялъ покрывало.

Супрамати съ любопытствомъ сталъ разсматривать черновато-синій металлическій дискъ, отливавшій всѣми цвѣтами призмы, какъ и магическія зеркала, виданныя раньше. Этотъ дискъ былъ вставленъ въ рамку, въ которую были вдѣланы различные металлы, драгоцѣнные камни и медальоны съ жидкостями. На верху же рама была украшена медальономъ въ формѣ амфоры.

— Что это? Это тоже магическеское зеркало? Для чего оно служитъ?—спросилъ Супрамати.

— Да, это магическое зеркало, только оно сдѣлано изъ другихъ матеріаловъ, чѣмъ тѣ, которыя ты видѣлъ. Оно поможетъ тебѣ достигнуть очень труднаго умѣнья: управлять и дисциплинировать живую мысль и ея изображенія. Это зеркало, видишь ли, составлено изъ самыхъ воспріимчивыхъ веществъ. Оно чувствительнѣе барометра, который воспринимаетъ только колебанія атмосферы. На этомъ драгоцѣнномъ инструментѣ, необходимомъ каждому истинному магу, отражаются самыя легкія вибраціи мысли; это барометръ души. Профаны глупо воображаютъ, что магическое зеркало имѣетъ только одно назначеніе: открывать магу картины прошлаго и будущаго и выдавать тайны того или другаго субъекта, совершенно безразличнаго ученому. А между тѣмъ, въ дѣйствительности, этотъ инструментъ предназначенъ для серьезныхъ занятій и служитъ, въ родѣ фертепіано, для упражненія мысли. Настало время и для тебя приступить къ такимъ занятіямъ. И такъ, смотри на дискъ, думая о какой нибудь вещи и стараясь, какъ можно точнѣе, представить ее себѣ. Выбери какую-нибудь простую, но точно опредѣленную вещь, чтобы съ самаго начала привыкнуть ясно формулировать свою мысль; такъ какъ мимолетныя и хаотическія мысли не воспроизводятъ ничего.

Супрамати наклонился и сталъ смотрѣть въ зеркало. Тотчасъ же въ его умѣ возстала масса предметовъ, причемъ его мысль не могла остановиться исключительно ни на одномъ изъ нихъ. Но каково было его удивленіе, когда онъ увидѣлъ, что на металлической поверхности отразился цѣлый хаосъ вещей, существъ и цвѣтовъ, которые смѣшивались, гримасничали и, наконецъ, исчезли въ кровавомъ туманѣ. У Супрамати закружилась голова и онъ закрылъ глаза.

— Стой, стой!—вскричалъ со смѣхомъ Дахиръ.—Ты воспроизводишь больше мыслей, чѣмъ зеркало можетъ вмѣстить. Повторяю тебѣ, избери какую нибудь одну простую вещь, какъ-то: стулъ, бутылку, какой нибудь фруктъ и т. д. И чѣмъ опредѣленнѣе будетъ твоя мысль, тѣмъ жизненнѣй и совершеннѣй будетъ воспроизведенное ею изображеніе.

Супрамати вторично наклонился къ зеркалу, сосредоточился и въ зеркалѣ скоро появилось сѣрое и неопредѣленное изображеніе бутылки; но, почти въ ту же минуту, заслоняя ее собой, появилось изображеніе стакана, наполненнаго пѣнящеюся жидкостью, а вокругъ всего этого замелькала довольно неопредѣленная и забавная смѣсь головъ: Лормейля, Піэретты и остальной ихъ компаніи, представленіе о которыхъ у него какъ-то невольно соединилось съ изображеніемъ бутылки. Разсерженный Супрамати выпрямился, невольно смѣясь.

— Никогда не думалъ я, что такъ трудно сосредоточить мысль на какомъ нибудь опредѣленномъ предметѣ,—замѣтилъ онъ.

— Никто объ этомъ не думаетъ и не обращаетъ вниманія на безпорядочную работу мозга,—съ улыбкой отвѣтилъ Дахиръ.— Въ результатѣ получается, что въ жизни думаютъ о массѣ безполезныхъ вещей, теряютъ свое время и безцѣльно утомляютъ умъ. Теперь же смотри! Я покажу тебѣ, какъ дѣйствуетъ на этотъ инструментъ уже *дисциплинированная* мысль. Я буду думать о тарелкѣ съ фруктами.

И Дахиръ, въ свою очередь, склонился къ зеркалу. Взглядъ его засверкалъ и сдѣлался неподвиженъ; между бровями появилась небольшая складка.

На полированной поверхности тотчасъ же появилось изображеніе тарелки съ грушами, яблоками, виноградомъ и другими фруктами. Все было окрашено и казалось живымъ.

Супрамати вскрикнулъ отъ удивленія и восхищенія; но Дахиръ покачалъ головой.

— Тутъ нечѣмъ восхищаться,—сказалъ онъ.—Моя мысль была довольно небрежна. Тарелка осталась не окрашенной, а вишни на заднемъ планѣ разцвѣчены не вполнѣ. Эти неточности произошли отъ того, что я слишкомъ спѣшилъ вообразить вещь, которую хотѣлъ показать тебѣ; тогда какъ слѣдуетъ дѣйствовать точно, придавая каждой вещи, какъ живописецъ, форму, цвѣтъ и природные оттѣнки.

Дахиръ продолжалъ смотрѣть на вызванное имъ изображеніе,

и Супрамати, къ крайнему своему удивленію, увидѣлъ, что на тарелкѣ появился изящный рисунокъ, а фрукты приняли свою естественную окраску.

— Удивительно!—вскричалъ онъ.—Но скажи, отчего изображеніе, вызванное моей мыслью, почти съ такою же быстротой исчезло, какъ и появилось; это же кажется настоящею живописью и держится вотъ уже нѣсколько минутъ.

— Причина остается все та же. Твоя непостоянная, бѣглая и хаотическая мысль, не будучи въ силахъ создать ничего опредѣленнаго, еще менѣе можетъ удержать это изображеніе. Я думаю только о томъ, что хочу вызвать, и не даю мозгу породить никакую другую мысль. Мозгъ—это такой же органъ, какъ и рука: нужно только развивать силу его мышленія и заставить послушно работать.

— А возможно на этомъ зеркалѣ воспроизводить съ такимъ же совершенствомъ сложныя картины?

— Несомнѣнно! Всякая твоя мысль можетъ отражаться здѣсь. При навыкѣ, со временемъ, въ этомъ зеркалѣ, какъ въ панорамѣ, будетъ проходить цѣлый рядъ картинъ. Сейчасъ я покажу тебѣ нѣсколько картинъ такого рода. Конечно, это гораздо труднѣй, чѣмъ воспроизвести изображеніе бутылки, а между тѣмъ то, что я покажу тебѣ, это только азбука великаго искусства мыслить.

Все болѣе и болѣе заинтересовываясь, Супрамати сталъ смотрѣть въ зеркало. Теперь оно, казалось, расширилось, увеличилось и въ немъ отразилась громадная освѣщенная луной водная равнина океана. Но вотъ, изъ волнъ медленно выросла и приблизилась скала, на которой находился таинственный пріютъ рыцарей Грааля.

Чудная картина эта стала постепенно блѣднѣть и расплылась въ сѣроватый паръ, уступивъ мѣсто храму братства, во время совершенія Богослуженія.

Да, это, дѣйствительно, была обширная зала съ ея колонами, тонкой рѣзьбой и разноцвѣтной мозаикой. Въ отверстіе купола лились солнечные лучи, заливая свѣтомъ каменныя плиты и бѣлоснѣжныя одежды рыцарей. На ступеняхъ алтаря стоялъ старѣйшина братства, а передъ нимъ самъ Супрамати.

Это была сама жизнь: здѣсь ничто не было забыто: все дышало и жило. Какимъ великимъ артистомъ мыслителемъ надо было быть, чтобы такъ воспроизвести природу и вызвать въ этой мрачной лабораторіи появленіе океана или залить его яркими солнечными лучами.

Съ чувствомъ почти боязливаго восхищенія глядѣлъ Супрамати на Дахира, который странно, неподвижнымъ взоромъ продолжалъ смотрѣть въ магическое зеркало. Но вдугъ онъ провелъ рукой по глазамъ и съ улыбкой обернулся къ своему другу; картина тотчасъ же исчезла, и зеркало приняло свой обычный черный цвѣтъ.

— Дахиръ! Ты достигъ совершенства въ этомъ великомъ искусствѣ, о существованіи котораго я и не подозрѣвалъ. Мнѣ кажется, что я никогда не добьюсь такого мастерства.

— Ты меня считаешь такимъ великимъ мастеромъ только потому, что не видалъ пока ничего лучшаго,—со смѣхомъ отвѣтилъ тотъ.—Моя мысль не производитъ еще аромата, звука и пр. Вообще, я далекъ еще отъ цѣли. Но такъ какъ твое восхищеніе льститъ моему самолюбію, то я покажу тебѣ еще частицу своего искусства, а именно, сдѣлаю мою мысль видимой для другого. Впрочемъ, эти явленія случаются и у профановъ, которые толкуютъ ихъ вкривь и вкось и называютъ *«прижизненными призраками»*.

Самый фактъ такъ часто проявлялся, что отрицать его уже невозможно. Въ минуту смерти или опасности многіе являлись своимъ близкимъ съ реальностью живыхъ людей: иногда даже къ нимъ прикасались и говорили съ ними.

Въ дѣйствительности же эти «призраки»—ничто иное, какъ могучее проявленіе мысли, сдѣлавшейся не только видимой, но и осязаемой.

Только у профановъ феномены эти происходятъ случайно и безсознательно, я же могу вызвать ихъ по своей волѣ.

Прибавлю еще, что *пассивная* мысль, т. е. когда ты не думаешь ничего опредѣленнаго, отражается въ магическомъ зеркалѣ въ видѣ фосфорическихъ линій, болѣе или менѣе яркихъ, смотря по энергіи мозговыхъ вибрацій. Но мысль не должна быть пассивной, а должна быть дѣятельной и трудовой. Только работа мысли должна быть гармонична, чтобы не утомлять мозга; такъ какъ всякій знаетъ и испыталъ на себѣ, что бурныя и взволнованныя мысли вызываютъ страшное истощеніе всего организма.

Теперь же пойдемъ въ сосѣднюю комнату и подышемъ немного чистымъ воздухомъ, а помомъ я покажу тебѣ мою мысль, видимую на разстояніи.

— Ты усталъ?—спросилъ Супрамати, съ наслажденіемъ вдыхая чистый и свѣжій морской воздухъ.

— Я-то не усталъ, но у тебя—совершенно растерянный видъ.

хотя то, что ты видѣлъ, не должно бы такъ волновать тебя. Даже ваша «оффиціальная» наука начинаетъ убѣждаться въ освязаемости мысли: ее даже фотографируютъ. Безъ сомнѣнія, эти опыты еще слабы и плохо удаются, какъ это бываетъ всегда при новомъ открытіи. Тѣмъ не менѣе люди находятся на пути подчинить научному контролю самое бурное и своевольное изъ человѣческихъ чувствъ.

Даже намъ дисциплинировать мысль и ея орудіе—мозгъ представляетъ громадный трудъ. Казалось бы, что ученые, труженики ума, могущіе умственно рѣшать самыя сложныя проблемы, уже сдѣлали этотъ первый шагъ; а между тѣмъ, если бы имъ понадобилось сконцентрировать всю свою волю на изображеніи одного предмета, ты увидѣлъ бы, какіе зигзаги отразятся въ магическомъ зеркалѣ.

Для тебя, Супрамати, безусловно необходимы занятія, къ которымъ ты сегодня приступаешь, такъ какъ ты долженъ мысленно воспроизводить всѣ кабаллистическіе знаки и магическіе символы заклинаній, причемъ все это долженъ дѣлать быстро и точно, безъ малѣйшей тѣни колебанія.

Послѣ часоваго отдыха, они вернулись въ лабораторію и, ставъ передъ магическимъ зеркаломъ, Дахиръ сказалъ:

— Сейчасъ я буду привѣтствовать Эбрамара, а ты смотри въ зеркало. Конечно, врядъ-ли мнѣ удасться придать себѣ вполнѣ реальный и жизненный видъ, такъ какъ это требуетъ громаднаго сосредоточенія воли, но ты все-таки увидишь меня.

Нахмуривъ брови съ надувшимися подъ усиліемъ воли жилами на лбу, Дахиръ облокотился на спинку кресла, на которомъ сидѣлъ Супрамати и тотъ скоро увидѣлъ въ центрѣ зеркала блестящій кругъ, быстро расширившійся въ гигантскій дискъ луннаго свѣта. Затѣмъ передъ его пораженнымъ взглядомъ показалась терраса его дворца въ Гималаяхъ.

У заваленнаго книгами стола сидѣлъ Эбрамаръ, склонившись надъ связкой папируса; рядомъ, на коврѣ, лежала бѣлая борзая собака.

Какъ очарованный смотрѣлъ Супрамати на хорошо знакомую ему и дорогую картину: на зеленую лужайку, усѣянную яркими цвѣтами, на фонтанъ, чистая струя котораго сверкала брилліантовыми брызгами, и на снѣжныя вершины горъ, обрамлявшихъ горизонтъ. Вдругъ на темной лазури неба появилось и быстро приближалось вращающееся красноватое облако.

Собака насторожила уши, сѣла и устремила умный взглядъ на хозяина; а тотъ тоже поднялъ голову и, казалось, сталъ къ чему-то внимательно прислушиваться.

Красноватое облако спустилось теперь на терассу и Супрамати увидѣлъ, что это былъ Дахиръ. Фигура его была воздушна, контуры тѣла не совсѣмъ опредѣленны, но голова вырисовалась ясно и была вполнѣ узнаваема.

Супрамати невольно повернулъ голову и вздрогнулъ. Дахиръ стоялъ попрежнему, облокотясь на спинку кресла; только смертельно блѣдное лицо его и стеклянные глаза напоминали трупъ. Супрамати съ ужасомъ смотрѣлъ на широко открытые потемнѣвшіе глаза его и похолодѣвшую, неподвижную руку, принявшую восковой оттѣнокъ. Да, это дѣйствительно было тѣло, покинутое жизненной силой.

Съ ледяной дрожью онъ перевелъ свой взглядъ, на зеркало. Тамъ по прежнему разстилался веселый пейзажъ индійскаго дворца. Эбрамаръ всталъ, привѣтливая улыбка освѣтила его доброе лицо и онъ подалъ Дахиру руку.

По движенію губъ обоихъ Супрамати заключилъ, что они разговариваютъ. Затѣмъ, Эбрамаръ взялъ изъ ближайшей вазы пурпуровый цвѣтокъ и вложилъ его въ руку Дахира. Вся сцена происходила такъ близко, что Супрамати казалось, что ему стоитъ только протянуть руку, чтобы прикоснуться къ рукѣ Эбрамара. Въ эту минуту тотъ обернулся, улыбнулся и сдѣлалъ привѣтственный знакъ, какъ будто видѣлъ молодого доктора; затѣмъ, онъ снова сѣлъ на свое мѣсто, облокотился на столъ и устремилъ задумчивый взглядъ на фигуру Дахира.

Послѣдняя отступила назадъ и снова превратилась въ красноватое облако.

Минуту спустя, картина поблѣднѣла и изчезла—и Супрамати услышалъ у себя за спиной тяжелый и глубокій вздохъ.

Онъ быстро обернулся и встрѣтилъ блестящій взглядъ пріятеля, который съ доброй улыбкой подалъ ему цвѣтокъ и сказалъ:

— Эбрамаръ кланяется тебѣ и прислалъ это на память.

Супрамати вскочилъ со стула и сжалъ голову руками.

— Ахъ!— вскричалъ онъ хриплымъ отъ волненія голосомъ.— Это ужъ не появленіе мысли, а настоящая *магія*. Это просто волшебная сказка!

Дахиръ покачалъ головой.

— Нѣтъ, мой другъ! То что тебѣ кажется волшебствомъ,

или чудомъ—ничто иное, какъ простое проявленіе мысли и астральнаго тѣла, выдѣленнаго при помощи воли изъ тѣлесной оболочки. Впрочемъ, то, что я показалъ тебѣ, сущіе пустяки въ сравненіи съ тѣмъ, чего можно и *должно* достигнуть. Когда я научу тебя тому немногому, что самъ знаю, мы оба сдѣлаемся учениками Эбрамара. Подъ его руководствомъ мы будемъ изучать *высшую магію* и передъ нами откроются иные горизонты.

Дахиръ! Это гордость, прикрытая скромностью, заставляетъ тебя говорить, что ты мало знаешь, когда ты достигъ уже совершенства,—сказалъ Супрамати, снова опускаясь на стулъ и прижимая ко лбу чудный цвѣтокъ, наполнившій ароматомъ всю лабораторію.

Дахиръ задумчиво и важно покачалъ головой.

— Ты дурно судишь обо мнѣ потому, что не имѣешь никакого понятія о неизмѣримости знанія, которое остается намъ постичь. Эбрамаръ, конечно, исполинъ знанія, въ сравненіи съ которымъ я—жалкій пигмей: а и онъ,—мудрый великій ученый для котораго, по моему мнѣнію, во вселенной нѣтъ больше тайнъ—поблѣднѣлъ, говоря мнѣ однажды:

«Когда я бросаю взглядъ на безконечныя тайны, которыя мнѣ предстоитъ еще изучить, я дрожу отъ своего невѣжества и чувствую себя слѣпой и ничтожной пылинкой!!.

— Прости меня, братъ, за мои глупыя и обидныя слова,—сказалъ Супрамати, обнимая Дахира.—Но у меня иногда кружится голова въ этомъ странномъ мірѣ, куда меня такъ неожиданно бросила судьба.

— Я нисколько не обижаюсь и отлично понимаю состояніе твоей души, такъ какъ самъ прошелъ черезъ все это. Но на сегодня довольно! Ты утомленъ и очень взволнованъ. Пойдемъ къ Нарѣ: ея присутствіе лучше всего успокоитъ тебя.

Съ этого дня Супрамати съ новымъ жаромъ принялся за работу. Особенно онъ жаждалъ дисциплинировать свою мысль и цѣлые часы проводилъ передъ магическимъ зеркаломъ: а когда металлическій дискъ впервые отразилъ правильный и слегка окрашенный зеленый листъ, Супрамати почувствовалъ такую наивную радость, что Нара и Дахиръ отъ души хохотали.

Зато изученіе магическихъ формулъ, въ которыхъ онъ ничего не понималъ, разныхъ кабаллистическихъ знаковъ и длиннаго списка странныхъ именъ было ему въ высшей степени скучно и только постояннымъ усиліемъ воли онъ заставлялъ себя пріобрѣтать

это знаніе, казавшееся ему совершенно безплоднымъ. Часто онъ ослабѣвалъ и чувствовалъ глубокое утомленіе, не имѣвшее, впрочемъ, никакого отношенія къ его физическимъ силамъ, такъ какъ онъ неизмѣнно оставался сильнымъ и здоровымъ: но умственная работа становилась минутами для него невыносимой, хотя онъ и старался мужественно побороть подобную слабость.

Дахиръ внимательно слѣдилъ за состояніемъ души своего ученика и въ тяжелыя минуты помогалъ ему: или прерывая работу на нѣсколько дней, которые посвящались отдыху и развлеченіямъ, или перемѣняя предметъ занятій, что тоже всегда давало отличные результаты.

Прежняя спеціальность нисколько не потеряла для Супрамати своего интереса: странные и совершенно новые взгляды на искусство исцѣлять и разрушать, которые открывалъ ему его учитель, такъ же живо интересовали его, какъ и искусство думать, которое онъ съ такимъ жаромъ изучалъ.

Однажды, когда они долго говорили о леченіи различныхъ болѣзней, Супрамати неожиданно спросилъ:

— Объясни мнѣ, ради Бога, Дахиръ, почему необходимо быть хорошимъ врачемъ чтобы сдѣлаться колдуномъ или магомъ хотя-бы низшаго порядка?

— Потому что тѣло является главнымъ объектомъ, на которомъ практикуется злополучное знаніе колдуна: а между тѣмъ, это необходимое орудіе души—очень сложная и требовательная машина. Поэтому магу обязательно надо знать всѣ средства, служащія для исцѣленія, а также и для разрушенія тѣла. Какъ докторъ, ты знаешь, что для образованія человѣческаго тѣла природа употребляетъ минеральныя, растительныя и животныя вещества, которыя поглощаются матерью во время беременности и служатъ затѣмъ для поддержанія пламени той капли первоначальной матеріи, которую родители одаряютъ будущее существо въ минуту зачатія. Дѣйствіе другихъ, очень могущественныхъ агентовъ, каковы цвѣтъ, звукъ, ароматъ и пр., еще мало извѣстны современной наукѣ. Между тѣмъ, истинная врачебная наука заключается въ умѣньи пользоваться всѣми средствами для удаленія изъ организма излишнихъ веществъ и для введенія въ него недостающихъ. Поэтому тебѣ слѣдуетъ научиться находить всюду—и въ атмосферѣ, и въ разныхъ царствахъ природы—дѣйствующія силы, способныя поддерживать жизненность всякаго созданія: а въ то же время, ты долженъ изучить средства разрушенія, какъ оккультныя, такъ и матеріальныя.

— Я всегда очень интересовался ботаникой и чудесными свойствами растеній: но то, что я уже слышалъ отъ тебя, доказываетъ, что я очень мало знаю въ этомъ отношеніи,—задумчиво замѣтилъ Супрамати.

— Это вполнѣ естественно, такъ какъ наука въ леченіи отводитъ растеніямъ второстепенное мѣсто. Въ своемъ жалкомъ невѣжествѣ, человѣкъ попираетъ ногами скромныхъ благодѣтелей человѣчества, растущихъ у его ногъ; такъ какъ природа, по своей мудрой предусмотрительности, дала потребное средство противъ каждаго недуга. Если бы доктора обладали лупой, похожей на наши магическія очки, они были бы крайне удивлены сдѣланными ими открытіями. Для доказательства того, что говорю, я покажу тебѣ нѣкоторыя травы и корни подъ магическими очками, такъ какъ твое духовное зрѣніе еще не развилось.

Дахиръ подошелъ къ большой дубовой шкатулкѣ съ металлическими углами, на бронзовыхъ ножкахъ, и открылъ ее. Вся внутренность шкатулки была раздѣлана на отдѣленія, наполненныя травами, сухими цвѣтами, кореньями, пузырьками и драгоцѣнными камнями.

Супрамати наклонился и съ любопытствомъ сталъ разсматривать содержимое шкатулки; Дахиръ же вынулъ изъ двухъ смежныхъ отдѣленій растенія и положилъ на столъ.

— Ты хочешь показать мнѣ арнику и валеріанъ?—съ удивленіемъ спросилъ Супрамати.

— А ты ожидалъ увидѣть какое-нибудь незнакомое, необыкновенное уже по одному своему виду растеніе? — съ улыбкой отвѣтилъ Дахиръ.—Я съ намѣреніемъ выбралъ эти хорошо знакомыя травы, за которыми даже ваша «гордая» наука признаетъ цѣлебныя свойства, хотя и относитъ ихъ къ *народнымъ* средствамъ. Теперь возьми магическія очки и полюбуйся этими двумя великими представителями растительнаго царства, во всемъ ихъ оккультномъ блескѣ. То, что ты увидишь, это — высшая степень открытаго Гелленбахомъ свѣта, который издаютъ предметы, и который онъ назвалъ — „Одомъ". Тебѣ извѣстно, что это открытіе еще сильно оспаривается: пока, самое большое, что допускается, какъ фактъ, это то, что изъ концовъ пальцевъ и изъ кристалловъ исходятъ свѣтовые лучи различной окраски. При помощи этого инструмента ты увидишь астральную силу, исходящую изъ каждаго предмета. *Посвященные* видятъ ее непосредственно, своимъ спиритуализованнымъ зрѣніемъ, которое тотчасъ же позволяетъ имъ судить, здоровое это вещество или вредное.

— Позволь мнѣ еще разъ осмотрѣть простымъ глазомъ этихъ великихъ цѣлителей растительнаго царства, чтобы я могъ лучше отдать себѣ отчетъ въ той разницѣ, какую затѣмъ увижу,—сказалъ Супрамати, внимательно осматривая маленькіе цвѣты и потемнѣвшіе корешки арники.—Мои слѣпые и невѣжественные глаза не могутъ открыть ничего особеннаго въ этихъ двухъ представителяхъ растительнаго міра, — съ улыбкой замѣтилъ онъ, надѣвая странныя очки.

И вдругъ крикъ удивленія и восхищенія сорвался съ губъ Супрамати: до такой степени скромное растеніе измѣнило свой видъ. Маленькіе желтые лепестки казались золотыми звѣздами, а сердцевина преобразилась въ шаръ синеватаго свѣта, который безпрестанно вибрировалъ. Изъ желтыхъ лепестковъ исходили маленькія точно электрическія иглы, которыя, проходя сквозь голубоватое облако, казалось, ткали въ атмосферѣ тонкую, какъ паутина, ткань, покрывавшую растеніе свѣтящимся покровомъ, который вибрировалъ и былъ изборожденъ молніей.

— Видишь ты удивительную работу? Это—флюидическій ткачъ. Онъ возобновляетъ и исправляетъ поврежденія ткани, какъ флюидической, такъ и матеріальной, причиненныя пораненіемъ, ударомъ и пр. Отсюда его чудныя свойства, излечивающія раны и предупреждающія дурныя послѣдствія переломовъ и ушибовъ. Живительный ароматъ арники немедленно же дезинфецируетъ поврежденное мѣсто, а маленькая электрическая машина разгоняетъ скопившуюся отъ удара кровь, замѣняетъ, гдѣ нужно, жизненное вещество и возобновляетъ ткань. Кромѣ того, арника обладаетъ способностью привлекать и скоплять въ себѣ громадное количество солнечнаго тепла. Ты можешь самъ представить себѣ, какое могучее дѣйствіе производятъ силы этого скромнаго цѣлителя на организмъ человѣка, животнаго и даже растенія, когда умѣютъ употреблять его для леченія сломанныхъ измятыхъ и умирающихъ отъ истощенія цвѣтовъ. Однако, не скрою отъ тебя, что изученіе всѣхъ цѣлебныхъ свойствъ этого растенія и ихъ употребленія представляетъ громадный трудъ. Теперь перейдемъ къ осмотру валеріана, — прибавилъ Дахиръ, убирая въ шкатулку арнику.

Молча и сосредоточенно наклонился Супрамати надъ корешкомъ, который тоже измѣнилъ свой видъ. Корень былъ теперь красенъ, какъ кровь. По немъ проходили толстыя жилы, съ электрическими узлами. Каждый изъ корней, казалось, былъ осыпанъ искрами, а въ центрѣ горѣло небольшое мерцающее пламя, отъ котораго по

всѣмъ жилкамъ протягивались огненныя нити. Изъ всего растенія исходилъ пурпурный свѣтъ съ золотистымъ отливомъ, который образовалъ вокругъ него широкій ореолъ.

— Астральный огонь, скопившійся въ этомъ растеніи, будучи введенъ въ тѣло, возбуждаетъ жизнедѣятельность, успокаиваетъ и согрѣваетъ организмъ, дѣйствуя, главнымъ образомъ на функціи мозга и работу сердца,—сказалъ Дахиръ снимая съ пріятеля магическія очки и убирая ихъ въ футляръ.

— Вѣроятно, другія растенія менѣе богато одарены, чѣмъ эти два князя растительнаго царства?—замѣтилъ Супрамати.

— И да, и нѣтъ! Нѣкоторыя растенія имѣютъ спеціальное назначеніе; но нѣтъ ни одной былинки, ни одной травы, которая не обладала бы какимъ-нибудь злополучнымъ или благотворнымъ качествомъ. И это вполнѣ естественно, такъ какъ растеніе черпаетъ себѣ силы изъ всего, что его окружаетъ: атмосфера, токи звѣздъ, земля съ ея минералами, вода съ ея солями — все служитъ для его образованія.

Всѣ эти элементы съ ихъ неистощимыми богатствами, цѣлебными и разрушительными, находятся въ распоряженіи *высшаго мага* и даютъ ему почти фантастическое могущество. Если еще прибавить ароматъ, звукъ и цвѣтъ — этихъ великихъ двигателей вселенной, которыми онъ одинъ можетъ и умѣетъ управлять. Мы же можемъ только научиться пользоваться лишь первичными силами, изучая скрытыя основы могущественнаго зла, скрывающагося въ окружающемъ насъ хаосѣ.

И такъ, намъ необходимо научиться дѣлать *зло*, но мы не смѣемъ никогда пользоваться этимъ могуществомъ; а должны изучить разрушительныя силы, подчинить ихъ себѣ и пользоваться нашими знаніемъ для ихъ укрощенія.

— Если я тебя хорошо понялъ, то мы находимся въ положеніи всякаго „честнаго" человѣка который знаетъ, что можно воровать для пріобрѣтенія, но смотритъ на воровство, какъ на позорное преступленіе; или который понимаетъ, что можно убить для удовлетворенія жажды мести, но ни за что на свѣтѣ не замараетъ своихъ рукъ убійствомъ.

— Ты очень точно формулировалъ мою мысль, дорогой Супрамати! Знакомство съ *оккультнымъ зломъ* дается не для злодѣянія, что было бы недостойно разума, стремящагося къ свѣту. Обладать могуществомъ дѣлать зло и никогда не причинять его, — отличительное достоинство *высшаго* посвященія.

— Почему допущены сношенія земного міра съ ужаснымъ міромъ низшихъ духовъ?—замѣтилъ Супрамати.—Если бы только высшіе и добрые духи сообщались съ людьми и наставляли ихъ, сколько бы зла было избѣгнуто!

Дахиръ покачалъ головой.

— Твой вопросъ доказываетъ полное незнакомство съ загробнымъ міромъ. Невозможно воздвигнуть стѣну между двумя мірами, такъ тѣсно связанными между собой.

Существа, освободившіяся отъ тѣла и перешедшія въ иной міръ, остаются привязанными къ землѣ безчисленнымъ множествомъ фибръ любви, ненависти и привычекъ, которыя влекутъ ихъ къ тому мѣсту, гдѣ они жили. Смерть не можетъ разбить этихъ узъ, такъ какъ всякая вещь, всякая мысль, всякое чувство, — доброе или дурное, — выдѣляетъ астральное вещество, создающее прочную связь. Такъ называемые „мертвые", это—невидимыя, но не отсутствующія существа; и для спиритуализованнаго взора, тѣ, которыхъ считаютъ навсегда исчезнувшими въ невѣдомой бездиѣ, находятся среди насъ.

Когда ты посѣтишь окружающій насъ со всѣхъ сторонъ невидимый міръ, уголокъ котораго видѣлъ Данте и который вполнѣ заслуживаетъ названіе „*ада*", тогда только ты будешь въ состояніи составить себѣ понятіе о царящей тамъ жизни, о происходящихъ тамъ битвахъ и о бушующихъ буряхъ, шума которыхъ наше грубое ухо не воспринимаетъ. Не слыша и не видя ничего вокругъ себя, кромѣ ясной и спокойной атмосферы, будто бы населенной, самое большее, бациллами и атомами пыли, человѣкъ наивно воображаетъ, что онъ *одинъ* живетъ и царитъ въ необъятномъ пустомъ пространствѣ, образующемъ, по его понятіямъ, вселенную.

— Нара мнѣ уже показывала множество существъ, толпящихся вокругъ насъ. Признаюсь, я содрогнулся при видѣ этого страннаго міра съ его поразительными тайнами,—отвѣтилъ Супрамати.

— Да, первая сфера, окружающая нашу планету,—мѣсто далеко не пріятное; а ты еще видѣлъ только ея поверхность. Я разсчитываю скоро познакомить тебя съ нѣкоторыми главарями злыхъ корпорацій — „демонами", по мнѣнію людей. Въ этомъ мірѣ я могу составить тебѣ протекцію. Въ высшія же сферы тебя введетъ когда-нибудь Эбрамаръ, или кто-нибудь другой изъ посвященныхъ того же ранга.

— О! Когда же ты представишь меня гг. демонамъ?

— Очень скоро, такъ какъ я вижу, что тебя уже утомило

заучиваніе наизусть кабалистическихъ словъ и символическихъ знаковъ, въ которыхъ ты ничего не понимаешь,— со смѣхомъ отвѣтилъ Дахиръ.

— Да, это правда! Признаюсь, меня страшно раздражаетъ затверживаніе, подобно попугаю, безсмысленныхъ словъ,—согласился Супрамати.

Затѣмъ, онъ прибавилъ съ легкимъ колебаніемъ:

— Скажи, очень страшны на видъ эти адскія существа?

Дахиръ покачалъ головой.

— Первое впечатлѣніе, которое выносишь изъ посѣщенія этой адской сферы,— ужасно! Я зналъ человѣка, который, безъ достаточной подготовки, проникъ въ этотъ міръ, и умеръ черезъ двадцать четыре часа, а волосы его въ нѣсколько часовъ бѣлѣли, какъ снѣгъ. Тебѣ же— нечего бояться чего либо подобнаго. Ты безсмертенъ и твои темныя кудри не рискуютъ потерять своего прекраснаго цвѣта.

— Это хорошо, иначе мнѣ пришлось бы остаться сѣдымъ на всю планетную жизнь,—со смѣхомъ сказалъ Супрамати.

— О, нѣтъ! Есть средство вернуть даже у простыхъ смертныхъ волосамъ ихъ прежній цвѣтъ; а организму силу молодости.

— А тебѣ извѣстны подобныя средства, Дахиръ?

— Я имѣю нѣкоторыя указанія; настоящій же рецептъ этихъ, по истинѣ, чудесныхъ средствъ, которыми обладаютъ высшіе посвященные, мнѣ еще неизвѣстенъ.

По этому поводу я разскажу тебѣ одинъ довольно комическій случай, свидѣтелемъ котораго я былъ и который иллюстрируетъ мои слова.

Однажды, я провелъ нѣсколько мѣсяцевъ у Эбрамара. Ежедневно мы совершали прогулки въ окрестностяхъ, во время которыхъ онъ поучалъ меня своимъ всегда интереснымъ разговоромъ.

Во время одной изъ такихъ экскурсій, мы зашли дальше обыкновеннаго и у меня явилось желаніе отдохнуть и напиться чего-нибудь.

Эбрамаръ, который, какъ тебѣ извѣстно, читаетъ мысли, тотчасъ же сказалъ:

— Здѣсь, недалеко, живутъ бѣдные люди. У нихъ мы и отдохнемъ.

И дѣйствительно, черезъ нѣсколько минутъ ходьбы мы увидѣли тонувшія въ зелени хижины.

Мы вошли въ первую попавшуюся лачугу, принадлежавшую

очень старой женщинѣ. Женщина эта посиѣшно подала намъ хлѣба и молока. Уходя, я далъ ей золотую монету.

Пока она разсыпалась въ благодарностяхъ, Эбрамаръ съ улыбкой наблюдалъ за ней.

— Я тоже, бабушка, не хочу остаться неблагодарнымъ за твое гостепріимство. Проси у меня чего-нибудь: я магъ и могу исполнить твое желаніе.

Старуха съ любопытствомъ и недовѣріемъ посмотрѣла на него, а затѣмъ боязливо и лукаво сказала:

— Мой добрый господинъ! Если ты, дѣйствительно, *магъ*, то сдѣлай, чтобы у меня выросли зубы. Если бы ты зналъ, какъ трудно ѣсть черствый хлѣбъ, имѣя всего только одинъ зубъ.

— Только-то? Съ удовольствіемъ!—отвѣтилъ Эбрамаръ.

Съ этими словами, онъ вынулъ изъ кармана мѣшокъ, который ты знаешь и который онъ всегда носитъ съ собой, досталъ оттуда пузырекъ, и влилъ нѣсколько капель въ глиняный горшокъ съ водой.

Вода приняла мѣловой оттѣнокъ.

— Храни этотъ горшокъ въ темномъ и холодномъ мѣстѣ,—сказалъ Эбрамаръ.—Въ теченіи девяти дней полощи ротъ этой водой по три раза въ день: утромъ, въ полдень и вечеромъ. Черезъ шесть недѣль, не смотря на твои года, ты будешь въ состояніи грызть орѣхи и ѣсть корки, хоть дерево.

Я былъ очень заинтересованъ и рѣшилъ сходить черезъ шесть недѣль узнать о дѣйствіи лекарства. Но въ то время у меня было такъ много занятій, что прошло нѣсколько мѣсяцевъ прежде, чѣмъ я могъ совершить предположенную экскурсію.

Старуху я засталъ сидящей передъ хижиной. Она, казалось, помолодѣла и съ аппетитомъ ѣла большой кусокъ хлѣба, показавшійся мнѣ не первой свѣжести.

— Ну что? Какъ зубы?—спросилъ я.

Она быстро вскочила, простерлась и радостно вскричала:

— Да будетъ благословенъ Брама и его посолъ—божественный *магъ*! Благодаря его лекарству, у меня такіе зубы, что имъ могутъ позавидовать мои внуки.

Старуха открыла ротъ и показала мнѣ два ряда бѣлыхъ, какъ жемчугъ, зубовъ, которые составляли странный контрастъ съ ея старымъ, морщинистымъ лицомъ.

— Я такъ экономно полоскала, что могла удѣлить эту чудесную воду моей старой сестрѣ. У нея теперь тоже прелестные, новые зубы— прибавила она.

Вернувшись домой, я разсказалъ про этотъ случай Эбрамару и просилъ его дать мнѣ рецептъ или, по крайней мѣрѣ, флаконъ этого чудеснаго вещества. Эбрамаръ посмѣялся надъ моимъ экстазомъ, но отказалъ.

— Не думаешь ли ты составить себѣ въ Европѣ состояніе, надѣляя зубами негодныхъ кутилъ или беззубыхъ кокотокъ, такъ какъ ты не рискуешь потерять зубы? —лукаво замѣтилъ онъ.

На этомъ дѣло и кончилось. Но я знаю, что онъ обладаетъ положительно необыкновенными средствами, которыя привели бы въ недоумѣніе врачей.

Такъ, во время нашихъ прогулокъ, я видѣлъ, какъ онъ излечилъ съ поразительной быстротой и безъ всякой операціи нѣсколькихъ слѣпыхъ, изъ которыхъ двое страдали катарактомъ. Что же касается исцѣленія паралитиковъ, то это для него дѣтская игра.

— Какъ же онъ излѣчиваетъ катарактъ? —спросилъ Супрамати, поблѣднѣвъ отъ волненія.

Онъ смачиваетъ глазное яблоко прозрачной, съ зеленоватымъ оттѣнкомъ жидкостью. Затѣмъ онъ завязываетъ глаза платкомъ и кладетъ больного на землю въ такое мѣсто, куда не достигаютъ солнечные лучи. Черезъ извѣстный промежутокъ времени, между четвертью часа и полутора часами, смотря по важности случая, больной встаетъ зрячимъ и совершенно здоровымъ.

Нѣсколько дней было посвящено отдыху, въ обществѣ Нары, а затѣмъ Дахиръ и Супрамати снова переселились въ лабораторію, чтобы приготовиться къ предположенному свиданію съ сановниками загробнаго міра.

Они выдерживали особый режимъ въ пищѣ, который не особенно нравился Супрамати, такъ какъ всѣ подаваемыя блюда имѣли острый и пряный вкусъ. Кромѣ того, все время онъ долженъ былъ оставаться въ темнотѣ, а масло единственной, освѣщавшей комнату лампады издавало сильный и раздражающій запахъ. Наконецъ, Дахиръ предписалъ очень теплыя ванны, въ воду которыхъ онъ клалъ ароматическія травы, что всегда причиняло Супрамати удушье.

Если бы онъ не интересовался такъ свиданіемъ съ существами «иного» міра, онъ стосковался бы; но разговоры съ товарищемъ поддерживали его и еще больше возбуждали интересъ, такъ что онъ уже съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ждалъ, когда окончатся девять сутокъ, назначенныхъ для приготовленія.

Наконецъ, настaлъ назначенный день. Незадолго до полуночи оба они надѣли черное трико и чепчики такого же цвѣта, въ родѣ средневѣковаго капора, плотно облегавшаго лицо и совершенно скрывавшаго волосы. Затѣмъ, Дахиръ повѣсилъ себѣ на шею магическій жезлъ, и оба они прошли въ лабораторію.

Здѣсь они зажгли четыре свѣчи и треножники съ ароматическими травами, которыя съ трескомъ горѣли, распространяя острый и густой дымъ. Затѣмъ Дахиръ съ товарищемъ вошли въ средину магическаго круга, внѣ котораго стояли два кресла.

Поднявъ обѣ руки, Дахиръ произнесъ размѣреннымъ тономъ формулы заклинаній, уже извѣстныхъ Супрамати, и почти тотчасъ же на концѣ жезла вспыхнуло кроваво-красное пламя. Тогда, пользуясь магическимъ жезломъ, какъ перомъ, Дахиръ начерталъ въ воздухѣ кабалистическій знакъ, линіи котораго фосфоресцируя, вибрируя и потрескивая, подобно фейерверку, рѣяли въ воздухѣ.

Черезъ минуту, въ воздухѣ образовалось облако, быстро сгустившееся въ спираль чернаго дыма, который раздался, открывъ исполинскую фигуру человѣка: плотно облегавшая его волосатая одежда вырисовывала его могучія формы и широкую грудь.

Кроваво-красныя крылья высились у него за спиной, а съ плечъ ниспадалъ воздушный, сѣроватый плащъ, который широко разстилался позади и терялся въ сумракѣ. Этотъ плащъ сотканъ былъ точно изъ безчисленнаго множества человѣческихъ лицъ, неясные контуры которыхъ сливались воедино, и только фосфоресцирующіе глаза ихъ, какъ бриллiанты, горѣли въ облачной массѣ.

Правильныя черты длиннаго, худощаваго лица дышали хитростью и могучей силой; глаза сіяли жгучимъ огнемъ, а два широкихъ фосфоресцировавшихъ луча, исходившихъ изъ его чела, имѣли видъ согнутыхъ роговъ.

— Привѣтъ тебѣ, Сарміэль! —сказалъ Дахиръ, кланяясь странной личности, имѣвшей видъ вполнѣ живого человѣка.

Затѣмъ, повернувшись къ Супрамати, который молча и съ ужасомъ смотрѣлъ на этого гостя, онъ прибавилъ:

— Дай руку, братъ, твоему новому союзнику, повелителю духовъ, блуждающихъ въ первой сферѣ нашей планеты. Ему подчинены милліоны злыхъ, невидимыхъ, недовольныхъ, строптивыхъ и вредныхъ существъ, отброшенныхъ въ пространство, послѣ жизни, полной излишествъ и преступленій. Онъ послужитъ и поможетъ тебѣ, когда понадобится.

Подавивъ внутреннюю дрожь, вызванную видомъ этого необыкновеннаго существа, Супрамати подалъ ему свою руку.

Въ ту минуту, когда ихъ пальцы соединились надъ магическимъ кругомъ, изъ жезла Дахира брызнуло пламя, которое, подобно огненной стрѣлѣ, пронизало ихъ руки, запечатлѣвъ, такимъ образомъ, заключенный союзъ.

Загадочная усмѣшка скользнула по бронзовому лицу страшнаго демона, а его огненный взоръ, на минуту, точно впился въ блѣдное, но рѣшительное лицо Супрамати.

— Не бойся меня!—сказалъ онъ груднымъ, звучнымъ голосомъ.— Когда ты познакомишься съ моими подданными, ты убѣдишься, что въ ихъ мрачныхъ душахъ столько же звучитъ добра, сколько и зла. Намъ не созидаютъ часовенъ, въ нашу честь не курится ладанъ, намъ не поютъ благодарственныхъ гимновъ: а между тѣмъ, не одно преступленіе, не одинъ пожаръ и не одно несчастіе остановлено нашими руками. Мы только «демоны», и никто не знаетъ тяжелой работы этихъ демоновъ на благо нашихъ братьевъ по человѣчеству. Впрочемъ, такъ всегда и бываетъ! Благодарность принадлежитъ *патентованнымъ*, канонизованнымъ благодѣтелямъ; палачей проклинаютъ, а судей прославляютъ.

Невыразимая насмѣшка звучала въ словахъ великана. Отказавшись рѣзкимъ жестомъ сѣсть въ кресло и продолжать разговоръ, духъ сдѣлалъ шагъ назадъ. По залѣ, со свистомъ, пронесся холодный порывъ вѣтра и видѣніе исчезло въ столбѣ чернаго дыма.

Когда разсѣялся послѣдній клокъ чернаго пара, Дахиръ произнесъ новое заклинаніе и начерталъ въ воздухѣ новый кабалистическій знакъ. Минуту спустя, у магическаго круга появился новый призракъ.

Онъ не былъ исполиномъ, подобно своему предшественнику. Это былъ высокій и стройный молодой человѣкъ; красная, плотно облегавшая одежда вырисовывала его чудныя формы. Блѣдное и прозрачное лицо его отличалось выдающейся, но зловѣщей красотой. Въ большихъ, темныхъ и непроницаемыхъ глазахъ его свѣтилось выраженіе непобѣдимой энергіи, смѣшанной съ холодной жестокостью. Улыбка, игравшая на его пурпурныхъ губахъ и открывавшая бѣлые, какъ жемчугъ, зубы, таила въ себѣ что-то, дѣйствительно, дьявольское.

Плотно облегающій чепчикъ покрывалъ его голову и надо лбомъ, между двумя огнями въ формѣ роговъ, высился блестящій крестъ. На шеѣ у него была надѣта разноцвѣтная цѣпь, съ которой свѣшивалась на грудь большая золотая звѣзда. На рукѣ у него висѣла, свернутая вродѣ лассо, веревка, съ огненной стрѣлой на концѣ.

За нимъ былъ обширный ореолъ, точно зарево пожара. Тамъ, окутанные дымчатымъ паромъ, стояли два существа въ черномъ трико съ красными поясами, длиннымъ мерцавшимъ пламенемъ за спиной и маленькими крестами на лбу.

Вновь явившійся протянулъ свою тонкую и бѣлую классически прекрасную и съ тонкими пальцами руку, а Супрамати почти машинально подалъ свою—и молнія тотчасъ же запечатлѣла ихъ союзъ.

На этотъ разъ Дахиръ поклонился съ видимымъ почтеніемъ и сказалъ:

— Тотъ, съ кѣмъ ты сейчасъ заключилъ союзъ, мой братъ, есть царь ларвовъ. Имени его тебѣ не нужно, потому что достаточно священныхъ знаковъ и формулъ, чтобы ты могъ призвать себѣ на помощь въ нужную минуту его, его помощниковъ или одного изъ подчиненныхъ. Ты еще не имѣешь истиннаго понятія о томъ, что такое *ларвы*, эти отвратительныя и вредныя твари, населяющія невидимый міръ и стерегущія живыхъ, чтобы губить ихъ. Для укрощенія ихъ необходимъ такой могущественный владыка, какъ твой новый союзникъ.

Болѣе общительный, чѣмъ его предшественникъ, повелитель ларвовъ сѣлъ въ кресло и слушалъ, играя кольцомъ, украшеннымъ краснымъ, точно капля крови, камнемъ.

При послѣднихъ словахъ Дахира, полунасмѣшливое, полуусталое выраженіе скользнуло по красивому лицу духа.

— Твои слова—это еще мертвая буква для твоего ученика, Дахиръ,—сказалъ онъ съ легкой усмѣшкой.—Въ немъ еще слишкомъ живы «ветхій человѣкъ» и современный психіатръ, чтобы онъ могъ сразу войти въ нашъ міръ, такъ категорически отрицаемый «непогрѣшимой» наукой, допускающей только то, что можно осязать, взвѣсить и разсѣчь скальпелемъ.

— Ты правъ! Братъ Супрамати еще слѣпъ во многомъ, но у него есть охота и рвеніе—отвѣтилъ Дахиръ.—Чтобы вѣрить и понимать—надо видѣть. Я разсчитываю скоро побывать съ нимъ въ вашихъ владѣніяхъ и надѣюсь, что ты поможешь показать ему зловредную дѣятельность ларвовъ, а также, какъ ты ихъ усмиряешь.

— Приходите, и я съ удовольствіемъ покажу вамъ свое царство,—отвѣтилъ съ улыбкой странный посѣтитель.—Вы прекрасно

выбрали время для посѣщенія. Земля въ изобиліи отсылаетъ намъ чудные экземпляры этихъ «очаровательныхъ» существъ, а воплощенные употребляютъ всевозможныя усилія, чтобы угодить ихъ вкусамъ. У насъ дѣла—по горло, такъ какъ ты самъ знаешь, что нѣтъ ничего труднѣй, какъ оторвать людей отъ хорошо сервированнаго стола. До свиданія!

Онъ всталъ, сдѣлалъ прощальный жестъ и, казалось, потонулъ въ красномъ сумракѣ, который затѣмъ быстро разсѣялся.

— Я показалъ тебѣ двухъ страшныхъ блюстителей, повелителей *армій зла*,—сказалъ Дахиръ, улыбаясь при видѣ недоумѣвающаго и взволнованнаго вида Супрамати.—Теперь мы вызовемъ еще нѣкоторыхъ главъ рабочихъ корпорацій и низшихъ духовъ, какъ-то: животныхъ и пр.

Передъ удивленнымъ, но уже болѣе смѣлымъ взоромъ Супрамати продефилировалъ цѣлый рядъ существъ, однѣ страннѣе другихъ, по своему виду и цвѣту. Его глазамъ открылся совершенно незнакомый и поразительный міръ. Онъ чувствовалъ то, что долженъ былъ, вѣроятно, чувствовать первый ученый, открывшій при помощи микроскопа новый міръ, недоступный простому глазу.

Наконецъ, разнообразіе и множество знаковъ и формулъ, которыя Дахиръ произносилъ со смѣлой увѣренностью (всѣ посѣтители его знали, и онъ всѣхъ зналъ), утомили Супрамати: несмотря на лихорадочный интересъ, съ которымъ онъ слушалъ и смотрѣлъ, онъ почувствовалъ что-то вродѣ слабости.

Замѣтивъ это, Дахиръ объявилъ, что на сегодня довольно и когда оба они вернулись въ свою комнату, онъ далъ Супрамати выпить кубокъ вина, а затѣмъ приказалъ ему взять ванну.

— Теперь, прежде чѣмъ приступить къ чему-либо другому, я даю тебѣ отпускъ для отдыха. Пойдемъ! Нара насъ ждетъ ужинать. Ты вполнѣ заслужилъ удовольствіе увидѣться съ ней,—со смѣхомъ сказалъ онъ.

Супрамати, какъ во снѣ, послѣдовалъ за Дахирамъ. У него кружилась голова отъ всѣхъ вынесенныхъ впечатлѣній. Грезилъ онъ или все, имъ видѣнное, дѣйствительно, существовало? Онъ боязливо сжалъ руками свой лобъ, покрытый холоднымъ потомъ, и въ головѣ шевельнулась мысль: не сошелъ-ли онъ съ ума, не находится-ли уже въ домѣ сумасшедшихъ и не созданіе-ли его больного мозга вся эта странная эпопея съ эликсиромъ жизни и всѣми послѣдствіями его встрѣчи съ Нарайяной.

Громкій смѣхъ Дахира вывелъ его изъ задумчивости.

— Не бойся! Ты—не сумасшедшій. Все, включая и твою очаровательную жену, есть реальная дѣйствительность.

Минуту спустя, оба они входили въ столовую, гдѣ ихъ ждала уже Нара.

Хозяйка была весела и, какъ всегда, очаровательна. Она поцѣловала мужа, но когда онъ хотѣлъ начать разсказывать ей обо всемъ, что видѣлъ и слышалъ со времени ихъ разлуки, Нара со смѣхомъ перебила его.

— Пойдемъ ужинать! Свои впечатлѣнія ты разскажешь мнѣ послѣ. Дахиръ такъ скудно кормилъ тебя, что ты навѣрное очень голоденъ.

— Дѣйствительно, наше меню оставляло многаго желать,—весело отвѣтилъ Супрамати.

Послѣ ужина, показавшагося Супрамати восхитительнымъ, всѣ перешли въ гостиную. Когда они удобно усѣлись передъ каминомъ, Нара спросила:

— Ну что? Видѣлъ ты *Его Ларвское Величество*? Какъ онъ красивъ, не правда-ли? Онъ былъ бы вполнѣ обольстительнымъ, если бы только на немъ не лежала такая противная обязанность.

— Не хочешь ли ты заставить меня ревновать, такъ открыто восхищаясь красотой царя ларвовъ?—съ улыбкой замѣтилъ Супрамати, цѣлуя руку жены.

Затѣмъ, минуту спустя, онъ прибавилъ:

— Мнѣ очень хотѣлось бы составить себѣ болѣе ясное понятіе о ларвахъ. Все, что я до сихъ поръ знаю о нихъ, очень недостаточно.

Нара сдѣлалась серьезна.

— *Ларва*, мой другъ,—это Нарайяна: это—существо, которое, подобно гіенѣ, подкрадывается къ человѣку, чтобы питаться его жизненнымъ сокомъ, внушать ему свои собственныя неутоленныя страсти и увлечь его въ бездну нравственной нищеты и физическихъ страданій. Тотъ, кого ты видѣлъ—великій *благодѣтель* человѣчества. Имя его неизвѣстно на землѣ, никто не знаетъ сколько жертвъ избѣгло гибели, благодаря энергіи этого духа—неутомимаго труженика, который поддерживаетъ, спасаетъ и освобождаетъ несчастныхъ.

Его надо видѣть на дѣлѣ. Смѣлый и хладнокровный, онъ побѣждаетъ и покоряетъ самыхъ подлыхъ, опасныхъ, зловредныхъ и отвратительныхъ существъ, которыя блуждаютъ въ насыщенной раз-

ложеніемъ земной атмосферѣ. Трудъ противный: представь, что тебѣ пришлось бы бороться грудь съ грудью съ прокаженными, и это искупленіе, которое онъ наложилъ на себя, иногда кажется ему превышающимъ его силы, но его поддерживаетъ желѣзная энергія.

— Да, энергіей и, кромѣ того, жестокостью вѣетъ отъ него,— замѣтилъ Супрамати.

— Въ той средѣ, гдѣ онъ дѣйствуетъ, нужно и то, и другое. Ты не можешь себѣ представить, что происходитъ въ первомъ атмосферномъ слоѣ, окружающемъ нашъ земной шаръ. Ты меня лучше поймешь, когда сдѣлаешь экскурсію въ невидимый міръ.

— Развѣ что будетъ хуже того, что ты показывала мнѣ въ Венеціи?

— О, да, и, къ тому еще, въ другомъ родѣ!—со смѣхомъ отвѣтила Нара.

IV.

По прошествіи двухъ недѣль, посвященныхъ отдыху и проведенныхъ очень весело, Дахиръ сказалъ однажды утромъ, что пора снова приняться за работу, такъ какъ имъ предстоитъ экскурсія въ невидимый міръ, что тоже требовало особыхъ приготовленій.

Когда они снова перешли въ комнату, смежную съ лабораторіей, Супрамати спросилъ, какого приготовленія требуетъ странное путешествіе въ загробную область.

— Чтобы проникнуть въ невидимый міръ, прежде всего необходимо избавиться отъ тяжести тѣла...

Супрамати громко расхохотался, но Дахиръ, ни мало не смущаясь, весело продолжалъ:

— Я тебя понимаю. Тебѣ кажется смѣшнымъ то, что я сказалъ; а между тѣмъ, магія располагаетъ средствами, которыя приводятъ насъ въ состояніе, похожее на состояніе умершаго... Другими словами: мы приводимъ себя въ такое же состояніе легкости, какимъ пользуются только духи, не будучи лишены, въ то же время, матеріальнаго тѣла.

— Это просто невѣроятно!

— Вовсе не такъ невѣроятно, какъ кажется. Подобное же состояніе бываетъ у лунатиковъ, которые теряютъ словно свой вѣсъ и пріобрѣтаютъ необыкновенную легкость. Многіе видѣли, какъ они пробираются черезъ отверстія, непроходимыя для всякаго другого, лазятъ по крышамъ и прогуливаются по карнизамъ, на которыхъ едва можетъ помѣститься человѣческая нога. Однимъ словомъ, они ходятъ цѣлыми и невредимыми всюду, куда не пожелаютъ, если только ихъ не вспугнуть. Только у лунатиковъ такое состояніе является непроизвольно и они не могутъ вызвать его по желанію; магъ же обладаетъ для этого вѣрнымъ средствомъ и знаетъ законы, которые должны быть приведены въ дѣй-

ствіе, а потому онъ и достигаетъ гораздо болѣе совершенныхъ результатовъ. Такимъ образомъ, *магъ* можетъ подниматься на воздухъ, ходить по водѣ и уменьшать разстояніе, пользуясь для пробѣга его быстротой вихря и т. д. Всѣ эти факты, кажущіеся «чудесными», подтверждены разсказами очевидцевъ, хотя наука и смѣется надъ ними. Такъ, напримѣръ, въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ упоминается о волхвѣ Симонѣ, который поднимался на воздухъ.

— Да, но съ помощью демона!—улыбнулся Супрамати.

— Хотя-бы! Невѣждамъ и предубѣжденнымъ слѣпымъ неизвѣстныя силы всегда кажутся *демономъ* или *бабьей сказкой*,— презрительно отвѣтилъ Дахиръ.

Когда наступилъ вечеръ, Дахиръ отвелъ своего ученика въ комнату, которой тотъ еще никогда не видалъ, и такъ тщательно заперъ за собой дверь, что отъ нея не осталось и слѣда, а стѣна казалась цѣлой и сплошной.

— Здѣсь приготовительная лабораторія для путешествія, которое мы предполагаемъ предпринять. Воздухъ этой комнаты специально составленъ. Сядемъ и поговоримъ до полуночи, а когда настанетъ время, я скажу тебѣ, что нужно дѣлать.

Супрамати оглянулся кругомъ, но ничего не могъ разсмотрѣть. Въ комнатѣ было темно: не горѣло ни свѣчей, ни лампы, и только черезъ большое готическое окно проникалъ блѣдный ночной сумракъ. Около этого окна стояли два кресла.

Дахиръ, который, казалось, хорошо зналъ топографію мѣста, подвелъ своего товарища къ окну. Здѣсь они сѣли и стали бесѣдовать.

Взошла луна и ея блѣдный, но яркій свѣтъ залилъ комнату, позволяя Супрамати подробно осмотрѣть ее.

Зала была круглая, почти такой-же величины, какъ и лабораторія: по срединѣ стояло что-то вродѣ павильона со стеклянными стѣнами. Дальше, въ глубинѣ комнаты, виднѣлся бассейнъ и въ немъ билъ фонтанъ, струя котораго, разноцвѣтно блестѣла при свѣтѣ луны.

Когда старые часы замка пробили полночь, Дахиръ всталъ.

— Пойдемъ! Намъ надо принять ванну.

Онъ быстро раздѣлся и прыгнулъ въ бассейнъ. Супрамати не заставилъ себя долго просить и послѣдовалъ его примѣру.

Ему казалось, что никогда онъ не чувствовалъ себя такъ хорошо. Вода была не холодна, но отличалась необыкновенной свѣ-

жестью. Она, казалось, ласкала тѣло и одаряла новой силой каждый фибръ существа. Грудь дышала съ необыкновенной легкостью, а все тѣло казалось легкимъ, гибкимъ и сильнымъ, какъ никогда.

Супрамати охотно остался-бы всю ночь въ этой чудной ваннѣ, но черезъ нѣсколько минутъ Дахиръ сказалъ:

— Довольно! Выходи и одѣвайся!

Онъ указалъ рукой на какую-то вещь, размѣромъ не больше вчетверо сложеннаго носового платка, которая лежала на столѣ.

Супрамати недовѣрчиво посмотрѣлъ на указанный предметъ, а потомъ, со смѣхомъ, замѣтилъ:

— Послушай, другъ! Развѣ это годится для человѣка моего роста?

— Не бойся! Я такъ же высокъ, какъ и ты, а она мнѣ впору. Посмотри! Прежде всего ее надо развернуть и одѣвать на ноги.

Покачавъ головой, Супрамати развернулъ пакетъ и вынулъ одежду, похожую на трико, даже съ капюшономъ для головы, но по размѣрамъ эта одежда годилась развѣ для двухлѣтняго ребенка. Недоумѣніе его еще больше увеличилось, когда Дахиръ надѣлъ такую же и она легко облегла все его тѣло.

Не колеблясь долѣе, Супрамати сталъ надѣвать трико, оказавшееся необыкновенно эластичнымъ. Оно было сдѣлано изъ тонкой и мягкой, какъ самый мягкій батистъ, матеріи и получалось ощущеніе плотной атласной кожи.

Трико плотно облегло его, причемъ не только руки были закрыты, но и голова, такъ что оставалось открытымъ одно только лицо. Тѣмъ не менѣе одежда эта нисколько не стѣсняла движеній. Но, при всей своей легкости, она была тепла, какъ мѣхъ и производила во всемъ тѣлѣ колотье, какъ будто изъ нея исходилъ электрическій токъ. Въ общемъ, Супрамати чувствовалъ, что трико какъ будто слилось съ его собственной кожей, принявшей сѣро-стальной цвѣтъ.

— Да, даже трудно себѣ представить болѣе странный костюмъ. Изъ чего сдѣланъ онъ? Я никогда не видѣлъ ничего подобнаго,—спросилъ Супрамати, дѣлая цѣлый рядъ всевозможныхъ движеній для того, чтобы убѣдиться, что новая одежда не стѣсняетъ его.

— О! Еще много, чего ты не видѣлъ, мой дорогой докторъ Ральфъ Морганъ.— Такую матерію, какъ эта, трудно найти въ магазинахъ Лондона. *Мы* называемъ ее «кожей духовъ»,— отвѣтилъ со смѣхомъ Дахиръ.

— Чортъ возьми! Это ровно ничего не объясняетъ, дорогой мой учитель! Неужели *духи* мѣняютъ кожу, подобно змѣямъ, а вы пользуетесь этой кожей, какъ дорожнымъ костюмомъ для путешествія въ царство тѣней?

— Именно! Этотъ костюмъ необходимъ для того, чтобы проникнуть во владѣнія Г.г. мертвыхъ—въ пространство четвертаго измѣренія,—отвѣтилъ Дахиръ, открывая одну изъ стѣнокъ стеклянного павильона, устроенную вродѣ двери, и приглашая друга слѣдовать за собой.

Супрамати очутился какъ бы въ стеклянной комнатѣ, освѣщенной нѣжнымъ голубоватымъ свѣтомъ луны. Посрединѣ стояли стеклянный столъ и два кресла. На столѣ была открытая шкатулка съ двумя бокалами, наполненными дымящеюся жидкостью сапфироваго цвѣта, и два темныхъ куска, показавшихся ему пряниками.

— Сядемъ и выпьемъ за успѣхъ нашего путешествія,—сказалъ Дахиръ, садясь въ кресло.

Съ этими словами, онъ залпомъ опорожнилъ бокалъ и Супрамати послѣдовалъ его примѣру. Жидкость, которую онъ выпилъ, была похожа на огонь, но не жгла, и вкусомъ напоминала старое, очень пряное вино. Но что его положительно привело въ восхищеніе, такъ это вкусъ темнаго тѣста. Оно таяло во рту, было нѣжно, какъ медъ, а вкусомъ и ароматомъ, напоминало розы, лиліи, ваниль и еще другія, пахучія ему вещества.

Охваченный пріятной истомой, Супрамати откинулся на спинку кресла; чувство никогда неиспытаннаго благосостоянія овладѣло имъ. Освѣжающій вѣтерокъ обвѣвалъ ему лицо, а затѣмъ поднялъ и, тихо качая, увлекъ его въ пространство.

Сколько времени продолжалось такое безсознательное, полное нѣги забытье, онъ не могъ сказать. Но, открывъ глаза, онъ увидѣлъ, что по прежнему сидѣлъ въ креслѣ; дверь павильона была открыта, а за порогомъ стоялъ Дахиръ, но Супрамати показалось, что тотъ виталъ надъ землей.

— Пойдемъ, пора!—сказалъ Дахиръ.

Супрамати всталъ, и тотчасъ же вскрикнулъ, потерявъ равновѣсіе. Онъ поднялся на воздухъ и нѣсколько разъ кувырнулся; а чѣмъ больше онъ старался стать на ноги, тѣмъ больше перевертывался, витая въ воздухѣ. Онъ кувыркался и бился, какъ утопающій.

Перепуганный, Супрамати закричалъ, а Дахиръ смѣялся, какъ сумасшедшій. Взбѣшенный оскорбительнымъ хохотомъ друга и наставника, онъ пробормоталъ, задыхаясь:

— Какъ глупо смѣяться, когда я рискую сломать себѣ шею!

— О! Здѣсь нѣтъ для тебя никакого риска. Неужели ты забылъ, что безсмертенъ! — отвѣтилъ Дахиръ, не переставая смѣяться.

Затѣмъ, взявъ Супрамати подъ руку и поддерживая его, онъ сказалъ:

— Ну, иди же, какъ ходишь обыкновенно.

Они сдѣлали нѣсколько шаговъ вмѣстѣ.

— Послушай!—замѣтилъ Супрамати.—Я не чувствую подъ ногами земли; мнѣ кажется, что я хожу по пружинамъ, которыя сгибаются подо мной.

— Полно! Не говори глупостей, дорогой докторъ! Ты забылъ мое предупрежденіе, что наше тѣло потеряетъ свою тяжесть. Теперь мы, такъ сказать, витаемъ въ воздухѣ.

Супрамати оглянулся кругомъ. Увидя вокругъ себя открытое, темное пространство, онъ вырвалъ свою руку, глухо вскрикнулъ и сталъ дѣлать отчаянныя усилія, чтобы уцѣпиться за что нибудь.

— Что за человѣческая привычка кричать при всякомъ удобномъ случаѣ! Ну, чего кричишь ты! Боишься ушибиться? Такъ пойми же, что, потерявъ тяжесть, ты не можешь ни упасть, ни удариться, хотя бы тебя даже бросили на землю.

Съ этими словами Дахиръ сильно ударилъ его по затылку. Супрамати кувырнулся и опустился до полу, но почти тотчасъ же, какъ перо, поднялся до уровня спутника. Несмотря на справедливое замѣчаніе своего наставника, онъ не могъ удержаться отъ новаго крика. На этотъ разъ онъ самъ посмѣялся надъ своей дурной привычкой и прибавилъ, взявъ снова Дахира подъ руку:

— Вотъ я и начинаю привыкать сохранять равновѣсіе! Итакъ, мы можемъ идти! Но куда же мы отправимся? Посѣтимъ какую-нибудь планету?

— О! У тебя еще будетъ время предпринять столь далекое путешествіе. Въ настоящую минуту мы ограничимся только посѣщеніемъ атмосферныхъ поясовъ, которые окружаютъ нашу планету, въ невѣдомый для грубаго человѣческаго взора міръ.

Они подошли къ окну, которое Дахиръ открылъ, нажавъ скрытую въ стѣнѣ пружину. Сильный порывъ воздуха, ворвавшійся въ комнату, сначала отбросилъ ихъ, а потомъ увлекъ наружу.

Съ минуту они крутились въ воздухѣ. Вокругъ нихъ все свистѣло, трещало и странно звучало. Вдругъ окружавшая ихъ сѣро-

ватая атмосфера раздалась съ сухимъ трескомъ и открыла громадное пространство, залитое краснымъ, какъ зарево пожара, свѣтомъ. Въ то же время до слуха Супрамати долетѣли хаотическіе, нестройные звуки, а порывъ вонючаго воздуха охватилъ его, стѣснивъ ему дыханіе.

— Что это значитъ? Гдѣ мы?— спросилъ Супрамати, съ удивленіемъ смотря на разстилавшуюся передъ нимъ, утопавшую въ пурпурномъ свѣтѣ безконечность.

— Это пространство *четвертаго* измѣренія—владѣніе безплотныхъ,—съ улыбкой отвѣтилъ Дахиръ.

— Слѣдовательно, въ данную минуту мы изображаемъ изъ себя нѣчто вродѣ *умершихъ*?

— Почти что такъ! Мы проникаемъ въ ихъ царство и переживаемъ впечатлѣніе, подобное тому, какое испытываетъ духъ, покидая тѣлесную оболочку.

Во время этого разговора, могучее теченіе продолжало увлекать ихъ со стремительной быстротой. Супрамати показалось, что они приближаются къ городу, строенія котораго тонули въ красноватомъ сумракѣ.

Они спустились съ такою же быстротой и очутились на какой-то улицѣ, обрамленной, высокими домами съ неясными контурами. Вокругъ нихъ толпились мужчины и женщины всѣхъ возрастовъ и положеній, дѣти и даже животныя. Все это бѣгало, толкалось и, казалось было охвачено какой-то лихорадочной дѣятельностью. На неистощенныхъ лицахъ застыло сосредоточенное выраженіе, глаза пылали, но нельзя было понять, куда именно бѣжала эта толпа. Одѣты они были въ самые разнообразные костюмы или просто покрыты черными тряпками; но большинство были наги и имѣли отвратительный видъ.

Большая часть этихъ субъектовъ то исчезала въ домахъ, то снова выбѣгала на улицу.

— Вѣдь все *это духи!* Не правда ли?—освѣдомился Супрамати.

— Да, мы очутились въ какомъ-то большомъ городѣ, но какомъ,—я не могу сейчасъ сказать тебѣ, такъ какъ мы находимся въ иныхъ условіяхъ, чѣмъ въ матеріальной жизни, и мнѣ трудно немедленно же оріентироваться. Такимъ образомъ, мы болѣе ясно видимъ дома, которые осаждаются духами для удовлетворенія, по мѣрѣ возможности, своихъ плотскихъ вожделѣній. Эти безплотные, которые, какъ видишь, бѣгаютъ по всѣмъ направленіямъ,

завистники живыхъ, исполненные всѣми животными желаніями. Это—преступные лѣнтяи, жизнь которыхъ протекала безполезно и которые пылаютъ теперь ненавистью и ревностью къ воплощеннымъ.

— А кто вонъ тѣ, которые снуютъ, какъ безумные съ растеряннымъ и испуганнымъ взглядомъ?

— Болваны, которые не хотятъ понять, что они умерли и ищутъ свои дома. Но идемъ дальше! Здѣсь нѣтъ ничего интереснаго,—прибавилъ Дахиръ.

Пока они шли дальше, но уже гораздо медленнѣй, Супрамати спросилъ:

— Отчего окружающая насъ атмосфера окрашена въ красный цвѣтъ?

— Это отраженіе собранныхъ здѣсь плотскихъ эманацій,—отвѣтилъ Дахиръ, останавливаясь передъ большимъ домомъ съ массивнымъ подъѣздомъ.

Не прикасаясь къ ступенямъ лѣстницы, вошли они въ большую, ярко освѣщенную залу, въ которой кончало пиршество многочисленное общество кавалеровъ и дамъ. Столъ, убранный серебромъ, хрустальной посудой и цвѣтами, былъ въ безпорядкѣ. Множество пустыхъ бутылокъ, разгорѣвшіяся лица собесѣдниковъ, ихъ тусклые взгляды и разстроенный видъ доказывали, что возліянія Бахусу были обильны. Нѣсколько мужчинъ спали, громко храпя.

На этотъ разъ, передъ нашими путниками находились живые люди или, вѣрнѣй, *воплощенные*, какъ это доказывали живость красокъ, опредѣленность контуровъ и животная компактность тѣла.

Но, вокругъ нихъ же толпилась масса отвратительныхъ существъ, принадлежавшихъ къ загробному міру. Они присасывались къ воплощеннымъ и стоявшимъ на столѣ блюдамъ. Жадные взгляды, какіе тѣ бросали на присутствующихъ и остатки пира, ясно доказывали, насколько въ нихъ были еще живы всѣ тѣлесныя вожделѣнія; а нѣкоторые прижимались своими посинѣвшими губами ко рту живыхъ, вдыхая ихъ жизненный сокъ, который въ видѣ розоватаго пара исходилъ изъ ихъ рта, конечностей и вершины головы.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ стола, опрокинувшись въ креслѣ, полулежалъ молодой еще человѣкъ, очевидно мертвецки пьяный. Жилетъ его былъ разстегнутъ, галстухъ сорванъ, а блѣдное лицо было испещрено красными пятнами.

Обвивъ его шею почернѣвшими, покрытыми язвами руками, къ нему прижималась совершенно нагая женщина. Длинные и густые

всклокоченные волосы окутывали ее, какъ плащемъ чернаго дыма. Ртомъ она прижалась къ тому мѣсту, гдѣ было сердце. Женщина эта съ такою силой высасывала у своей жертвы жизненность, что лицо юноши покрылось смертельною блѣдностью, грудь трепетала и болѣзненныя судороги пробѣгали по всему тѣлу.

Средь шума, смѣха и оживленія все еще продолжавшагося пира, никто не замѣчалъ, что онъ, повидимому, сильно страдалъ и корчился, какъ будто подъ тяжестью кошмара.

Между тѣмъ, отвратительное существо продолжало свое преступное дѣло, не смотря на усилія двухъ человѣкъ, въ черномъ, которыхъ Супрамати призналъ за помощниковъ духа, названнаго Дахиромъ Царемъ ларвовъ.

Оба они съ видимымъ безпокойствомъ склонились надъ страдающимъ человѣкомъ и отталкивали женщину, осыпая ее потокомъ электрическихъ искръ; но все было тщетно. Она, какъ паукъ, вцѣпилась въ свою жертву и не выпускала ее.

Тогда одинъ изъ нихъ поднесъ къ губамъ красный висѣвшій у него на шеѣ рожокъ и раздался пронзительный звукъ. Тотчасъ же въ воздухѣ появился огненный зигъ-загъ, блеснувшій всѣми цвѣтами призмы.

Ларва вздрогнула, но очевидно жажда наслажденія была сильнѣе страха, такъ какъ она съ удвоенной яростью присосалась къ пьяному, лицо котораго внезапно покрылось багровымъ румянцемъ, а ротъ полуоткрылся, точно онъ задыхался. Въ эту минуту раздался пронзительный свистъ, а затѣмъ легкій трескъ, и въ двухъ шагахъ отъ отвратительной группы, лежавшей въ креслѣ, появилась высокая фигура Царя ларвовъ.

Онъ былъ прекрасенъ и ужасенъ со своимъ безстрастнымъ лицомъ, пылающимъ и суровымъ взглядомъ, окруженный дымчатымъ, пурпурнымъ ореоломъ. Онъ поднялъ руку и огненная стрѣла ударила ларву въ затылокъ, и она обернулась, какъ укушенная змѣей, но не повиновалась приказанію оставить жертву. Тогда вторая струя огня поразила другой нервный центръ и послышалось шипѣнье, какое издаетъ вода, попавъ на раскаленное желѣзо. Женщина испустила хриплый, раздирающій крикъ, опустилась на землю и поползла къ своему укротителю.

Теперь только Супрамати увидѣлъ бѣлое, какъ мѣлъ, красивое лицо ея, на которомъ кровавымъ пятномъ выдѣлялись губы.

Всѣ пороки и неудовлетворенныя страсти отражались на этомъ

лицѣ, искаженномъ въ данную минуту выраженіемъ ужаса и адской злобы.

Вдругъ она неожиданно сдѣлала прыжокъ назадъ и снова набросилась на лежавшаго въ креслѣ человѣка. Тотъ застоналъ и быстро поднесъ руку къ сердцу.

Гнѣвное пламя вспыхнуло въ глазахъ повелителя ларвовъ. Висѣвшая у него на рукѣ, свѣтящаяся веревка развернулась съ быстротой молніи, обвила отвратительное созданіе, скрутила его и бросила на полъ. Въ то же время снопъ огненныхъ искръ посыпался на женщину. Она каталась, подробно черному шару, покрытая огненной щетиной, воя, свистя и издавая удушливый трупный запахъ. Тотчасъ же нѣсколько помощниковъ повелителя ларвовъ схватили ее и потащили въ пространство.

Тогда духъ повернулся къ Супрамати и его наставнику.

— Привѣтъ тебѣ, Дахиръ, и тебѣ, новый товарищъ нашъ! Ты еще въ первый разъ присутствовалъ при оккультной смерти, которую доктора не преминутъ, разумѣется, приписать разрыву сердца или параличу мозга. Ха, ха, ха!

Глумливый смѣхъ вырвался изъ его устъ. Затѣмъ, сдѣлавъ рукой прощальный знакъ, онъ исчезъ такъ же неожиданно, какъ и появился.

Взглядъ Супрамати съ невольнымъ ужасомъ перешелъ къ креслу. На лицѣ молодого человѣка застыла неподвижность смерти.

Только теперь на него обратили вниманіе, такъ какъ нѣсколько пирующихъ склонились надъ трупомъ, пытаясь привести его въ чувство, а остальное общество, съ блѣдными и разстроенными лицами, столпилось вокругъ.

— Отчего онъ не могъ спасти этого несчастнаго? Ты мнѣ говорилъ, однако, что этотъ повелитель ларвовъ спасаетъ безчисленное число жертвъ?—спросилъ Супрамати.

— Безчисленное—да, но не всѣхъ. Въ настоящемъ случаѣ условія были слишкомъ неблагопріятны. Истощенный излишествами организмъ преставлялъ ужъ очень легкую добычу для адской жрицы порока, привлеченной сюда нечистымя желаніями и эманаціями оргіи. Обезсиленная пьянствомъ душа жертвы не имѣла силы защищаться противъ ненасытнаго вампира, жаждущаго плотскаго флюида—и вотъ, этотъ человѣкъ заплатилъ жизнью за свои безумства. Спаситель явился слишкомъ поздно: онъ не могъ удержать жизнь, ручьемъ вытекавшую изъ истощеннаго распутствомъ организма. И сколько подобныхъ смертей ежедневно заносится въ лѣтописи вселенной!—со вздохомъ закончилъ Дахиръ.

— Какова же будетъ участь этой души, такъ неожиданно и такъ непристойно оторванной отъ тѣла среди вакханаліи?—спросилъ Супрамати.

— Она будетъ жаждать наслажденій, какъ и ея палачъ. Страждущая и вѣчно неудовлетворенная, она будетъ блуждать по мѣстамъ, посвященнымъ сластолюбію, пытаясь заимствовать у воплощенныхъ хоть частичку ихъ ощущеній. Но идемъ! Я хочу показать тебѣ кладбище. Ты еще не видѣлъ проясненнымъ взглядомъ подобнаго мѣста. Для тебя это представитъ очень интересное зрѣлище.

Минуту спустя, Супрамати увидѣлъ обширное пространство, обнесенное стѣной и засаженное деревьями, сквозь листву которыхъ проглядывало множество крестовъ. По обоимъ сторонамъ длинныхъ, обсаженыхъ деревьями аллей высились погребальные памятники, и богатые, и бѣдные. Одни были недавно сооружены, другіе, старые, поросли мохомъ, и стояли съ полустертыми надписями.

Вдали виднѣлись бѣлыя стѣны и золоченый куполъ церкви. Луна заливала своимъ блѣднымъ свѣтомъ мѣсто «вѣчнаго упокоенія», какъ называютъ его люди; хотя, очевидно, оно не даетъ покоя послѣ бурной жизни, такъ какъ здѣсь по аллеямъ, какъ и ранѣе по улицамъ, бѣгала или тихо ходила цѣлая толпа озабоченныхъ, недоумѣвающихъ, мрачныхъ, или озлобленныхъ существъ.

Около многихъ монументовъ стояли сѣроватыя, воздушныя существа, съ неясными контурами. Одни изъ нихъ казались печальными и какъ бы растерянными; другія же говорили съ воодушевленіемъ.

Среди послѣднихъ виднѣлись искаженныя гнѣвомъ и ревностью лица. Вызывающіе, полные ненависти, молніеносные взгляды, прорѣзывавшіе атмосферу, и окружавшіе ихъ клубы чернаго дыма указывали, что эти разговоры были далеко не спокойны и дружественны.

Близь одной изъ такихъ группъ Дахиръ остановился и сдѣлалъ знакъ своему спутнику прислушаться. Здѣсь, на небольшомъ разстояніи одинъ отъ другого, находились два памятника, различные по виду.

Одинъ изъ нихъ представлялъ великолѣпную часовню изъ бѣлаго мрамора, въ которой стоялъ бюстъ, изображавшій молодого и довольно красиваго человѣка, но пошлаго на видъ. Великолѣпная, бронзовая золоченая рѣшетка окружала памятникъ, украшенный множествомъ металлическихъ и фарфоровыхъ вѣнковъ. Другая могила

имѣла очень скромный и запущенный видъ и, безъ сомнѣнія, была забыта. Каменная плита заросла травой, желѣзный крестъ покосился, рѣшетка носила слѣды разрушенія.

На мраморныхъ ступеняхъ часовни сидѣлъ оригиналъ бюста и насмѣшливо слушалъ горячую рѣчь блѣднаго и тощаго человѣка, съ лицомъ хищной птицы, который кричалъ, сильно жестикулируя:

— Нечего тебѣ гордиться, презрѣнный паразитъ, и хвастаться своимъ великолѣпнымъ, большимъ и украшеннымъ цвѣтами памятникомъ! Вмѣсто того, чтобы попрекать меня за бѣдный крестъ, стоящій на моей могилѣ, тебѣ слѣдовало бы помнить, что эта мраморная часовня выстроена тебѣ на мои деньги и что на мои же деньги жили и наслаждались ты, негодяй, и презрѣнная женщина, которую я вытащилъ изъ грязи, чтобы сдѣлать своей женой.

— Хи, хи, хи!—насмѣхался другой.—Не волнуй свою желчь, старый «гарпагонъ»! Ты всегда отличался такими скромными вкусами, что твоя жена, не желая тебя раздражать, и поставила тебѣ такой плохенькій памятникъ. Я же—дѣло другое: я всегда любилъ роскошь. Впрочемъ, я понимаю твою досаду: ты завидуешь расточаемымъ въ мою память сожалѣніямъ и слезамъ.

Первый насмѣшливо расхохотался.

— О, нисколько я не завидую любви и сожалѣніямъ, которыя тебѣ расточаютъ. Они значительно сократились, какъ и свѣжіе цвѣты, которыхъ эта добрая женщина не приноситъ съ тѣхъ поръ, какъ нашла новаго любовника для утѣшенія своей старости. А когда ты пролежишь подъ землей восемнадцать лѣтъ, какъ я, то забудутъ даже твое имя. Но это нисколько не мѣшаетъ тому, что неблагодарность этой вѣдьмы ко мнѣ,—своему блѣгодѣтелю,—возмутительна. Мнѣ стыдно знакомыхъ и тѣхъ, кто приходитъ навѣстить меня, когда они видятъ этотъ жалкій камень и убѣждаются въ томъ недостаткѣ уваженія, какое оказываетъ мнѣ эта негодница. Она не отслужила по мнѣ ни одной заупокойной обѣдни и я, къ стыду своему, долженъ бѣгать по обѣднямъ, которыя служатся другимъ.

Обладатель мраморной часовни ядовито возразилъ и споръ обострялся, но Супрамати не слыхалъ его, объявивъ, что не стоитъ слушать препирательствъ двухъ негодяевъ.

— Великій Боже! Возможно ли, чтобы *духи* тщеславились своими надгробными памятниками и чтобы подобные, совершенно земные пустяки возбуждали въ нихъ соперничество и вызывали ссоры?— замѣтилъ Супрамати.

Ты все забываешь, что смерть касается только плотской

оболочки человѣка. Изъ тѣлесной темницы, пришедшей въ состояніе разрушенія, вырывается душа со всѣми ея слабостями и добродѣтелями: и вотъ, хвастунъ, не имѣя больше чѣмъ хвастать, кичится изяществомъ своего гроба или богатствомъ надгробнаго памятника.

Вообще ты видишь, что люди совершенно напрасно воображаютъ, будто за гробомъ царитъ полнѣйшая безчувственность и уничтоженіе.

Всѣ человѣческія чувства воплощеннаго, его радости и огорченія волнуютъ и невидимый міръ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, прислушайся къ тому, что говорятъ здѣсь. Взгляни хоть на эту женщину, отмѣченную краснымъ крестомъ. Это знакъ, что она самовольно покончила свою жизнь. Эта несчастная, какъ и всякая живая, чувствуетъ потребность высказаться и, найдя симпатичную душу, повѣряетъ ей свое горе.

Часть кладбища, гдѣ они находились въ эту минуту, была гораздо бѣднѣе, а деревянные кресты смѣнили мраморные и бронзовые монументы.

Около одной изъ такихъ могилъ, съ простымъ бѣлымъ крестомъ, сплошь покрытой живыми цвѣтами, стояли тѣни, самоубійцы и молодой дѣвушки съ печальнымъ и нѣжнымъ лицомъ. Сѣроватое одѣяніе послѣдней было покрыто точно серебристымъ и легкимъ покрываломъ. Дѣвушка эта, очевидно, старалась утѣшить свою собесѣдницу—мрачнаго и страждущаго духа, закутаннаго въ тяжелый, черный плащъ.

— Ты не въ состояніи вполнѣ понять моего горя,—съ горечью отвѣтила самоубійца.—Ты счастлива! Родители и женихъ тебя оплакиваютъ, всегда свѣжіе цвѣты украшаютъ твою могилу, и духи съ уваженіемъ смотрятъ на эти видимые знаки той памяти, какую ты оставила по себѣ. Наконецъ, ты можешь свободно перемѣщаться, а я?.. Чего не перестрадала я въ жизни? Одинокая, безъ крова и пищи, я пришла въ отчаяніе и покончила съ собой. Неужели я не была уже достаточно наказана тѣмъ, что была несчастна, что самое драгоцѣнное благо человѣка—*жизнь* сдѣлалась мнѣ невыносимой и что я возмутилась противъ несправедливой судьбы, безъ причины осудившей меня, отказывая мнѣ въ мѣстѣ на жизненномъ пиру, на которое я имѣла право, какъ и всякая другая? Повѣрь мнѣ, не легко умирать, когда въ молодомъ и сильномъ организмѣ горитъ желаніе жить и быть счастливой! А между тѣмъ, роковая судьба преслѣдовала меня даже въ самой смерти. Люди, такіе же жестокіе, какъ и судьба, отказали

мнѣ даже въ приличной могилѣ: словно какое-нибудь нечистое животное зарыли они самоубійцу въ углу кладбища, безъ молитвы, не поставивъ даже креста на покрызающей меня землѣ!

А между тѣмъ, мнѣ такъ нужны молитвы, чтобы очиститься отъ міазмовъ, которые меня душатъ, чтобы избавиться отъ тяжести матеріи, которая живетъ въ моемъ флюидическомъ тѣлѣ, и которую не могли истощить ни нищета, ни слезы, ни жестокая борьба моего земного существованія.

— Ободрись, бѣдная и страждущая сестра!—нѣжно сказалъ духъ молодой дѣвушки.—Вѣроятно, по мнѣ скоро будутъ служить заупокойную обѣдню: тогда ты пойдешь со мной въ церковь и мы вмѣстѣ будемъ молиться. Пѣснопѣнія, ароматъ ладана, молитвы и слезы присутствующихъ благотворно подѣйствуютъ на тебя. Я поддержу тебя, буду молиться съ тобой, и божественное милосердіе разсѣитъ омрачающія тебя тѣни.

Затѣмъ, ты не должна уединяться. Молись и призывай друзей пространства: они явятся утѣшить тебя. Не горюй о своей одинокой могилѣ. Господь не дѣлаетъ различія между ней и самымъ пышнымъ монументомъ. Трава и цвѣты растутъ здѣсь и на нее приходятъ играть дѣти—эти земные ангелы, которые въ своей невинности и беззаботности танцуютъ и поютъ на покрывающей насъ землѣ, не думая о роковомъ часѣ, когда они тоже сложатъ свое бремя и займутъ мѣста среди насъ: кто, оплаканный близкими, а кто—разбитый, усталый и всеми забытый. Подумай обо всемъ этомъ, бѣдная сестра моя! Тогда прошлое покажется тебѣ менѣе горькимъ и ты забудешь его, чтобы думать о будущемъ.

— Отдохнемъ здѣсь,—прошепталъ Дахиръ.—Я люблю эти города мертвыхъ. Тутъ—особая жизнь, отраженіе земного тщеславія и гордости: но здѣсь парятъ такъ же, подобно серебристому пару, самые чистые душевные порывы, какъ, напримѣръ, истинная любовь, такъ какъ у гроба угасаетъ всякій расчетъ. Только правдивая привязанность и искреннія слезы сопровождаютъ человѣка за гробомъ, а горе, выражаемое здѣсь—это есть самая чистая сущность влеченія, которое ничего не спрашиваетъ и ничего больше не ждетъ, а связуется съ покойнымъ узами воспоминанія только любви и добра, поглощающими всѣ обиды и разногласія. Намъ наша странная судьба отказываетъ въ отдыхѣ подъ землей для приготовленія къ новой жизни, но я люблю эти города мертвыхъ, гдѣ покоятся столько угаснихъ поколѣній.

— Я понимаю тебя. Какъ и ты, я любилъ посѣщать клад-

бища и размышлять тамъ. Въ Лондонѣ я часто ходилъ туда по воскресеньямъ. Тогда я былъ бѣденъ и боленъ, и мое переселеніе въ вѣчность казалось близкимъ. По цѣлымъ часамъ думалъ я о загробной жизни, смотря на могилы, изъ которыхъ каждая представлялась мнѣ тайной. Подъ каждымъ могильнымъ холмомъ таилась сущность человѣческой жизни, и надгробный камень скрывалъ отъ смертныхъ эпилогъ ея. Какой богатый архивъ,—думалъ я,— для романистовъ, если бы можно было приподнять плиты и изучить эти исчезнувшія жизни—жизни настоящія, истинныя, а не лживыя и хвалебныя описанія. Сколько открылось бы невѣдомыхъ трагедій и невѣроятныхъ приключеній!

Продолжая разговаривать, они ходили по кладбищу и разсматривали его обитателей, какъ вдругъ Супрамати вскричалъ:

— Посмотри, Дахиръ! Что это тамъ, налѣво? Можно подумать, что какая-то процессія. Только отчего среди этой толпы находятся и животныя: быки, овцы и птицы? И все это стонетъ реветъ, плачетъ и молится. Не могу понять, куда спѣшитъ эта обезумѣвшая толпа? Вѣроятно, они бѣгутъ отъ какой-нибудь внезапной катастрофы.

Дахиръ улыбнулся.

— Да, съ ними случилась *катастрофа*, но катастрофа, неизбѣжная для всякаго живущаго. Катастрофа эта—*смерть*! Люди умерли, а животныя были убиты на бойнѣ и флюидъ разложенія привлекъ ихъ другъ къ другу. Какъ тѣ, такъ и другія не могутъ еще отдать себѣ отчета во внезапной перемѣнѣ ихъ существованія. Особенно несчастны невѣрующіе. Видя, что они живы, и обладая всѣми человѣческими органами, они упрямо продолжаютъ считать себя еще на землѣ и жадно ищутъ толпы, такъ какъ одиночество пугаетъ ихъ. Другіе ищутъ друзей, чтобы спросить у нихъ объясненій. Но такъ какъ большая часть еще очень матеріальна, то флюидъ разложенія объединяетъ ихъ и они образуютъ толпы, подобно той, какую ты видишь здѣсь.

Съ любопытствомъ и страхомъ смотрѣлъ Супрамати на все новые для него феномены. Незнакомый міръ, куда онъ такъ странно проникъ, болѣе и болѣе интересовалъ его.

Воспоминанія, сначала смутныя, а затѣмъ болѣе ясныя, возстали въ его мозгу. Онъ уже бывалъ здѣсь: онъ видѣлъ это тонущее въ кровавомъ свѣтѣ пространство и испытывалъ ощущеніе страха и недоумѣнія, которое отражалось на испуганныхъ лицахъ существъ, проходившихъ мимо.

Погрузившись въ свои мысли, Супрамати не замѣчалъ времени и былъ крайне удивленъ, когда увидѣлъ, что они снова вернулись къ могилѣ молодой дѣвушки. По тѣнистымъ аллеямъ теперь ходили живые люди, а число безплотныхъ значительно уменьшилось.

— Теперь день и всевозможные люди приходятъ навѣстить могилы своихъ близкихъ,—отвѣтилъ Дахиръ на вопросъ своего спутника.—Здѣсь перемѣны дня и ночи не чувствительны. Но посмотри! Вотъ идетъ семейство молодой дѣвушки, которую мы видѣли. Они опять несутъ свѣжіе цвѣты.

— Послушай! Теперь свѣтло и я боюсь, какъ бы насъ не увидѣли. Такъ какъ мы витаемъ въ воздухѣ, то прохожіе будутъ удивлены, видя такихъ необычныхъ посѣтителей. Это было бы ужасно! Уйдемъ лучше!

— Оставайся и будь спокоенъ! Въ настоящую минуту, благодаря условіямъ, въ которыхъ мы находимся, никто насъ не увидитъ.

Успокоенный на этотъ счетъ, Супрамати сталъ разсматривать родственниковъ духа, внушившаго ему участіе.

Это была семья достаточнаго рабочаго, состоявшая изъ двухъ мужчинъ, женщины среднихъ лѣтъ и троихъ дѣтей, въ числѣ которыхъ были двѣ маленькія дѣвочки двѣнадцати и десяти лѣтъ. У всѣхъ были въ рукахъ цвѣты, и всѣ дружно стали украшать могилу, убирая увядшіе цвѣты и обвивая крестъ свѣжими гирляндами.

Лишь старшая дѣвочка не принимала участія въ общей работѣ и бродила между могилами. Она задумчиво остановилась у могилы самоубійцы, а затѣмъ сѣла на траву у памятника сестры.

Это былъ кроткій ребенокъ, блѣдный, худой и болѣзненный. Задумчивые, лихорадочно горѣвшіе глаза ея, казалось, уже смотрѣли въ загробный міръ, а вся ея фигура дышала сознательной грустью и тоской существъ, которымъ суждено умереть въ молодыхъ годахъ.

Вдругъ Супрамати съ удивленіемъ увидѣлъ, какъ около дѣвочки появилась неясная фигура умершей и положила свою руку ей на голову.

Минуту спустя, дѣвочка подняла голову и сказала:

— Мама! У Мари столько незабудокъ, что не хватитъ даже мѣста помѣстить всего, что мы принесли съ собой. Позволь мнѣ сплести вѣнокъ и отнести его туда, къ стѣнѣ, на заброшенную могилку, на которой нѣтъ даже креста. Эту бѣдняжку, вѣроятно, никто не любитъ и не жалѣетъ.

Добрая женщина удивленно посмотрѣла на дочь и затѣмъ, кивнувъ въ знакъ согласія головой, сказала:

— Что же? Сплети вѣнокъ. Да не забудь помолиться за упокой души неизвѣстнаго.

Ребенокъ очень обрадовался и тотчасъ же принялся за работу. Изъ двухъ палочекъ дѣвочка сдѣлала крестъ, убрала его цвѣтами и сплела вѣнокъ. Затѣмъ, позвавъ сестру, она побѣжала къ одинокой и почти затерявшейся въ травѣ могилѣ самоубійцы. Здѣсь она воткнула въ могилу крестъ, положила вѣнокъ и опустилась на колѣни, а сестра послѣдовала ея примѣру.

— Помолимся, Лиза, за упокой души лежащаго здѣсь бѣднаго покойника! Да даруетъ Господь миръ его душѣ и блаженство въ раю! Мнѣ всегда жалко забытыхъ; они кажутся мнѣ несчастнѣе уличныхъ нищихъ. Тѣ могутъ, по крайней мѣрѣ, протягивать руку и умолять прохожихъ о жалости; мертвый не можетъ даже попросить для себя молитвы. Поэтому, долгъ всякаго подумать о немъ.

Сложивъ рученки, обѣ дѣвочки стали съ жаромъ молиться.

Подобно серебристымъ волнамъ понеслась изъ ихъ невинныхъ душъ молитва, заливая точно солнечнымъ свѣтомъ могилу и тѣнь самоубійцы, появившуюся у креста, убраннаго цвѣтами.

Весь флюидическій организмъ страждущаго духа дрожалъ и, казалось, расширялся подъ вліяніемъ этого горячаго порыва. Окружавшія его тѣни прояснились, а ледяная кора, облегавшая раздраженное сердце, полное ненависти и ропота, таяла и уступала мѣсто вѣрѣ и надеждѣ.

— Видишь ты дѣйствіе молитвы и ея могущество?—пробормоталъ Дахиръ.—Смотри, какъ страждущій духъ ободрился и стряхнулъ съ себя давившій его гнетъ; какъ потокъ жизни и силы этой невинной молитвы снова привелъ омраченную душу на путь восхожденія, въ которомъ она усумнилась; а это-то сомнѣніе въ божественной справедливости, вслѣдствіе несправедливости людской, и довело ее до самоубійства. Присоединимъ же наши молитвы къ молитвамъ этихъ дѣтей—невинныхъ орудій божественнаго милосердія, а затѣмъ пойдемъ дальше. Я еще многое хочу показать тебѣ здѣсь.

Затѣмъ, они снова полетѣли, но на этотъ разъ поднялись гораздо выше. Атмосфера сдѣлалась менѣе красной и болѣе прозрачной. Но здѣсь также царила лихорадочная дѣятельность и постоянное движеніе взадъ и впередъ.

Въ сѣровато-розовомъ пространствѣ, черезъ которое они пролетали, имъ встрѣчались: то громадные духи, мелькавшіе съ быстротой мысли и напоминавшіе своимъ видомъ гигантскихъ летучихъ мышей; то звѣздочки всевозможной величины и всѣхъ оттѣнковъ призмы; то сѣроватыя облака, въ которыхъ смутно вырисовывались человѣческія лица.

Очевидно, всѣ эти существа были заняты своимъ дѣломъ. Каждое изъ нихъ стремилось въ различномъ направленіи. Иногда они соединялись по нѣскольку вмѣстѣ, а иногда встрѣчался цѣлый рой духовъ, летѣвшихъ плотной массой.

— Мы встрѣчаемъ корпораціи духовъ подъ предводительствомъ своихъ главъ,—объяснилъ Дахиръ.

Нерѣдко широкій лучъ ослѣпительнаго свѣта отмѣчалъ полетъ высшаго духа, котораго всегда сопровождала значительная свита.

— Ты видишь этихъ небесныхъ гражданъ? Имъ дана какая-нибудь миссія. Но мы не станемъ искать знакомства съ ними. Къ чему намъ оно?—со смѣхомъ замѣтилъ Дахиръ.—Лучше отдадимъ визитъ двумъ великимъ духамъ: главѣ блуждающихъ духовъ и Эбнъ-Ари, царю лалвовъ. Это самыя интересныя мѣста.

V.

Человѣческій умъ не можетъ составить себѣ представленія о странныхъ и ужасныхъ тайнахъ, таящихся въ мірѣ, невидимомъ. Человѣкъ полагаетъ, что онъ все изслѣдовалъ въ окружающемъ его пространствѣ: опредѣлилъ разстоянія, измѣрилъ температуру, анализировалъ составъ веществъ; а между тѣмъ, его инструменты всюду находили пустоту, холодъ и мракъ...

Размышленія подобнаго рода толпились въ умѣ Супрамати, когда онъ, съ быстротой мысли, пролеталъ неизмѣримыя пространства, разно освѣщенныя и наполненныя лихорадочнымъ оживленіемъ новой жизни, дѣятельности и страстей—истиннымъ отраженіемъ человѣчества, населяющаго планету, которая крутится среди окутывающихъ ее атмосферныхъ слоевъ.

Дахиръ сказалъ ему, что они отправляются къ повелителю бродячихъ, злыхъ и несчастныхъ духовъ.

— Къ царю ада!—прибавилъ тотъ полусмѣясь, полусерьезно.

— А зачѣмъ мы летимъ туда?—спросилъ Супрамати, охваченный недовѣріемъ и тревожнымъ любопытствомъ.

— Затѣмъ, чтобы изучить зло, безъ котораго мы не можемъ дѣлать добро. Нельзя защищаться отъ неизвѣстной опасности. Именно *невѣжество* и обезоруживаетъ какъ человѣка, такъ и духа.—отвѣтилъ Дахиръ.

Затѣмъ, поднявъ свой жезлъ, онъ сталъ вращать его надъ головой, произнося какія-то кабалистическія слова. Черезъ нѣсколько минутъ, на концѣ жезла образовался фосфоресцирующій шаръ, похожій на клубокъ нитокъ. Дахиръ схватилъ его и сжалъ въ рукѣ. Супрамати почти тотчасъ же почувствовалъ, какъ ихъ подхватило какое-то теченіе и увлекло въ новомъ направленіи.

Скоро сѣровато-розовая атмосфера, по которой они до сихъ поръ летѣли, смѣнилась густымъ и тяжелымъ воздухомъ, насыщеннымъ острыми сѣрнистыми парами. Свистѣлъ бурный вѣтеръ, слышалось

громыханіе грозы, а окраска отражающаго пространство изъ желто-оранжевой переходила въ густую черную, изборожденную яркими молніями.

Затѣмъ, ихъ охватили порывы горячаго воздуха съ удушливымъ запахомъ крови и горѣлаго мяса. Теперь они летѣли въ густомъ дыму.

Вдругъ передъ ними появилось громадное пространство, освѣщенное пурпурнымъ свѣтомъ, точно заревомъ пожара, и на немъ гигантское воздушное сооруженіе, состоявшее будто изъ красноватаго пара, но до такой степени прозрачное, что сквозь него все было видно. Внутри раскинулся, казалось, громадный городъ. Большая огненная арка, на фронтонѣ которой двигались, дрожали и трещали странные и непонятные знаки, составляла входъ и была закрыта огненной же рѣшеткой, колебавшейся подобно занавѣси.

— Ну, какъ же мы войдемъ въ эту адскую крѣпость?—спросилъ Супрамати.

— Воспользовавшись предписанными средствами, которыя мы обязаны знать,—отвѣтилъ Дахиръ.

Онъ снова взялся за свой жезлъ и начерталъ имъ въ воздухѣ кабалистическую фигуру; въ то же время, словно смычкомъ, онъ коснулся струнъ какого-то невидимаго инструмента и при каждомъ движеніи его руки раздавались какіе то странные и пронзительные звуки. Закрывавшая входъ рѣшетка внезапно раздалась какъ завѣса и въ аркѣ появилось отвратительное и ужасное на видъ существо, при видѣ котораго Супрамати быстро откинулся назадъ, едва не потерявъ равновѣсія.

Исполинская фигура—не то человѣкъ, не то животное—преградила имъ путь. Мощное тѣло было черно, громадныя ноги оканчивались копытами, а на рукахъ великана виднѣлись крючковатые когти; длинный хвостъ волочился по землѣ. Красные рога выдавались надъ черноватымъ лицомъ, со звѣрскими чертами и выраженіемъ ненависти и жестокости. Огненный взглядъ чудовища грозилъ, казалось, уничтожить всякаго, кто къ нему приблизится. При каждомъ движеніи изъ него вылетали вспышки огня.

— Посмотри, Супрамати, на дракона, стерегущаго входъ въ адъ. Онъ представляетъ собою олицетвореніе безплотнаго зла: нечистыхъ страстей, скотскихъ инстинктовъ, неудовлетворенныхъ желаній, неутолимой зависти и ненасытной ненависти.

Этотъ стражъ на порогѣ адскихъ тайнъ является въ то же время символомъ страданій духа, лишеннаго матеріальнаго тѣла и жаждущаго чувственныхъ наслажденій.

За этой воздушной оградой находится лабораторія зла—главная квартира лукавыхъ и злыхъ несчастныхъ существъ, вѣчно терзаемыхъ жаждой мщенія.

Здѣсь собраны всѣ враги порядка, слѣпые, борящіеся грудь съ грудью съ великими, правящими міромъ законами и желающіе отомстить имъ за неизбѣжную необходимость очищать себя страданіемъ.

Вопреки очевидности, что только *гармонія* создаетъ и заключаетъ въ себѣ счастье, здоровье, плодородіе и изобиліе, эти враги мира, любви и добродѣтели всюду вносятъ съ собой кипящій въ нихъ адъ, терзающее ихъ отчаяніе, мучающее ихъ сомнѣніе, и горечь вѣчно пребывать на томъ же мѣстѣ. Они стараются вселить въ сердце человѣка самые нечистыя желанія, недовѣріе, культъ *не-бытія* и слѣпое отрицаніе. Видъ причиняемыхъ ими страданій доставляетъ имъ жестокое удовлетвореніе и даетъ временное забвеніе своего собственнаго отвратительнаго существованія.

— И такъ, мы, дѣйствительно, увидимъ настоящихъ демоновъ, существъ исключительно посвященныхъ злу? А я думалъ, что въ концѣ концовъ, все должно прогрессировать и придти къ добру,— замѣтилъ Супрамати.

— И ты правъ! Существа, посвященныя злу, которыхъ мы увидимъ,—дѣйствительно демоны, такъ какъ они пребываютъ въ своей низменности. Но въ тайникахъ ихъ омраченныхъ душъ постоянно таится стремленіе къ свѣту и желаніе вырваться изъ душащаго ихъ мрака. Но войдемъ! Мы еще вернемся къ этому вопросу.

Повинуясь повелѣнію знака, начертаннаго Дахиромъ, «грозный стражъ входа», отступилъ назадъ, и Супрамати, какъ во снѣ, зошелъ въ одинъ изъ тѣхъ странныхъ эфирныхъ городовъ, провидѣнныхъ нѣкогда Сведенборгомъ.

Городъ этотъ казался безпредѣльнымъ. Вдали воздушныя горы обрамляли горизонтъ: со всѣхъ сторонъ открывались пропасти, черныя и непроницаемыя. Весь пейзажъ носилъ невыразимо зловѣщій характеръ.

Затѣмъ, они вышли на громадную площадь. Клубы черныхъ тучъ, казалось, парили надъ ужасной бездной и тамъ, окруженный чернымъ дымомъ и снопами молніи, возсѣдалъ человѣкъ, котораго Супрамати видѣлъ уже во время вызыванія. Вокругъ него по всѣмъ направленіямъ волновались толпы духовъ, съ дрожью слушавшихъ начала зла, внушаемыя имъ здѣсь, и безошибочные рецепты для созданія безпорядка и вызова разрушенія.

При приближеніи гостей, мрачныя массы раздались, чтобы дать

имъ проходъ, а потомъ, по знаку своего повелителя, разсѣялись по всѣмъ направленіямъ.

— Привѣтъ тебѣ, Дахиръ, и тебѣ, Супрамати! Добро пожаловать. Садитесь и побесѣдуемъ, такъ какъ, несомнѣнно, ты для этого и привелъ сюда своего неофита,—съ благосклонной улыбкой сказалъ Сарміэль, дѣлая привѣтственный знакъ рукой.

Супрамати подумалъ въ глубинѣ души, что приглашеніе «сѣсть» было ни что иное, какъ пустая риторическая фраза, такъ какъ не видно было ни одного стула, а облако могло быть диваномъ весьма сомнительной прочности. Но, къ глубокому своему удивленію, Супрамати увидѣлъ, что Дахиръ весьма удобно усѣлся и, видя его колебаніе, громко расхохотался.

— Ты все забываешь, мой другъ, что мы потеряли вѣсъ и плотность тѣла. Поэтому насъ смѣло можетъ выдержать облако.

Смущенный Супрамати сѣлъ на большое облако, показавшееся ему осязаемымъ и эластичнымъ. Но все, что онъ видѣлъ и испыталъ, было до такой степени необыкновенно и невѣроятно, что онъ еще разъ спросилъ себя, не сошелъ-ли съ ума или не сдѣлался-ли жертвой ужаснаго кошмара.

Глумливый смѣхъ нарушилъ его мысли и Супрамати со страхомъ посмотрѣлъ на существо, бывшее воплощеніемъ великаго *зла*, невидимо и неуловимо сторожившее людей, чтобъ губить ихъ.

— Нѣтъ, нѣтъ!.. Ты не спишь, а настоящіе умалишенные были бы тѣ, кто захотѣлъ бы тебя лечить,—замѣтилъ Сарміэль.—А теперь говори, если хочешь что-нибудь спросить у меня?

— Да! Съ твоего разрѣшенія, я хотѣлъ бы спросить тебя, почему ты и твои подчиненные поставили цѣлью своего существованія *зло*? Почему всюду, гдѣ только возможно, вы создаете несогласіе и безпорядокъ? Какое удовольствіе могутъ доставлять вамъ страданія людей? Наконецъ, я хотѣлъ бы знать, зачѣмъ вы боретесь съ болѣе могущественными, чѣмъ вы, силами, управляющими вселенной? Зачѣмъ вы боретесь съ непоколебимыми законами, начертавшими путь духу сквозь всѣ царства природы, и цѣлью поставившіе совершенство?

— Ого! Сколько ты хочешь узнать! Но прежде, чѣмъ отвѣтить, позволь мнѣ предложить одинъ вопросъ, который тебѣ будетъ трудно разрѣшить. Зачѣмъ верховное могущество и совершенство создаетъ несовершенныя существа, заставляетъ ихъ подниматься отъ протоплазмы до архангела сквозь милліоны смертей, му-

читься инстинктами, зародыш которыхъ созданъ вмѣстѣ съ ними, и терзаться всѣми страданіями души и тѣла?

И къ чему стремятся они черезъ такую безконечную агонію? Къ *совершенству*, какъ высшему блаженству? Туманное обѣщаніе сомнительнаго счастья. Будто уже такъ желательньно достигнуть *гармоніи*, которая представляетъ, подъ маской безпристрастія и любви къ человѣчеству, ничто иное, какъ глубокое равнодушіе и черствый эгоизмъ.

Мы возстали противъ этихъ безпощадныхъ законовъ, которые обѣщаютъ далекія и неизвѣстныя радости, а предварительно осуждаютъ на нечеловѣческія муки несчастныя существа, неразрушимыя звенья одной безконечной цѣпи, созданныя несовершенными и рабами, для работы въ безконечности, которой верховная творческая сила правитъ самовластно.

А по какому праву? Все по тому же ужасному закону порабощенія слабаго сильнымъ. Безпомощнаго невѣжду всегда давитъ колесо того, кто умѣетъ управлять законами. Измученное человѣчество плачетъ отъ сознанія своего невѣжества, дрожитъ и изнываетъ: на землѣ—отъ страха смерти, постоянно угрожающей ему, подобно Дамоклову мечу, а въ пространствѣ подъ бичемъ искупленія.

Охваченные ужасомъ, люди протираютъ колѣнами каменныя плиты въ храмахъ, призывая невѣдомаго Бога, прося у него пощады и милосердія; а онъ съ насмѣшкой, полютѣе нашей, которую прозвали «сатанинской», отвѣчаетъ:—Живите по установленному Мною незыблемому закону. А законъ этотъ воспрещаетъ пользоваться вложенными мною въ ваши души инстинктами и свободное проявленіе этихъ инстинктовъ—преступленіе. Дисциплинируйте полученныя вами чувства, чтобы отъ нихъ осталось только то, что необходимо для всемірнаго движенія, толкающаго васъ впередъ, чтобы обратиться *въ небесную муку* изъ которой мѣсится первичная матерія.

— Что ты такъ удивленно на меня смотришь, Супрамати? Оглянись кругомъ и истина моихъ словъ бросится тебѣ въ глаза. Кто знаетъ Бога? Кому вѣдомо, что Онъ—такое? Обыкновенно говорятъ такъ: «это безконечно добрый, всемилосердный отецъ, прибѣжище всѣхъ страждущихъ, покровитель слабыхъ и обездоленныхъ, неусыпно пекущійся о счастьи своихъ твореній». Такова теорія.

А практика отвѣчаетъ:

«Во вселенной, *все*, что дышетъ—страдаетъ, и всякое доброе чувство жестоко отомщается на томъ же, въ комъ оно проявляется. Напримѣръ, любовь: кажется, это -самое чистое чувство человѣческаго сердца, а что даетъ она, кромѣ страданія? Жестокая и слѣпая смерть отнимаетъ самыхъ дорогихъ существъ: дѣтей и юношей: болѣзнь приковываетъ людей къ ложу страданій; капризная судьба бросаетъ въ нищету благороднѣйшихъ людей; злой рокъ преслѣдуетъ самыхъ чистыхъ и причиняетъ имъ всѣ мученія, какія только въ состояніи вынести несчастное человѣческое сердце. А зачѣмъ все это?

Чтобы ихъ очистить; чтобы испытать ихъ вѣру въ милосердіе Божіе... И чего только не придумано, чтобы испытать *вѣру* твореній?!

Какое жестокое глумленіе! Рядомъ съ пиромъ, приготовленнымъ для избранныхъ, помѣщаютъ обездоленныхъ и голодныхъ, позволяя имъ любоваться, съ голоднымъ желудкомъ, какъ пресыщаются другіе. Но горе имъ, если у нихъ явится мысль протянуть руку къ какой-нибудь коркѣ. На нихъ обрушивается огонь небесный, имъ кричатъ: «Не смѣй касаться того, что принадлежитъ ближнему! Тебя лишаютъ необходимаго, но для твоего же очищенія. Ты долженъ дохнуть съ голоду для испытанія твоей вѣры. Награда ждетъ тебя въ раю!»

Туманное обѣщаніе непонятнаго счастья, да еще въ мѣстѣ, которое такъ трудно найти на географической картѣ неба.

Сомнѣваться и роптать тоже преступно. Тщетно мрущій отъ всякаго рода лишеній голодный бѣднякъ, укравшій корку хлѣба и посаженный за это въ тюрьму, ломаетъ себѣ голову, чтобы понять: почему, разъ его создали съ желудкомъ, требующимъ пищи, будетъ преступленіемъ противъ Божества, если онъ возьметъ то, чего ему не даютъ для удовлетворенія этой необходимой потребности? почему, одни имѣютъ право обѣдать и ужинать, а онъ не имѣетъ права даже на черствую корку?

«Не разсуждай, а преклоняйся съ вѣрою и смиреніемъ передъ божественной мудростью, которая имѣетъ въ виду только твое благо»,—отвѣчаютъ ему.

Конечно, это очёнь утѣшительно, но не объясняетъ ровно ничего.

Такъ же загадочны и непонятны причины страданій нисшихъ существъ, правда, мало развитыхъ, но всетаки способныхъ чувствовать и понимать страданіе. Есть ли мѣра жестокости человѣка къ животнымъ? Существуетъ-ли казнь, которую человѣкъ для удовлетворенія своего обжорства, своей лѣни и своей мнимой, но пресловутой жажды знанія, не примѣнилъ бы къ этимъ беззащитнымъ существамъ, которыхъ не охраняетъ ни небо, ни адъ?

И всюду кипятъ, съ одной стороны ненависть людей къ давящей ихъ судьбѣ, а съ другой ненависть животныхъ къ людямъ, которые мучаютъ и убиваютъ ихъ. Какъ тѣ, такъ и другіе жаждутъ отомстить за перенесенныя ими несправедливости, и у черной магіи нѣтъ болѣе вѣрныхъ союзниковъ, какъ низшіе духи, которыхъ она вызываетъ и пускаетъ на человѣка.

При посредствѣ этой борьбы, вызванной ненавистной злобой, мы надѣемся, въ концѣ концовъ, побѣдить силы, порабощающія насъ, осуждающія на трудъ и страданіе, бросая намъ, какъ милостыню, клочья знанія. Нѣтъ, мы хотимъ знать *все*, проникнуть въ управленіе творчествомъ и овладѣть ключемъ тайны: почему *совершенство* можетъ создавать только существа *не* совершенныя, осужденныя какимъ-то неизвѣстнымъ закономъ лишь черезъ тысячу смертей, страданій и лишеній снова пріобрѣсть право занять мѣсто у очага совершенства?

— Ты провѣдуешь только зло, возмущеніе и страданіе, а между тѣмъ, въ первый разъ, когда явился мнѣ, ты сказалъ, что благодаря тебѣ и твоимъ подчиненнымъ предупреждена не одна катастрофа, не одно преступленіе, и что человѣчество не знаетъ вашей работы для блага воплощенныхъ. Объясни же мнѣ это противорѣчіе!—замѣтилъ Супрамати.

Горькая насмѣшка сверкнула въ глазахъ страшнаго демона.

Противорѣчіе это—только кажущееся, такъ какъ я уже сказалъ тебѣ, что въ сердцахъ моихъ подданныхъ звучитъ столько же *добра*, сколько и *зла*. Эта-то постоянно возрождающаяся неувѣренность, эта борьба двухъ инстинктовъ и есть одно изъ дарованныхъ намъ мученій. А почему бы намъ не покровительствовать воплощеннымъ и не предупреждать катастрофы? Кто самъ страдаетъ, тотъ сочувствуетъ страданіямъ другихъ, особенно же если этихъ «другихъ» мы знаемъ и любимъ. Нечего опасаться, что намъ будутъ надоѣдать благодарностью; но ты найдешь вполнѣ естественнымъ, что мы преимущественно покровительствуемъ тѣмъ, чьи желанія страстнѣй, кто смѣлѣй во злѣ и болѣе озлобленъ; такъ какъ для нашей арміи нужны такіе, которыхъ жизнь раздавила или задушила въ своихъ когтяхъ, и которые были достаточно незаслуженно мучимы и презираемы, чтобы получить полнѣйшее отвращеніе ко всякимъ великодушнымъ порывамъ и стремленію къ небу. То, что вы зовете «добродѣтелью», «христіанскимъ смиреніемъ» и т. д., словомъ все, что безропотно сноситъ несправедливость и гоненія, да поетъ еще за это-же «аллилуйя!» мы зовемъ гнусной трусостью и она не почитается ни на землѣ, ни у насъ...

Въ доказательство этой аксіомы можно привести массу примѣровъ. Дѣти любящихъ матерей, которыя жертвуютъ собой для ихъ воспитанія, умираютъ, калѣчатся или гибнутъ нравственно; дѣти же искательницъ приключеній, безсовѣстныхъ матерей, бросающихъ своихъ дѣтей на руки чужихъ—процвѣтаютъ, выростаютъ и приносятъ имъ радость и честь.

Точно такъ же честная, умная и скромная женщина прозябаетъ въ тѣни и одиночествѣ, тогда какъ жрица любви,—этотъ ночной шакалъ, бродящій вокругъ семьи, чтобы погубить ее,—разряженная и почитаемая, красуется въ первомъ ряду.

Порокъ всегда торжествуетъ: онъ неуязвимъ въ своемъ эгоистическомъ самодовольствѣ. Отвѣтственными за него всегда являются невинные.

Напримѣръ, развратничаютъ родители, а наказаніе постигаетъ дѣтей, родившихся отъ незаконной любви; на нихъ обрушивается все негодованіе оскорбленной добродѣтели. Несчастныхъ дѣтей, неудобныхъ свидѣтелей позора, осмѣливающихся еще имѣть какія-то права, презираютъ, душатъ, топятъ или отдаютъ на «выкормку», либо въ жестокія руки администраціи воспитательныхъ домовъ, гдѣ тоже спѣшатъ отъ нихъ избавиться, осуждая эти маленькія, беззащитныя жертвы на двѣ послѣдовательныя смерти: на *смертъ духа* въ пространствѣ, которое онъ покидаетъ, чтобы войти въ матерію, и на *смерть тѣлесную*. Оба эти перехода одинаково тягостны и безцѣльны при подобныхъ условіяхъ. Отцы же и матери погибшихъ остаются недосягаемы: посѣщаютъ общество и громче всѣхъ говорятъ объ общей безнравственности, а снисходительный свѣтъ даже закрываетъ глаза на ихъ слабости.

Убійство, говорятъ, есть одно изъ величайшихъ преступленій. Почему же тогда избіеніе тысячей невинныхъ остается безнаказаннымъ? Земля, говорятъ такъ же, дана людямъ для воплощенія, перенесенія назначенныхъ испытаній и совершенствованія. Такъ почему же столько существъ отбрасывается въ невидимый міръ, не будучи въ состояніи выполнить этого назначенія, страждующіе, переполненные жизненнымъ, безполезнымъ для нихъ флюидомъ? А между тѣмъ, насъ увѣряютъ, будто ничто не творится напрасно, что каждый атомъ есть необходимое звено великаго «*все*». Но очевидно эта странная аномалія никого не касается и никто не спѣшитъ ее исправить.

Это—«испытаніе для родителей и дѣтей»,—увѣряютъ наши противники. Не наше дѣло возражать имъ, такъ какъ именно эти испытанія, да неудавшіяся воплощенія и пополняютъ наши ряды наиболѣе озлобленными. И оно понятно! Покинутые небомъ, они ищутъ помощи у ада.

А законный защитникъ обиженныхъ гдѣ-то далеко... онъ всегда отсутствуетъ, когда надо остановить какую нибудь неправду и оградить невиннаго... Поэтому, люди Его и не боятся. Они прекрасно знаютъ, что могутъ грѣшить безнаказанно и потѣшаться надъ болванами, жертвующими пріятной дѣйствительностью настоящаго—смутной надеждѣ на неизвѣстное будущее.

Пока Супрамати молча слушалъ, въ его душѣ происходила странная реакція и горькія, тягостныя воспоминанія толпой возстали въ его умѣ. Онъ вспомнилъ незаслуженныя несчастія, обрушившіяся на его родителей, гибель состоянія, бывшую первой причиной смерти отца, и болѣзнь, которая быстро свела мать въ могилу. Передъ нимъ снова возстала его тяжелая трудовая жизнь и масса мелкихъ лишеній, которыя онъ терпѣлъ, чтобы только окружить обожаемую мать покоемъ и комфортомъ; но, не смотря на все это, онъ никогда не имѣлъ возможности приступить къ радикальному и дорого стоящему леченію, какое было ей необходимо.

Однажды—онъ тогда только что окончилъ курсъ—ему предложили сопровождать на югъ богатаго больного, желавшаго имѣть при себѣ доктора. Ему было тяжело разстаться съ матерью, которая была очень слаба; но онъ принялъ предложеніе, чтобы достать лишнія деньги и приступить затѣмъ къ спеціальному леченію своей драгоцѣнной больной—леченію очень дорогому, но отъ котораго онъ ждалъ самыхъ хорошихъ результатовъ.

Онъ еще и теперь вздрогнулъ отъ негодованія, при воспоминаніи о всей скукѣ и о презрительномъ, неделикатномъ обращеніи, которое заставлялъ его выносить этотъ человѣкъ, чванившійся своимъ туго набитымъ карманомъ, и вся жизнь котораго прошла въ кутежахъ и во всевозможныхъ удовольствіяхъ. Человѣкъ этотъ никого искренно не любилъ, никогда не страдалъ, не трудился, ничѣмъ не жертвовалъ, не пролилъ ни одной слезы участія и не облегчилъ несчастнаго; лишь самыя пошлыя и гадкія желанія руководили имъ въ жизни. И за этимъ-то живымъ, отвратительнымъ трупомъ ухаживали, льстили ему и берегли, какъ какую-то драгоцѣнность! А все это дѣлалось исключительно только ради его золота.

Онъ же, вся жизнь котораго была сплошнымъ трудомъ и самоотреченіемъ, лишенъ былъ возможности помѣшать угасанію лучшей изъ матерей, самой чистой и добродѣтельной изъ женщинъ, только потому, что у него не было хоть немного того же самаго золота, которое бросалось горстями для продленія на нѣсколько дней безполезнаго существованія стараго развратника...

Супрамати яростно сжалъ кулаки. Все возмущеніе противъ безсилія неба и несправедливости, царившей въ мірѣ, нѣкогда волновавшее его душу, снова возстало изъ пропасти, куда время погрузило его.

Пронзительный смѣхъ нарушилъ размышленія Супрамати. Онъ поднялъ голову и встрѣтилъ пылающій и насмѣшливый взглядъ Сарміэля.

— Да, да! Бѣдный, чахоточный докторъ, проливавшій горькія слезы на преждевременной могилѣ своей матери, тоже былъ изъ нашихъ,—насмѣшливо сказалъ Сарміэль.—Безсмертный же и богачъ, полный эгоистичнаго самодовольства, ничего не боящійся, ни нищеты, ни смерти, и жаждущій вѣнца маговъ,—отдѣленъ отъ насъ бездной. Ты пришелъ сюда изучать зло, чтобы побѣдить насъ нашимъ же оружіемъ. Но все равно! Мы устояли и противъ тѣхъ, кто много сильнѣй тебя. Теперь я безъ всякаго колебанія отвѣчу на твой вопросъ: почему мы боремся съ силами, которыя могущественнѣй насъ?

Потому, что мы доведены до отчаянія. Мы не можемъ разсчитывать на создавшаго насъ невѣдомаго владыку. Въ немъ нѣтъ милосердія къ своимъ созданіямъ,—только равнодушіе слѣпого фатума, подобно какой-то адской машинѣ, влекущаго неизвѣстно куда, обезумѣвшее человѣчество, сердце и умъ котораго всюду наталкивается на необъяснимое. «Почему?!»—въ отчаяніи кричитъ родъ людской. Но всюду ему встрѣчается молчаніе, а непроницаемая тайна окутываетъ прошлое, настоящее и будущее всего творенія. Въ безконечности вращаются міры и существа, не зная пути, по которому они слѣдуютъ.

Одно только очевидно: нами управляютъ двѣ ужасныя силы. Одна изъ нихъ толкаетъ насъ впередъ; другая—останавливаетъ и задерживаетъ наше возвращеніе къ центральному очагу. Попавъ между двумя этими силами, мы безпомощно бьемся и становимся арміей демоновъ, осаждающихъ міры.

Гармоничныя сферы намъ не отвѣчаютъ; ну, можетъ быть, въ безпорядкѣ хаоса увидимъ мы конечную цѣль пляски жизни и

овладѣемъ ключемъ къ загадкѣ, прежде чѣмъ переступить свѣтлоогненную преграду, скрывающую отъ насъ величайшія тайны бытія. Эта твердыня можетъ быть недоступна, и всѣ наши усилія будутъ вознаграждены новымъ закономъ: насъ оцѣпитъ армія свѣтлыхъ атомовъ, армія мудрости, добродѣтели, безграничнаго могущества и всевозможныхъ красотъ совершенства, а мы будемъ плѣнниками за этими сіяющими стѣнами, которыя навсегда отдѣлятъ насъ отъ міра, съ которымъ мы связаны всѣми фибрами сердца.

Уста архангеловъ сомкнуты великою печатью тайнъ; молчаніе — ихъ сила. Но кто поручится намъ, не сожалѣютъ ли эти свѣтлыя существа, что они отбросили и побѣдили всѣ слабости, волнующія несовершенное человѣческое сердце? Ясная, но пустая душа *совершеннаго* существа, вѣроятно, разучивается плакать, любить, радоваться и жалѣть тѣхъ, кто страдаетъ. Равнодушнымъ взоромъ смотритъ онъ на тяжелыя испытанія тѣхъ, кого нѣкогда любилъ. Его ничто не интересуетъ, кромѣ качества исходящаго изъ него свѣта и блаженства безконечнаго покоя. Впрочемъ, все это одни только предположенія...

Но, если намъ трудно проникнуть въ окружающія насъ тайны, то мы можемъ попытаться остановить восходящее движеніе духовъ. Кто знаетъ, что произойдетъ, если мы окажемся тяжелѣй на вѣсахъ равновѣсія, а число «избранныхъ» будетъ все уменьшаться? Какая буря разыграется тогда? Какія перемѣны возникнутъ изъ такого измѣненія порядка вещей? Кто, въ концѣ концовъ, будетъ владѣть вселенной? Кто можетъ сказать это?!!

Глаза великаго духа зла горѣли зловѣщимъ огнемъ. Кипѣвшій въ его душѣ хаосъ и волновавшія, бурныя страсти, отражались на его искаженномъ лицѣ.

Со страхомъ и ужасомъ смотрѣлъ Супрамати на ослѣпленное, но отважное существо, осмѣливавшееся вступить въ неравную борьбу съ великими законами порядка и гармоніи, которыя онъ хотѣлъ ниспровергнуть при помощи повиновавшихся ему легіоновъ ослѣпленныхъ низшихъ духовъ. Вѣрилъ ли онъ, дѣйствительно, въ возможность побѣды? Надѣялся ли остановить вѣчное движеніе? Нѣтъ, это было невозможно! Разрушительная сила зла могла уничтожить планету, даже сжечь цѣлую систему, но великій двигатель вселенной ускользалъ отъ этихъ слѣпцовъ. Какъ они не могутъ убить духа, такъ точно не могутъ и остановить теченіе звѣздъ или ниспровергнуть невѣдомый ареопагъ, скрывавшійся за оградой свѣта.

недоступной для нихъ, такъ какъ сами воодушевляющія ихъ чувства преграждаютъ имъ доступъ.

Подобно вредоносному туману, плаваютъ легіоны зла въ атмосферѣ, разнося съ собой ненависть, несчастія и болѣзнь. То, что Супрамати слышалъ, могъ произнести одинъ только адъ! Адъ одинъ могъ ставить ужасныя «почему», на которыя человѣкъ не находитъ ни отвѣта, ни объясненія и которыя наполняютъ его душу желчью и ропотомъ.

Мрачный, съ нахмуренными бровями смотрѣлъ Дахиръ въ растилавшуюся у его ногъ пропасть, Супрамати же выпрямился и, бросившись впередъ, вскричалъ:

— Бѣжимъ изъ этого ужаснаго мѣста тьмы и возмущенія! Я, кажется, сойду съ ума въ этой атмосферѣ адской мудрости!

Сарміэль разразился смѣхомъ, отъ котораго содрогнулось, казалось, небо.

— Ты хочешь бѣжать? А куда-жъ ты убѣжишь? Куда ты спрячешься отъ горькихъ истинъ, которыя я высказалъ? Вмѣсто того, чтобы бѣжать отъ зла, научись лучше управлять имъ; не для того, чтобы побѣждать его, но чтобы обратить его въ союзника противъ добра, чтобы избѣгнуть ненавистной и жестокой силы, толкающей тебя впередъ. Если ты ослабѣешь, а твоя глупая душа будетъ искать свѣта, тебя за волосы потащутъ по лѣстницѣ небеснаго восхожденія, каждая ступень которой измучаетъ твое тѣло сердце, душу, и архангелы приведутъ тебя, окровавленнаго и истерзаннаго, къ подножію трона Предвѣчнаго.

Исполинская рука страшнаго демона вытянулась, указывая вдали на что-то невидимое.

— Тамъ, посреди сотней милліоновъ млечныхъ путей, царитъ Божество. Но въ этой небесной тюрьмѣ ты обратишься въ какую-то пружину, не болѣе, въ лишній электрическій проводъ творческой машины, сохранивъ изъ твоей индивидуальности лишь самосознаніе: ты перестанешь ненавидѣть и любить, а будешь всецѣло принадлежать всемірному круговращенію, «совершенный» и «счастливый», такъ какъ въ тебѣ ничего не останется, кромѣ громадной пустоты, которая замѣнитъ твое умершее сердце...

Не слушая далѣе, Супрамати бросился впередъ и Дахиръ послѣдовалъ за нимъ, поддерживая его. А за ними несся демонскій смѣхъ звонкій, насмѣшливый, ужасный, потрясавшій каждый фибръ существа.

Дахиръ! — вскричалъ Супрамати, задыхаясь и не владѣя

собой.—Неужели—правда все, что онъ говорилъ? Неужели правда, что *безсмертіе*, это—вѣчное страданіе, вѣчныя испытанія, вѣчная смерть, смерть въ различныхъ видахъ? Дѣйствительно, только адъ способенъ изобрѣсти дьявольскій планъ останавливать души на полу-пути и заставлять ихъ уклоняться отъ прогресса, неба и свѣта: но правда и то, что я, какъ слѣпой, стремлюсь къ неизвѣстному и что это неизвѣстное развертывается передо мной въ безконечность. Мало-по-малу, я освобождаюсь отъ всѣхъ чувствъ, которыя мнѣ дороги и къ которымъ я привыкъ, чтобы сдѣлаться—*чѣмъ*?—крикнулъ онъ и умолкъ, испугавшись своего собственнаго голоса, жалобнаго, болѣзненнаго и дрожавшаго, какъ оборванная струна.

— Успокойся!—сказалъ Дахиръ.—Не давай ослѣплять себя сомнѣнію,—самому ужасному врагу человѣка. Вызвали его лукавыя рѣчи Сарміэля и оно съ такой силой тобой овладѣло, что если бы двери неба отверзлись передъ тобой, ты, пожалуй, отступилъ бы отъ нихъ, сомнѣваясь въ свѣтѣ, который видишь. Нельзя позволять себѣ такъ увлекаться!

Все, что онъ говорилъ, правда, но только освѣщено съ ложной точки зрѣнія. Онъ не хочетъ допустить, что для души,—разъ она безсмертна,—было бы ужасно оставаться неподвижно на одномъ мѣстѣ цѣлую вѣчность, и что превращенія, сколь они не тяжелы, имѣютъ неизбѣжную великую цѣль.

Презираемая Сарміэлемъ перспектива сдѣлаться одной изъ двигающихъ пружинъ совершенства должна служить однако идеаломъ, чтобы къ нему стремился всякій духъ. Отдѣлаться навсегда отъ грызущаго сомнѣнія, отъ мелочныхъ чувствъ и отъ нечистыхъ побужденій, чтобы обнять все человѣчество въ одномъ чувствѣ чистой, спокойной любви, лишенной всякой личной выгоды, должно быть счастьемъ гораздо болѣе высокимъ, чѣмъ всѣ наши несовершенныя земныя утѣхи. Кромѣ того, развѣ ты считаешь за ничто свѣтлое чувство удовлетвореннаго сознанія, что ты достигъ полноты знанія и понимаешь происхожденіе и цѣль всего сущаго? Нѣтъ, нѣтъ! Небо стоитъ того, чтобы его достичь.

Точно такъ же, чтобы постичь и побѣдить зло, необходимо изучить его.

Послѣ того, что тебѣ говорилъ Сарміэль, ты долженъ ясно видѣть, почему легіоны зла такъ многочисленны и такъ могущественны.

Всѣ эти смущенные сомнѣніемъ духи, видящіе въ страданіи

не испытаніе, а несправедливость, надѣются черезъ распространеніе зла остановить неизбѣжное стремленіе къ совершенству другихъ.

Чтобы побѣдить эти полчища слѣпыхъ, мы должны изучать *зло*: не для того, чтобы пользоваться имъ для возмущенія противъ незыблемыхъ законовъ, а для того, чтобы подняться къ свѣту, который все таки, не смотря на всѣ препятствія, влечетъ насъ къ себѣ, какъ пламя притягиваетъ бабочку.

Мы созданы изъ свѣта и вновь сдѣлаемся свѣтомъ. Никакая тьма не можетъ смѣшаться съ исконнымъ началомъ совершенной чистоты. Всякая грязь можетъ пристать къ ней, но настанетъ часъ—и эта кора спадетъ, превратится въ прахъ, а изнутри заблеститъ ослѣпительный свѣтъ, который представляетъ сущность нашего существа, вѣчное наслѣдіе нашего небеснаго отечества. И въ это отечество мы вернемся, не смотря на всѣ мытарства безконечнаго пути черезъ всѣ царства природы: не смотря на всѣ перенесенныя страданія и огорченія, чтобы наслаждаться засимъ миромъ и совершенной гармоніей.

Пронзительный свистъ и яростный порывъ вѣтра перебили Дахира.

Черное облако ураганомъ прорѣзало воздухъ, и передъ ними появился зловѣщій Сарміэль. Все его существо дрожало и изъ него, какъ изъ кратера вулкана, исходили пламя, клубы дыма и снопы искръ.

— Убаюкивай его и себя лживыми надеждами!—насмѣшливо прогремѣлъ духъ тьмы.—Не даромъ сказано: «Блаженны нищіе духомъ, такъ какъ ихъ есть царствіе небесное».

— Не кощунствуй, гордый и ослѣпленный духъ!—сурово сказалъ Дахиръ.—Ты—великъ и могучъ своимъ знаніемъ и велико твое царство! Презрѣнная толпа кишитъ у твоихъ ногъ, всевозможныя преступленія таятся подъ твоими крыльями и безконеченъ списокъ разрушеній и жертвъ, которыми ты усѣялъ міръ; а между тѣмъ, сколько времени ты возсѣдаешь здѣсь, не добившись побѣды! Тщетно твоя армія яростно борется съ небомъ, ты ни на шагъ не подвинулся къ центру высшаго свѣта, такъ какъ мракъ проникнуть туда не можетъ.

Ты мучаешь созданія Божія, думая огорчить его, а между тѣмъ, ты самъ страдаешь отъ неудовлетворенности всѣхъ твоихъ желаній.

Ты кощунствуешь и презираешь міръ, совершенную гармонію и

ясный покой сознанія исполненнаго долга. А отчего же тогда, твое омертвѣлое сердце, терзаемое сомнѣніями и лишенное надежды, не удовлетворено? Этого ты отрицать не можешь: не смотря на свое невѣжество, я вижу это сквозь твою броню. Не смотря на все твое возмущеніе, ты—тоже твореніе Господа, созданъ изъ того же божественнаго свѣта и всѣми фибрами своего существа жаждешь мира—этого, можетъ быть, главнаго двигателя, побуждающаго все человѣчество подниматься по узкой и крутой лѣстницѣ совершенства, въ надеждѣ когда-нибудь насладиться невыразимымъ блаженствомъ покоя.

Лицо демона какъ-то странно исказилось: съ его губъ сорвался зловѣщій и раздирающій, какъ рыданіе, крикъ, и онъ на минуту опустилъ голову. Но почти тотчасъ же онъ выпрямился, мрачный, грозный и исполненный ненависти. Потрясая сжатымъ кулакомъ, онъ вскричалъ:

— Ну, такъ что же! Когда меня утомитъ зло, не подвигающее меня впередъ, когда я пресыщусь этимъ самымъ зломъ, я обрушусь на эту огненную стѣну, и во что бы то ни стало, проникну за ея предѣлы, чтобы узнать, что тамъ дѣлается.

— Ты будешь не первый смѣльчакъ, проникнувшій за священную стѣну. Но видѣлъ ли ты когда-нибудь хоть одного вернувшагося оттуда, чтобы сообщить смертнымъ, что происходитъ въ таинственной оградѣ? Кто можетъ сказать, не такъ же ли длинна дорога къ вершинѣ тамъ, какъ и здѣсь, внизу?

Мрачный и пылающій взглядъ демона точно приросъ къ блѣдному, но рѣшительному лицу Дахира.

— Я думаю, что мы одинаково далеки отъ конечной цѣли!.. прогремѣлъ онъ.

— Можетъ быть. Только ты предполагаешь это изъ гордости, а я потому, что мнѣ подсказываетъ это мой простой и скромный разумъ,—отвѣтилъ Дахиръ.

Сарміэль ничего не отвѣтилъ. Фигура его расплылась въ гигантскую черную тучу, а затѣмъ исчезла въ пространствѣ, не оставивъ послѣ себя слѣда.

Дахиръ схватилъ руку своего спутника — и они полетѣли впередъ.

VI.

Стараясь вернуть себѣ душевное равновѣсіе и успокоить бурныя бушевавшія въ его умѣ мысли, Супрамати сначала не обращалъ вниманія на окружающее; но, затѣмъ, замѣтилъ, что вокругъ нихъ разстилается сѣроватое, туманное пространство. Точно сквозь завѣсу видѣлъ онъ небо, усѣянное звѣздами, но только звѣзды казались гораздо большихъ размѣровъ, чѣмъ ихъ видно съ земли.

— Дахиръ! Проведи меня на какую-нибудь другую планету посмотрѣть, что тамъ дѣлается? Такъ же ли порочны и невѣжественны тамъ люди, такъ же ли они жадны до наслажденій, какъ и на нашей противной землѣ, или тамъ царитъ больше гармоніи и мудрости.

— На это я не имѣю права,—отвѣтилъ Дахиръ.—Эбрамаръ же располагаетъ силой и необходимымъ знаніемъ для такой экскурсіи. Когда мы сдѣлаемся его учениками (а я надѣюсь, что это будетъ скоро, конечно, относительно), онъ, вѣроятно, посѣтитъ съ нами низшіе міры, гдѣ мы будемъ казаться ангелами, а также міры мудрые и дисциплинированные, гдѣ мы почувствуемъ себя очень ничтожными. Впрочемъ, отчасти я исполню твое желаніе и свожу тебя въ очень оригинальный міръ, а именно: въ резиденцію Эбнъ-Ари.

Супрамати расхохотался.

— Царь ларвовъ имѣетъ свою особую резиденцію? Развѣ его подданные живутъ вмѣстѣ съ нимъ?

— Именно! Ты самъ увидишь, что въ пространствѣ существуютъ для вредныхъ и опасныхъ существъ такія же тюрьмы, какъ и у насъ.

— Такъ ты мнѣ хочешь показать одну изъ такихъ тюремъ?

— Да. Это маленькая умершая планета нашей системы. Она очень близка къ землѣ, но темна и невидима для насъ. Въ пространствѣ, видишь ли, ничто не пропадаетъ и угасшіе міры,

которые ничего уже не производятъ, служатъ, пока еще не распались, мѣстомъ пребыванія для духовъ, злоупотребляющихъ своей свободой.

— Развѣ этотъ міръ безплоденъ?

— Несомнѣнно. Тамъ не существуетъ больше ни растительной, ни животной жизни. Человѣкъ не можетъ тамъ жить вслѣдствіе неблагопріятныхъ условій: сильнаго холода, вредныхъ газовъ и т. д. Разложеніе происходитъ медленно, пока заключительный взрывъ не разсѣетъ ея частицъ. А до этой катастрофы, покинутая планета служитъ царствомъ для Эбнъ-Ари и его подданныхъ—отвратительныхъ ларвовъ. Эти зловредныя существа, высасывающія жизненную силу у воплощенныхъ, становятся подъ конецъ слишкомъ тяжелыми, чтобы подняться въ пространство. Амфибіи обоихъ міровъ, міра духовъ, и міра живыхъ,—они невидимо таскаются по землѣ, сѣя повсюду смерть и ужасныя болѣзни души.

Надъ этими вредными тварями учрежденъ строгій и бдительный надзоръ. Чтобы они не заполонили землю, ихъ, въ большинствѣ случаевъ, собираютъ въ одно мѣсто. Но это мѣсто должно быть прочно: какъ камень, брошенный въ воду, не можетъ подняться на ея поверхность, такъ и духъ, отдѣленный отъ матеріальнаго тѣла, но насыщенный грубыми флюидами, не можетъ подняться въ пространство, а снова падаетъ на землю. Только будучи лишены условій, связывающихъ ихъ съ земной жизнью, и источника питанія, который представляютъ для нихъ живые люди, они волей-неволей должны отказаться отъ своихъ смертоносныхъ занятій.

Покинутая планета отвѣчаетъ всѣмъ желаемымъ условіямъ. Поэтому, когда умираетъ тѣлесно подобное ларвическое существо, которое современемъ дѣлается вампиромъ, его схватываютъ и водворяютъ въ этотъ мірокъ, предназначенный для ихъ спеціальнаго пребыванія, пока они не очистятся на столько, чтобъ вернуться въ обычныя условія.

Я знаю, что существованіе подобныхъ существъ люди отрицаютъ и насмѣхаются надъ легковѣріемъ умалишенныхъ, будто бы, простаковъ, вѣрящихъ въ «вампировъ», «ларвовъ», «суккубовъ» и «инкубовъ». Ну такъ что же? Самый наглый смѣхъ и самое упрямое невѣріе безсильны противъ факта, и во всѣ времена существовали фантастическіе разсказы, которые ученые называли «самовнушенными галлюцинаціями», но которые представляются ничѣмъ инымъ, какъ продѣлками вампировъ. Оккультныя убійства, оставившія осязаемые слѣды, не смотря на очевидность, отрицаются изъ боязни показаться смѣшнымъ.

— Ты правъ! Я самъ, не смотря на свою любовь къ оккультнымъ наукамъ, считалъ эти разсказы за легенды, основанныя на легковѣріи мало развитыхъ людей. Теперь я понимаю, что занятія, которыя считалъ за серьезныя, были совершенно пустыми.

— Да, нѣтъ болѣе упорнаго невѣжества, какъ «ученое самомнѣніе», воображающее, что оно все изслѣдовало. Но смотри! Мы приближаемся къ цѣли нашего путешествія. Видишь ты тотъ громадный черный контуръ? Это трупъ того мірка—нашего сосѣда, существованія котораго наши астрономы даже не подозрѣваютъ. Но прежде, чѣмъ проникнуть въ его атмосферу, необходимо подкрѣпиться, такъ какъ намъ понадобятся наши силы.

Дахиръ вынулъ изъ-за пояса два флакона, изъ которыхъ одинъ далъ Супрамати, и тотъ залпомъ опорожнилъ его. Жидкость показалась ему горячей, но отличалась пріятнымъ вкусомъ: живительная теплота пробѣжала по его членамъ, наполнивъ ихъ силой и энергіей; но, почти тотчасъ же, у него сдѣлалось головокруженіе и ему почудилось, будто его подхватилъ вихрь и со свистомъ стремительно увлекъ куда-то.

Затѣмъ, ему казалось, что онъ куда-то падаетъ, точно притягиваемый могучимъ токомъ. Горячіе, густые и зловонные пары окружили его. Потомъ это оцѣпенѣніе и полубезсознательное состояніе разсѣялись, уступивъ мѣсто другому ощущенію.

Ему представилось, что онъ стоитъ у окна поѣзда-молніи и смотритъ на неясныя очертанія предметовъ и странные виды, разстилавшіеся передъ нимъ, то въ бѣлесоватомъ, то въ красномъ, то даже въ темно-фіолетовомъ полусвѣтѣ.

Вдругъ онъ почувствовалъ такой неожиданный толчекъ, что зажмурился, и движеніе остановилось.

Супрамати со вздохомъ открылъ глаза. Не проснулся ли онъ отъ фантастическаго сна? Не очнется ли онъ, наконецъ, отъ галлюцинаціи сумасшествія? Неужели возможно въ дѣйствительности все то, что онъ перевидѣлъ, перечувствовалъ и переиспыталъ? Не очутится ли онъ снова въ своей скромной лондонской комнатѣ, а солнечные лучи, пробиваясь сквозь оконныя занавѣски, заиграютъ на цвѣтахъ ковра и на золоченой рамкѣ портрета его родителей?..

Голосъ Дахира разсѣялъ его грезы.

— Очнись же! Вотъ мы и на мѣстѣ!

Супрамати выпрямился и съ любопытствомъ оглянулся кругомъ.

Онъ стоялъ на ступеняхъ лѣстницы, сдѣланныхъ изъ чернаго камня, похожаго на базальтъ. По обѣ стороны лѣстницы были лѣп-

ныя. колѣнопреклоненныя фигуры, которыя въ поднятыхъ рукахъ держали что-то вродѣ факеловъ. Вокругъ разстилались развалины гигантскаго храма или заброшеннаго дворца.

Виднѣлись галлереи. поддерживаемыя колоннами съ яркими эмалированными надписями. Но эта архитектура и орнаменты имѣли какой-то странный и незнакомый характеръ: онъ никогда не видалъ ничего похожаго на это. Кромѣ того, кроваво-красный цвѣтъ атмосферы придавалъ еще болѣе странности общему впечатлѣнію.

— Гдѣ мы?—спросилъ Супрамати.

— Во дворцѣ Эбнъ-Ари. Его сейчасъ нѣтъ дома, но мы можемъ войти и подождать хозяина,—съ улыбкой отвѣтилъ Дахиръ.— Ни одна ларва не обезпокоитъ насъ. Входъ сюда имъ запрещенъ, такъ какъ здѣсь отдыхаетъ послѣ утомительныхъ трудовъ ихъ страшный владыка.

Они поднялись по лѣстницѣ, прошли длинную галлерею, огибавшую зданіе, и остановились передъ массивной черной дверью, блестѣвшей, какъ стекло, на которой были вырѣзаны фигуры животныхъ и растеній.

Дахиръ толкнулъ дверь, которая тотчасъ же открылась и они вошли въ громадную залу, съ очень своеобразнымъ потолкомъ въ видѣ купола. Кругомъ шелъ рядъ толстыхъ преземистыхъ колоннъ, съ богатою рѣзьбой, окрашенныхъ въ яркіе цвѣта. Между колоннами стояли большія вазы, въ которыхъ пылало фіолетовое, зеленое и желтое пламя.

Эти различные цвѣта, сливаясь, наполняли залу страннымъ и блѣднымъ свѣтомъ.

Въ глубинѣ залы, на эстрадѣ въ нѣсколько ступеней, стояло нѣчто въ родѣ трона, сдѣланнаго изъ чернаго камня, а на спинкѣ его сидѣли двѣ птицы, похожія на орловъ, распустивъ крылья надъ трономъ, въ видѣ балдахина.

Среди залы, на высокомъ цоколѣ, былъ утвержденъ большой бѣлоснѣжный крестъ, окруженный, какъ ореоломъ, голубоватой блестящей дымкой. Въ нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга были разставлены каменныя скамейки.

Боковая дверь вела въ другую залу, столь же обширную и мрачную, но роскошно обставленную. Кроваво-красный свѣтъ, заливавшій ее точно заревомъ пожара, придавалъ ей какой-то особенно зловѣщій видъ.

Изъ этой второй залы дверь вела на терассу, у подножія которой, теряясь вдали, разстилался громадный садъ. Листва огромныхъ деревьевъ была густая и черно-зеленая; покрытые цвѣтами кусты образовывали группы; далеко виднѣлось озеро съ гладкою, сверкающей поверхностью, а немного ближе съ синихъ скалъ, цвѣта индиго, низвергался пѣнистый водопадъ. Но царившая всюду мертвая тишина представляла рѣзкій контрастъ съ этимъ полнымъ жизни видомъ. Не шевелился ни одинъ листокъ, не доносилось ни малѣйшаго звука со стороны водопада. Супрамати уже открылъ было ротъ, чтобы предложить вопросъ своему спутнику, какъ вдругъ, среди кустовъ на небольшой лужайкѣ онъ замѣтилъ нѣсколько человѣческихъ фигуръ и, почти бѣгомъ, направился къ нимъ.

Но такъ же быстро онъ и остановился, съ удивленіемъ смотря на молодую, красивую женщину, неподвижно стоявшую въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него. Она, казалось, застыла въ вихрѣ танца. Рука ея была поднята надъ головой, одна изъ ногъ не касалась земли, тонкая туника обернулась вокругъ тѣла отъ быстроты движенія и распущенные волосы развѣвались по вѣтру, а между тѣмъ, она не шевелилась. Глаза ея были широко открыты и улыбка замерла на устахъ.

Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ этой женщины, двѣнадцать молодыхъ дѣвушекъ держались за руки, какъ бы собираясь водить хороводъ, но онѣ были такъ же неподвижны, какъ и первая.

— Дахиръ! Что все это значитъ? Откуда эта мертвая тишина и эта неподвижность какъ въ природѣ, такъ и у этихъ танцовщицъ, которыя обратились точно въ статуи?

— Ты говоришь правду! Все, что ты здѣсь видишь—окаменѣло. Дотронься до листа, куста, цвѣтка или до волосъ этой женщины и ты увидишь, что все твердо, какъ камень.

Убѣдившись въ истинѣ словъ своего спутника, Супрамати сказалъ убѣжденно:

— Но здѣсь положительно все искусственное! Какое странное и, въ то же время, какое совершенное искусство! Кто сумѣлъ придать всѣмъ этимъ произведеніямъ такой жизненный видъ? Даже краски отличаются необыкновенной свѣжестью и естественностью, а между тѣмъ, все это камень! Только я не могу понять, что за цѣль всей этой артистической работы?

Дахиръ вздохнулъ. Грустнымъ взглядомъ обвелъ онъ зловѣщую картину, окружавшую ихъ.

— То, что ты видишь, не произведеніе искусства, а представляетъ результатъ ужасной катастрофы, которая много, много

вѣковъ тому назадъ разразилась въ этомъ несчастномъ мірѣ и превратила его въ планетный трупъ.

Внезапный взрывъ разрушительныхъ газовъ до такой степени отравилъ атмосферу, что живущіе люди, животныя, растенія—все сразу задохлось и кристаллизовалось, сохранивъ весь природный видъ жизни, движенія, позы и выраженія той минуты, когда явилась смерть и мгновенно превратила ихъ въ статуи. Здѣсь ты находишься въ своего рода Помпеѣ, которая, однако, гораздо болѣе удивительна, чѣмъ наша земная, такъ какъ здѣсь все сохранилось, обратившись въ камень. Дотронься до падающей воды каскада: она тоже сдѣлалась плотной кристаллизованной массой подъ вліяніемъ смертоносныхъ вѣяній, уничтожившихъ на этой планетѣ тепло, движеніе и свѣтъ; такъ какъ густые, окружающіе ее пары поглощаютъ солнечные лучи, создавая красноватый, блѣдный свѣтъ, который ты видишь.

— Какъ эта планета похожа на нашу землю!

— Она составлена изъ такихъ же основныхъ частей. Это—клочекъ, оторвавшійся отъ космической массы, образовавшей и нашу планету; одни и тѣ же фаланги духовъ поперемѣнно обитали на обоихъ сосѣднихъ мірахъ. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что за исключеніемъ нѣкоторой незначительной разницы въ подробностяхъ, здѣсь царили такіе же міросозерцанія, нравы и обычаи. Цивилизація шла здѣсь такимъ же путемъ, и даже религіозныя идеи всегда переходили съ одной планеты на другую. А затѣмъ, какъ видишь, уничтоженіе жизни на этой планетѣ не разбило соединяющихъ узъ, и наша земля отсылаетъ сюда свое строптивое флюидическое населеніе. Но пойдемъ дальше и осмотримъ сначала дворецъ, бывшую царскую резиденцію; потомъ я свожу тебя въ городъ, населенный теперь ларвами.

Онѣмѣвъ отъ волненія, Супрамати послѣдовалъ за своимъ проводникомъ, который, очевидно, отлично зналъ топографію мѣста.

Они прошли аллею, обрамленную деревьями и цвѣтниками, окружавшими дворецъ, и скоро очутились передъ длинной, открытой галлереей, къ которой вело нѣсколько ступеней. Галлерея эта была полна народа.

Слуги съ блюдами, амфорами и корзинами съ фруктами въ рукахъ недвижимо замерли въ своемъ озабоченномъ бѣгѣ; но все производило впечатлѣніе такой захватывающей жизненности, что Супрамати, когда онъ проходилъ около этихъ спѣшившихъ слугъ, показалось, что одинъ изъ нихъ даже будто толкнулъ его, впопыхахъ.

Широкая арка, охраняемая двумя часовыми, вела въ залу пиршества, освѣщенную зловѣщимъ кровавымъ свѣтомъ, который проникалъ черезъ громадныя, открытыя окна. Въ залѣ въ два ряда тянулись длинные столы, за которыми возлежали пирующіе мужчины и женщины, костюмы которыхъ представляли смѣсь египетскихъ, греческихъ и ассирійскихъ модъ.

Съ внутреннею дрожью шелъ Супрамати вдоль этихъ столовъ, смотря на неподвижныя лица, на которыхъ замерло выраженіе той минуты, когда ихъ неожиданно поразила смерть.

Въ глубинѣ залы, на эстрадѣ, господствуя надъ всѣмъ собраніемъ, стоялъ небольшой столъ, вокругъ котораго сидѣло всего шесть человѣкъ. По срединѣ, въ креслѣ съ высокой спинкой, возсѣдалъ молодой человѣкъ съ тонкими, правильными чертами надменнаго лица. На головѣ у него было надѣто что-то вродѣ тіары, заканчивавшейся птицей съ распущенными крыльями. Руки и шея его были украшены чудными драгоцѣнностями, а въ поднятой рукѣ онъ держалъ кубокъ, который готовился наполнить одинъ изъ виночерпіевъ, стоявшихъ за царемъ.

Гордая и самодовольная усмѣшка освѣщала его лицо, а полуоткрытыя уста несомнѣнно говорили, когда вѣяніе смерти навсегда ихъ сомкнуло.

Затуманившимся отъ волненія взоромъ смотрѣлъ Супрамати на эту залу пиршества, ставшую кладбищемъ, и на эту разряженную, радостную и оживленную толпу, представлявшую изъ себя теперь однѣ только каменныя статуи. Какое ужасное memento mori бренности человѣка.

— Пойдемъ!—сказалъ Дахиръ, беря Супрамати за руку.—Здѣсь только остатки внезапно угасшей цивилизаціи; въ городѣ же ты увидишь ларвовъ, вампировъ и все то населеніе, которое жаждетъ реальной жизни, а должно прозябать въ этомъ кристаллизованномъ мірѣ.

— Какъ ужасно здѣсь, среди этой мертвой тишины, въ этомъ обществѣ мертвыхъ, да еще при этомъ красномъ свѣтѣ!

— О! Ларвы и вампиры—тоже умершіе. Но идемъ! Красавцы-воины, дежурящіе здѣсь у царскаго стола и охраняющіе двери, не помѣшаютъ намъ выйти отсюда.

Съ дрожью ужаса проходилъ Супрамати мимо вооруженныхъ статуй, окружавшихъ тронъ или выстроенныхъ по широкой лѣстницѣ, которая вела изъ смежной залы на большой дворъ, загроможденный всевозможными колесницами и носилками.

Чья-то осѣдланная лошадь, съ развивающимися гривой и хвостомъ, взвилась на дыбы, еле сдерживаемая конюхомъ. Чудное животное могло бы служить великолѣпною моделью для скульптора. У самой лѣстницы остановились носилки: молодая, красивая женщина, въ роскошномъ, богатомъ костюмѣ, выходила изъ нихъ и, повернувъ головку, казалось, отдавала какое-то приказаніе внимательно и почтительно стоявшему передъ ней служителю.

— Какое подавляющее зрѣлище! Мы не безъ труда проберемся черезъ эту массу,—замѣтилъ Супрамати.—Какое же здѣсь праздновалось торжество? Кто были всѣ эти могущественные, богатые и покрытые, вѣроятно, славой люди, которые въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ стоятъ здѣсь неподвижно, среди своихъ почтительныхъ слугъ, превращенные въ камень могучимъ и таинственнымъ вѣяніемъ, уничтожившимъ ихъ жизнь, величіе и могущество? Какимъ ничтожнымъ, невѣжественнымъ и слѣпымъ чувствуешь себя передъ грандіознымъ ужасомъ подобныхъ катастрофъ!

— Да, мы очень мало знаемъ изъ того, что дѣлается вокругъ насъ въ природѣ и далеки отъ пониманія законовъ, правящихъ нами.—отвѣтилъ Дахиръ.

Продолжая разговаривать, они прошли одинъ дворъ, затѣмъ другой, такой же обширный, и вышли на широкую набережную, тянувшуюся вдоль рѣки, покрытой судами всевозможныхъ видовъ и размѣровъ, большая часть которыхъ была убрана цвѣтами. На спускѣ къ рѣкѣ толпились пассажиры.

На противоположномъ берегу рѣки раскинулся городъ, прорѣзанный широкими улицами, обрамленными изящными и обширными домами. Орнаментовка и роскошное убранство зданій указывали на высокую уже цивилизацію.

Здѣсь, какъ и всюду, виднѣлось многочисленное населеніе, неожиданно захваченное среди своихъ дѣлъ и удовольствій. Но среди человѣческихъ статуй двигались и живыя существа, съ искаженными страстями лицами, скотскимъ и страдальческимъ выраженіемъ, безстыдно выставляя обнаженныя тѣла, покрытыя отвратительными язвами.

— Видишь ты этихъ мужчинъ и женщинъ, всѣхъ возрастовъ, которые такъ ужасно загрязнили свое духовное тѣло? Они, какъ и прежде, полны неутолимыхъ желаній: они отталкиваютъ очищеніе черезъ страданіе, какъ *единственное* спасеніе, могущее вырвать ихъ изъ того ужаснаго положенія, въ которое поставило ихъ разлученіе съ плотскимъ тѣломъ, и которое сдѣлало изъ нихъ отще-

пенцевъ обоихъ міровъ, причемъ они не могутъ вполнѣ слиться ни съ однимъ.

Ихъ пребываніе здѣсь — жестокая казнь, особенно же для тѣхъ, которые были оторваны отъ пріятнаго занятія высасыванія жизненной силы у воплощенныхъ, или прилипанья къ какому-нибудь индивидууму, чтобы, при помощи его органовъ, наслаждаться плотскими ощущеніями.

Эбнъ-Ари со своими служащими сотнями приводятъ сюда эти отвратительныя и вредныя существа, которыя въ ярости и отчаяніи бродятъ среди окружающихъ ихъ искушеній. Всѣ ихъ чувства возбуждаются видомъ столовъ, загроможденныхъ кушаньями, и столькихъ мужчинъ и женщинъ, въ полномъ расцвѣтѣ молодости и красоты. Однимъ словомъ, нѣтъ страсти, которая не нашла бы здѣсь предмета для своего раздраженія: а между тѣмъ, здѣсь все—мертво! Ни малѣйшее дуновеніе жизни не пахнетъ тутъ для удовлетворенія возбужденной жажды наслажденій. Страшно богохульствуя, существа справляютъ между собой отвратительныя оргіи и предаются въ этой тишинѣ и мракѣ самымъ мерзкимъ страстямъ.

— Городъ, кажется, имѣлъ очень большое населеніе?—замѣтилъ Супрамати, съ гадливостью смотря на вампирическіе призраки, бродившіе вокругъ людскихъ статуй.

— Несомнѣнно! И не въ одномъ этомъ городѣ, но и во многихъ другихъ на континентѣ и на всемъ этомъ шарѣ погибло все живущее,—со вздохомъ отвѣтилъ Дахиръ.

— Но идемъ!—прибавилъ онъ.—Я хочу показать тебѣ еще одно мѣсто, зловѣщій и грандіозный видъ котораго оставилъ во мнѣ неизгладимое впечатлѣніе еще съ перваго раза, когда я былъ здѣсь.

Тяжело дыша въ этой атмосферѣ, не обитаемой для всякаго другого существа, живущаго въ обыкновенныхъ условіяхъ, Супрамати послѣдовалъ за своимъ другомъ. Они прошли нѣсколько улицъ и поднялись на высокій холмъ, на вершинѣ котораго высилось громадное зданіе; массивные контуры и тяжелыя колонны рѣзко вырисовывались на красномъ фонѣ атмосферы.

Надъ громаднымъ куполомъ стояла гигантская крылатая фигура, задрапированная въ тунику. Въ одной рукѣ она высоко держала большой крестъ, а въ другой поднесла къ губамъ трубу. На головѣ у нея была надѣта корона и каждый зубецъ ея отливалъ разноцвѣтнымъ пламенемъ, подобно блуждающему огоньку. Всѣ эти огни прыгали, двигались и горѣли, какъ фейерверкъ, на головѣ

статуи, образуя вокругъ нея странный ореолъ, который волшебно вырисовывался въ темно-кровавомъ небѣ.

— Что это такое?—спросилъ Супрамати.

— Это—статуя ангела Божія, призывающаго людей къ молитвѣ и показывающаго имъ символъ вѣчности, который *всюду* одинъ и тотъ же. Прежде, какъ мнѣ разсказывали, изъ этой трубы, во время совершенія богослуженія, слышался замѣчательно красивый и гармоничный гимнъ, такъ какъ искусно сдѣланный механизмъ приводилъ въ движеніе инструменты, похожіе на органы. Теперь—разсказывалъ мнѣ однажды Эбнъ-Ари,—между ларвами ходитъ легенда, гласящая, что въ часъ окончательнаго разрушенія планеты труба ангела снова прозвучитъ и все окаменѣвшее населеніе, а также вся природа оживутъ, и что только при финальной катастрофѣ все дѣйствительно умретъ. Легенда утверждаетъ, что весь этотъ окаменѣвшій народъ есть страшный памятникъ гнѣва Божьяго, наказавшаго такимъ образомъ людей, истощившихъ терпѣніе и милосердіе Господа своими злодѣяніями, презрѣніемъ всѣхъ Бого-человѣческихъ законовъ и братоубійственными войнами.

Продолжая разговаривать, они поднялись по высокой монументальной лѣстницѣ, высѣченной изъ камня, похожаго на порфиръ, но гораздо болѣе краснаго и прозрачнаго. По обѣимъ сторонамъ лѣстницы виднѣлись нищіе, калѣки и продавцы, вѣроятно, священныхъ предметовъ; но Супрамати не обратилъ на нихъ никакого вниманія, до такой степени взволновалъ и поглотилъ все его вниманіе видъ убогой толпы, протягивавшей руку прохожимъ, и навѣки прикованной къ мѣсту. Несмотря на все, что онъ уже видѣлъ, впечатлѣніе было такъ подавляюще, что сердце Супрамати усиленно билось, когда онъ вошелъ въ широко открытыя двери храма, погруженнаго въ багряный сумракъ.

Несмотря на зловѣщій полусвѣтъ, Супрамати могъ ясно различить всѣ подробности того, что его окружало.

Эмальированные яркими цвѣтами пилястры поддерживали сводъ, а между колоннами стояла неподвижная толпа молящихся. Нѣсколько ступеней вело въ святилище, по обѣ стороны котораго стояли пѣвцы и пѣвицы, держа въ рукахъ свои инструменты; пальцы ихъ казалось, блуждали по струнамъ, а губы были полуоткрыты. Разрушительное вѣяніе, принесшее смерть, промчалось такъ быстро, что не дало даже времени сомкнуться устамъ.

Передъ входомъ въ святилище стояла высокая и величественная фигура совершавшаго богослуженіе священника. Длинная сѣдая

борода падала ему на грудь, одежды его сверкали драгоцѣнными камнями, а обѣ руки были торжественно молитвенно подняты. За нимъ, въ глубинѣ святилища, смутно виднѣлся золоченый крестъ и подсвѣчникъ о семи рожкахъ.

Вдругъ, среди статуй священнослужителей и во мракѣ святилища Супрамати замѣтилъ какія то странныя существа, которыя двигались и переходили съ мѣста на мѣсто. Съ дрожью ужаса, онъ узналъ вампирическихъ духовъ, которые сидѣли или лежали на каменныхъ плитахъ и глухо стонали.

— Что это значитъ? Что они дѣлаютъ?—спросилъ испуганный Супрамати.

— Они пришли искать помощи и облегченія въ этомъ мѣстѣ, посвященномъ божеству. Здѣсь сохранился, или запечатлѣлся на густой атмосферѣ, чистый, благотворный флюидъ молитвы, вѣры и порыва къ Создателю; поэтому сюда и приходятъ тѣ несчастные, измученные постигшей ихъ карой, которые жаждутъ обновленія. Видъ креста—символа вѣчности и искупленія черезъ страданіе,—возрождаетъ въ ихъ омраченныхъ душахъ желаніе сбросить съ себя душащую ихъ грязь и вернуться на путь исправленія, труда и восхожденія,—отвѣтилъ Дахиръ, осѣняя себя крестомъ.

Супрамати послѣдовалъ его примѣру, и понеслась ихъ горячая молитва за изнемогающихъ здѣсь несчастныхъ, моля Создателя помочь имъ и поддержать ихъ на трудномъ и тернистомъ пути освобожденія.

Взоръ взволнованнаго Супрамати на минуту точно приросъ къ вдохновленному лицу священника, изъ полуоткрытыхъ губъ котораго шла очевидно молитва—благословеніе собравшейся толпы,—и сердце его забилось чувствомъ невыразимой жалости и почтенія. Каково же было могущество чистыхъ силъ, вызванныхъ здѣсь, если даже слѣдъ ихъ до сей поры сохранился какъ возрождающій источникъ, проливающій жизнь, силу и надежду среди этого умершаго и окоченѣвшаго міра!?

Супрамати преклонилъ колѣна и долго молился. Затѣмъ, поднявшись на ноги, онъ сталъ просить своего спутника покинуть злосчастную планету, видъ которой страшно угнеталъ его.

— Твое желаніе не особенно любезно по отношенію здѣшняго хозяина. Развѣ можемъ мы уѣхать не повидавшись съ Эбнъ-Ари! Кромѣ того, намъ еще нужно исполнить нашъ долгъ, а именно: навѣстить нашихъ братьевъ *безсмертныхъ*, адептовъ элексира жизни, которые ожидаютъ здѣсь своего освобожденія пу-

темъ смерти или перемѣщенія на другой формирующійся міръ,—
съ улыбкой замѣтилъ Дахиръ.

Супрамати страшно поблѣднѣлъ и отступилъ назадъ.

— Великій Боже! Здѣсь есть безсмертные?—сказалъ онъ,
сжавъ голову руками.—Здѣсь есть несчастные, пережившіе гибель
своей планеты? Есть *живые* среди этихъ развалинъ и труповъ!..
Но, вѣдь, ихъ мученія въ тысячу разъ больше, чѣмъ казнь стра-
ждущихъ духовъ, заключенныхъ здѣсь! Чѣмъ же они живутъ
здѣсь? Вѣдь это ужасно!..

— Своимъ знаніемъ, мой другъ, и находящейся въ ихъ
распоряженіи первоначальной матеріей. Повторяю тебѣ, что съ на-
шей стороны было бы крайне нелюбезно пренебречь ихъ обще-
ствомъ на этой планетѣ.

— Несомнѣнно! Идемъ же! Могъ ли бы я даже подумать
уйти отсюда, не повидавшись, если зналъ бы о ихъ присутствіи
здѣсь?—нетерпѣливо перебилъ его Супрамати.—Идемъ же скорѣй
къ нимъ! Но скажи мнѣ, Дахиръ: знаютъ ларвы, что тутъ есть
живые люди?

— Для нихъ это вовсе не интересно, такъ какъ попасть къ
безсмертнымъ ларвы все равно не могутъ.

Они вышли изъ храма и направились къ окраинамъ города.
Проходя по какому-то большому саду, Супрамати споткнулся.
Наклонившись, онъ увидѣлъ, что то былъ трупъ двухъ или
самое большое, трехъ мѣсячнаго ребенка, котораго мать,
вѣроятно, положила на траву, такъ какъ въ нѣсколькихъ шагахъ
отъ него стояла женщина съ развернутымъ бѣльемъ въ рукахъ,
готовясь завернуть въ него очаровательнаго крошку съ курчавой
головкой.

— Дахиръ! Можно что-нибудь унести съ собой отсюда на
память, напримѣръ, хоть этого ребенка, котораго я положилъ бы
на своемъ письменномъ столѣ въ качествѣ прессъ-папье? Это слу-
жило бы мнѣ доказательствомъ, что я не грезилъ, не сходилъ съ
ума и не былъ жертвой невѣроятной галлюцинаціи.

— Отчего же нѣтъ! Насколько мнѣ извѣстно, это не запре-
щено, и я охотно приготовлю тебѣ почтеннаго мальчугана такъ,
чтобы ты могъ взять его съ собой. Прежде всего, его необхо-
димо отдѣлить отъ земли электрическимъ токомъ; а затѣмъ, на
время, освободить его отъ тяжести и плотности. Но пойдемъ и
навѣстимъ прежде нашихъ братьевъ «круглаго стола вѣчности».

— А много ихъ здѣсь? Почему же ларвы и другіе нечистые
духи не могутъ проникнуть къ нимъ?—спросилъ Супрамати.

— Потому что это уже очистившіеся люди, а знаніе воору-
жило ихъ могуществомъ, достаточнымъ для того, чтобы держать
на почтительномъ разстояніи такихъ вредныхъ животныхъ. Что же
касается числа безсмертныхъ, то оно, понятно, очень ограничено
и уже не увеличивается, хотя и состоитъ изъ обоихъ половъ.
Происходитъ это оттого, что рожденій среди нихъ не можетъ
быть, въ виду тѣхъ исключительныхъ условій, въ которыхъ они
находятся. Впрочемъ, и они сами не желаютъ ихъ.

Выйдя изъ города, Дахиръ начерталъ въ воздухѣ жезломъ
какой-то кабалистическій знакъ. Тотчасъ же оба они поднялись на
воздухъ и полетѣли, хотя тяжело и медленно, къ цѣпи горъ, вид-
нѣвшихся на горизонтѣ.

Тамъ, казалось, собралась масса густыхъ и бѣловатыхъ обла-
ковъ. Когда они приблизились, то эта облачная масса оказалась
еще болѣе плотной и произвела на Супрамати впечатлѣніе стѣны,
окружавшей громадную долину.

— Это—дѣйствительная, хотя и флюидическая ограда владѣ-
ній братства безсмертныхъ,—замѣтилъ Дахиръ, когда оба они
проносились сквозь туманную стѣну.

За этой оградой развернулся совершенно иной міръ. Зеленѣющая
долина была обрамлена скалами; воздухъ здѣсь былъ чистъ, а
вмѣсто бывшаго повсюду кроваво-краснаго освѣщенія здѣсь струился
блѣдный, но ясный свѣтъ. На одной изъ возвышенностей стояло
большое и массивное зданіе, окруженное высокими, толстыми стѣнами.

— Вотъ и крѣпость нашихъ братьевъ,—сказалъ Дахиръ,
останавливаясь передъ запертыми воротами.

И онъ начерталъ въ воздухѣ кабалистическій знакъ, очевидно,
изображавшій какое-то слово на языкѣ, общемъ всѣмъ *посвящен-
нымъ*, даже находящимся на другой планетѣ.

Дверь открылась, и путники вошли въ длинную сводчатую
галлерею, у входа въ которую ихъ встрѣтилъ старикъ, но такой
свѣжій и сильный, что казался юношей. Онъ обмѣнялся съ Дахи-
ромъ привѣтствіемъ, пожалъ руку Супрамати и провелъ ихъ въ
залу, гдѣ собралось человѣкъ съ двѣнадцать различнаго возраста.
Всѣ были высоки ростомъ, красивы и съ зеленоватыми, блестящими
глазами.

Они окружили вновь прибывшихъ и, къ крайнему своему
удивленію, Супрамати убѣдился, что понимаетъ, если не все, то

большую часть того, о чемъ они толковали. Языкъ на которомъ говорили безсмертные, походилъ на санскритскій, но былъ болѣе разработанъ и богатъ выраженіями.

Дахиръ заявилъ, что привелъ съ собой безсмертнаго брата, проходящаго первую степень посвященія, который никакъ не можетъ понять, какъ они живутъ въ этомъ мертвомъ мірѣ.

— Я ему сказалъ, что вы живете здѣсь, благодаря вашему знанію. Если бы кто нибудь изъ васъ согласился быть его проводникомъ и показалъ бы ему ваши владѣнія, которыя такъ интересуютъ моего пріятеля, я былъ бы глубоко признателенъ. Я могъ бы остаться поговорить съ вами, пока товарищъ убѣдится въ тѣхъ чудесахъ, какія можетъ создать знаніе даже въ умершемъ мірѣ.

Одинъ молодой человѣкъ, съ грустнымъ и мечтательнымъ взоромъ, тотчасъ же отдѣлился отъ группы и, подойдя къ Супрамати, сказалъ ему съ улыбкой:

— Не желаешь ли, братъ мой, пойти со мной? Я съ удовольствіемъ буду служить тебѣ проводникомъ!

Супрамати съ благодарностью принялъ предложеніе.

Они прошли нѣсколько залъ и спустились въ садъ. Проводникъ показалъ Супрамати тщательно обработанныя поля, которыя, казалось, тянулись до самой границы скалъ, обрамлявшихъ долину. Далѣе же ничего не было видно, кромѣ густыхъ облаковъ, которыя, подобно стѣнамъ, выступали на горизонтѣ и терялись въ сѣроватомъ небѣ.

Здѣсь всюду царила жизнь. Виднѣлись деревья, плоды, цвѣты, птицы, чирикавшія въ листвѣ, стада, мирно пасшіяся на травѣ, и вода, съ грохотомъ ниспадавшая со скалъ. Вдали сверкала гладкая поверхность большого озера. Только голубого неба, да живительныхъ лучей солнца не хватало этой мирной и веселой картинѣ.

Внимательно все разсматривая, Супрамати бесѣдовалъ со спутникомъ, стараясь приспособиться къ его языку, который понималъ только отчасти; въ этомъ случаѣ ему помогло его знаніе санскритскаго языка. Скоро оба они могли свободно объясняться и Супрамати спросилъ, какимъ образомъ они избѣжали общей катастрофы, и какъ имъ удалось оживить этотъ уголокъ?

Проводникъ вздохнулъ.

— Ты вызываешь грустныя воспоминанія, но я понимаю твое законное любопытство и постараюсь удовлетворить его, разсказавъ тебѣ то, чему я самъ былъ свидѣтелемъ. Прежде всего

я долженъ сказать, что намъ было извѣстно приближеніе катастрофы...

Видя удивленіе Супрамати, онъ прибавилъ съ улыбкой:

— Мы были бы очень жалкими учеными, если бы не предвидѣли подобнаго бѣдствія. Но намъ было невозможно ни предупредить, ни отвратить его.

Итакъ, нашимъ магамъ было извѣстно, что должно случиться. Такое нарушеніе равновѣсія атмосферы, какое случилось здѣсь, всегда влечетъ за собой мгновенную смерть и кристаллизацію всей поверхности планеты. Внутреній жаръ улетучивается, какъ воздухъ изъ проткнутаго мѣха, а шаръ планеты окутывается такимъ толстымъ слоемъ газовъ и паровъ, что солнечные лучи не могутъ пробить его. Итакъ, смерть нашей планеты была неизбѣжна; но *мы*, безсмертные, не могли умереть, а потому и должны были обезопасить себѣ убѣжище, гдѣ могли бы существовать,—живымъ оазисомъ среди этого планетнаго трупа. Для достиженія этой цѣли у насъ въ распоряженіи находилась первоначальная матерія элексира жизни, какъ вы ее называете. Подъ руководствомъ нашихъ маговъ, мы оросили животворной эссенціей землю долины, вспрыснули ее растеніямъ и подмѣшали къ корму животныхъ; словомъ, мы создали неразрушимое, но ограниченное мѣсто, въ предѣлахъ котораго могли очищать атмосферу и поддерживать условія, необходимыя для сноснаго существованія. Сдѣлавъ все это, мы живемъ здѣсь совершенно особой жизнью, всецѣло отдавшись наукѣ и терпѣливо ожидая минуты нашего освобожденія, разъ уже судьба осудила насъ не только жить, но даже пережить планету, на которой мы родились.

Невольная дрожь пробѣжала по тѣлу Супрамати; весь ужасъ такого безконечнаго существованія, на какое онъ тоже безумно осудилъ себя, съ новой силой овладѣлъ имъ. Отеревъ дрожащей рукой выступившій на лбу потъ, онъ тихо замѣтилъ:

— Да, ваша участь ужасна! Но еще ужаснѣе присутствовать при подобныхъ катастрофахъ и переживать ихъ. Если воспоминаніе не будетъ для тебя слишкомъ тяжелымъ, разскажи мнѣ свои ощущенія въ минуту ужаснаго бѣдствія, и то, что ты перечувствовалъ послѣ, когда очутился въ потемкахъ, на этой умершей землѣ? Мнѣ кажется невыносимой казнью—не быть въ состояніи выйти за предѣлы ограды этой долины, гдѣ наука поддерживаетъ еще призрачную жизнь безъ того, чтобы не очутиться во мракѣ, не натолкнуться на тысячи труповъ и не слышать стоны и богохульства

отвратительныхъ и предательскихъ существъ, для которыхъ этотъ «планетный трупъ», какъ ты его называешь, служитъ темницей.

Спутникъ Супрамати сначала ничего не отвѣтилъ и молча поднялся по ступенькамъ большого павильона, обрамленнаго деревьями, близь котораго они находились въ данную минуту. Большая, открытая зала была обнесена баллюстрадой. Безсмертный пустынникъ облокотился на перила и указавъ на растилавшуюся передъ ними картину, глухо сказалъ:

— Это правда! Длинная жизнь тяжела; но тѣмъ не менѣе не слѣдуетъ ее дѣлать еще тягостнѣе, придавая ей трагическій, отчаянный оттѣнокъ.

Мы пользуемся завиднымъ комфортомъ. Окружающая насъ природа прекрасна, несмотря на всю свою странность; развалины прошлаго, собранныя за предѣлами нашей долины, есть неизбѣжный результатъ времени, которое уничтожаетъ *все*, правда, медленнѣе, чѣмъ иные катастрофы, но зато не менѣе вѣрно. Наконецъ, передъ нами разстилается громадное поле для научныхъ занятій и изслѣдованій, а за работой забывается все остальное. Повѣрь, мой братъ, что истинный міръ человѣка заключается въ немъ самомъ и что отъ него самого зависитъ создать себѣ рай или адъ.

Супрамати молча прислонился къ одной изъ колоннъ, поддерживавшихъ крышу павильона, и задумчиво смотрѣлъ на картину, тонувшую въ блѣдномъ и призрачномъ свѣтѣ, придававшемъ всѣмъ предметамъ замѣчательно нѣжный тонъ.

Передъ ними разстилалось большое озеро, окруженное пышной растительностью. На зеркальной поверхности его, не волнуемой ни малѣйшимъ вѣяніемъ вѣтра, медленно плавали большія птицы съ длинной шеей и хохлами на головѣ, похожія отчасти на павлина, отчасти на лебедя; были онѣ бѣлыя, и черныя, и пурпурныя, и даже синія, какъ сапфиръ, съ золотымъ хохломъ, словно живые драгоцѣнные камни.

Лишь царившая всюду мертвая тишина налагала на эту прекрасную природу печать таинственности и грусти.

Супрамати повернулся и сталъ осматривать открытую бесѣдку, гдѣ они находились. Она была обширна, окружена цвѣтами и зеленью, уставлена столиками и удобными креслами. Нѣкоторые изъ столовъ были завалены книгами и манускриптами.

— Ты видишь, мой братъ, что мы пользуемся полными удобствами,—сказалъ проводникъ Супрамати. — Сядемъ же здѣсь! Я исполню твое желаніе и разскажу тебѣ мои впечатлѣнія во время

катастрофы. Признаюсь тебѣ, что эти воспоминанія очень тяжелы для меня, но твое любопытство такъ законно, что я считаю своимъ долгомъ удовлетворить его.

Я уже говорилъ, что мы предвидѣли неизбѣжную катастрофу, но намъ не было извѣстно точно время ея наступленія. По различнымъ симптомамъ, по частичнымъ пертурбаціямъ атмосферы было дознано, что роковая минута приближается и для наступленія ея былъ назначенъ семилѣтній срокъ, по истеченіи котораго, — мы знали,—все будетъ кончено.

Всѣ наши приготовленія были готовы, но насъ давили грусть и страхъ. Мы глубоко жалѣли тысячи существъ, полныхъ беззаботнаго легкомыслія, смѣявшихся надъ всѣми предупрежденіями и предсказаніями, обреченныхъ на гибель. Въ то время я считалъ уже за собой нѣсколько вѣковъ и не имѣлъ больше прямого родства, но среди обитателей города у меня были друзья и знакомые. Имъ-то я и пытался внушать молитву и раскаяніе, чтобы страшный переходъ засталъ ихъ очищенными и приготовленными. Проповѣдь моя успѣха не имѣла, такъ какъ оффиціальные ученые удостовѣряли, что все было въ порядкѣ, что ничто въ природѣ не предвѣщало гибели и что *пророки* несчастья были просто смѣшны.

Угрожающіе признаки, однако, все увеличивались, возвѣщая намъ, что началось разложеніе атмосферы, которое должно было развить смертельные газы. Послѣднія недѣли ознаменовались удивительными скачками температуры: страшный холодъ, безъ всякихъ переходовъ, смѣнялся жаромъ и наоборотъ. Въ различныхъ частяхъ планеты произошли мѣстныя бѣдствія: проносились неслыханные ураганы, бывали страшныя землетрясенія, открывались вулканы тамъ, гдѣ ихъ никогда не видали и, наконецъ, цѣлый архипелагъ былъ неожиданно поглощенъ водой. Наконецъ, насталъ роковой день.

Жара стояла палящая; воздухъ былъ густъ и удушливъ. По приказанію высшаго мага, мы собрали всѣхъ животныхъ, которыхъ хотѣли сохранить и которыя поглотили элексиръ жизни, въ одномъ мѣстѣ, гдѣ на треножникѣ горѣли травы, смоченныя первоначальной эссенціей. Но онъ не сказалъ намъ, однако, что уже пробилъ часъ катастрофы. Подавленный безпокойствомъ, я отправился въ храмъ. Я хотѣлъ помолиться, а потомъ пройти къ своимъ друзьямъ, участь которыхъ страшно безпокоила меня.

Весь городъ былъ на ногахъ и кипѣлъ оживленіемъ. Я долженъ прибавить, что не задолго до этого была окончена продолжительная и опустошительная война большой побѣдой, одержанной нашимъ

молодымъ царемъ. Накануне рокового дня, царь торжественно вступилъ въ столицу во главѣ своихъ войскъ. Побѣду предполагалось праздновать три дня и публичныя увеселенія привлекли въ городъ все окрестное населеніе. Ты не видѣлъ лагеря, гдѣ стояли войска въ ожиданіи смотра, который долженъ былъ происходить послѣ царскаго банкета?

— Нѣтъ! Дахиръ не водилъ меня туда.

— Это ужасно! Десять тысячъ солдатъ и пятнадцать тысячъ зрителей остались навѣки стоять тамъ лагеремъ. Но возвращаюсь къ моему разсказу.

Я пріѣхалъ верхомъ и прямо направился въ храмъ. При видѣ шумной и радостной толпы, переполнявшей улицы, сердце мое сжалось, а я еще не зналъ, что жизнь всѣхъ этихъ тысячей людей продлится такъ недолго.

Я отослалъ лошадь съ сопровождавшимъ меня человѣкомъ, такъ какъ хотѣлъ ночевать въ городѣ и только на слѣдующій день вернуться въ братство.

Прошло около часа. Божественная служба подходила къ концу и я уже собирался покинуть храмъ, какъ вдругъ случилось что-то необъяснимое.

Вся атмосфера затрещала и ее бороздили, скрещиваясь между собой, синія, зеленыя, желтыя, красныя и фіолетовы молніи. Затѣмъ все точно вспыхнуло. Огонь сталъ пробиваться изъ земли, стѣнъ, людей, изъ неба, деревьевъ и всѣхъ предметовъ; это былъ цѣлый океанъ пламени. У меня закружилась голова и я задыхался. Страшная боль пробѣгала по всѣмъ моимъ членамъ; каждый нервъ моего существа, казалось, отрывался и сгоралъ, соприкасаясь съ пламенемъ, исходившимъ изъ меня. Затѣмъ я потерялъ сознаніе.

Сколько времени пролежалъ я въ такомъ безпамятствѣ, не знаю; но когда я открылъ глаза, дневной свѣтъ смѣнился багряной мглой, которую ты видѣлъ и которая придаетъ всему такой зловѣщій оттѣнокъ.

Смертельный страхъ овладѣлъ мной. Въ эту минуту я забылъ и мое безсмертіе, и мое знаніе. Теперь я былъ не болѣе, какъ ничтожная человѣческая былинка, дрожащая передъ разрушеніемъ и сознающая свою безпомощность передъ разыгравшимися стихіями.

Я не понялъ тогда, что все уже кончено и воображалъ что это былъ только прологъ къ катастрофѣ. Вѣроятно теперь, — думалъ я, — земля задрожитъ и разсядется; раздастся подземный громъ, рѣки выступятъ изъ береговъ, а изъ нѣдръ вырвутся разрушительные потоки лавы, пепла и смертоносныхъ газовъ. Холодный потъ выступилъ у меня на тѣлѣ...

Все, что я разсказалъ тебѣ, съ быстротой молніи пронеслось въ моемъ умѣ.

Но ничто не рушилось, ничто не двигалось; меня объяла полная тишина. Но именно этотъ-то мертвый покой послѣ такого шумнаго оживленія и бросилъ меня въ дрожь. Я оглянулся кругомъ. Всюду стояли толпы, но только неподвижно, точно пораженныя ужасомъ. Я подбѣжалъ къ ближайшему человѣку и схватилъ его за руку, но она была холодна и тверда, точно камень. Дрожа отъ ужаса, я отшатнулся. Вторично человѣческая природа съ ея мелочными слабостями поразила меня. Только теперь понялъ я смыслъ сдѣланнаго намъ откровенія: «Моментальная смерть и кристаллизація всей поверхности планеты».

И такъ, все свершилось... Всѣ эти человѣческія существа, стоящія вокругъ меня, какъ живыя — были трупы, окаменѣвшіе точно по мановенію волшебнаго жезла. А я былъ живъ! Я уцѣлѣлъ при ужасной катастрофѣ!..

Что я перечувствовалъ въ ту минуту, превосходитъ всякое описаніе. Мнѣ было страшно самого себя, страшно будущаго!.. Точно охваченный безуміемъ, я бросился впередъ. Если бы ктонибудь видѣлъ меня въ ту минуту, то ни за что не повѣрилъ бы, что передъ нимъ безсмертный представитель высшаго знанія.

Скорѣй инстинктъ, чѣмъ размышленіе, привелъ меня къ дому моихъ друзей. На порогѣ двери стоялъ привратникъ. Какъ ураганъ пронесся я мимо него и проникъ въ комнату, гдѣ обыкновенно собиралось все семейство.

Всѣ дѣйствительно были въ сборѣ. Хозяинъ дома, его жена и ихъ сынъ разговаривали у открытаго окна. Остальные члены семьи стояли у стола, и старшая сестра раздавала имъ фрукты.

Заливаясь слезами, ощупалъ я всѣхъ, и всматривался въ ихъ неподвижныя лица, которыя, какъ живыя, отражали серьезныя, веселыя или лукавыя мысли послѣдняго мгновенья ихъ жизни.

Я долго плакалъ, молился и размышлялъ. Только когда ко мнѣ вернулось относительное спокойствіе, я пустился въ обратный путь въ братство.

По дорогѣ все было цѣло и ничто не измѣнило своего вида; только деревья и ихъ фрукты превратились въ камень, а воды ручьевъ и каскадовъ отвердѣли. Въ первый разъ также я увидѣлъ бѣло-облачныя стѣны, окружавшія долину, но пройти ихъ я не

имѣлъ уже силы. Я чувствовалъ себя очень дурно и, какъ безжизненная масса, опустился на землю. Несмотря на элексиръ жизни, мой организмъ получилъ слишкомъ сильное потрясеніе, а душа моя пережила всѣ муки агоніи.

Когда я пришелъ въ себя, я лежалъ уже на террасѣ дворца братства. Вокругъ меня былъ нѣжный свѣтъ, а легкій и благоухающій вѣтерокъ обрызгивалъ мое лицо влажной пылью отъ бившей въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня струи воды. Я нерѣшительно схватилъ вѣтку дерева, находившагося у меня подъ рукой — она была гибка: кругомъ благоухали цвѣты, птички щебетали, а лужайка была покрыта зеленью.

Не грезилъ ли я? Можетъ быть ужасный видъ мертвой земли былъ только отвратительнымъ кошмаромъ? Но это заблужденіе было непродолжительно. Въ эту минуту на террасѣ появилось нѣсколько нашихъ братьевъ. На ихъ лицахъ, обыкновенно такихъ спокойныхъ, я прочелъ мрачную сосредоточенность и глубокое горе.

Ясно было видно, что они провели очень тяжелые часы. Первоначальная эссенція предохранила насъ отъ смерти, но не избавила отъ человѣческихъ чувствъ, горя и страстей. Одни только высшіе маги неизмѣнно оставались спокойными и безстрастными.

Мало-по малу мы привыкли къ нашему новому положенію и равнодушно смотрѣли, когда планета населялась отвратительными духами: отбросами нашей сосѣдки—Земли.

У насъ поселился Эбнъ-Ари и мы съ удовольствіемъ познакомились съ этой интересной личностью. Онъ великій мудрецъ и грозный правитель своего отвратительнаго предательскаго и лукаваго народа.

— Я и не подозрѣвалъ, что Эбнъ-Ари имѣетъ сношенія съ обществомъ,—со смѣхомъ сказалъ Супрамати.

Его спутникъ тоже улыбнулся.

— По правдѣ сказать, онъ весьма мало поддерживаетъ эти сношенія и никогда безъ особаго приглашенія не переступаетъ ограды нашего братства; а между тѣмъ, мы знаемъ, что онъ любитъ отдыхать въ нашемъ тихомъ и мирномъ убѣжищѣ. Случается также, что вампирическіе духи, утомленные своей печальной жизнью, являются сюда просить насъ помочь имъ покинуть это мѣсто страданій, и мы дѣлаемъ все возможное, чтобы избавить нашу планету отъ такихъ непріятныхъ гостей. Но это очень трудно: эти несчастныя существа,—амфибіи двухъ міровъ,—до такой степени обременены плотью, что они тяжелѣе насъ.

Онъ умолкъ и, указавъ рукой на Дахира, появившагося на поворотѣ аллеи въ обществѣ нѣсколькихъ безсмертныхъ, прибавилъ:

— Вотъ твой братъ зоветъ тебя! Вамъ время отправляться.

Супрамати поблагодарилъ своего проводника, а затѣмъ всѣ перецѣловались на прощаніе. Нѣсколько минутъ спустя, наши спутники находились уже за облачной оградой.

VII.

Взволнованный Супрамати хотѣлъ было завести разговоръ объ особенностяхъ катастрофы, стившей жизни столькимъ милліонамъ людей, но Дахиръ объявилъ, что у нихъ будетъ еще время поговорить объ этомъ на свободѣ въ своемъ замкѣ въ Шотландіи, а теперь имъ нужно торопиться къ Эбнъ-Ари, который должно быть уже вернулся домой.

На большой базальтовой лѣстницѣ, ведшей въ его собственные аппартаменты, они увидѣли Эбнъ-Ари, который, видимо, только что прибылъ со своими спутниками. Они привели съ собой около дюжины существъ обоего пола, находившихся въ неописуемомъ состояніи отчаянія и бѣшенства.

Они отличались такой плотностью, что были похожи скорѣй на живыхъ воплощенныхъ, чѣмъ на духовъ. Ревъ ихъ слышался издалека.

На ступенькахъ лѣстницы, у ногъ Эбнъ-Ари извивалось женское существо, демонической красоты и въ то же время отвратительное, благодаря животному выраженію своего лица. Женщина эта громко кричала и требовала, чтобы ее вернули на землю или, по крайней мѣрѣ, въ атмосферу земли, но царь ларвовъ съ отвращеніемъ оттолкнулъ ее. По его знаку его помощники увлекли ее.

Затѣмъ, обернувшись къ посѣтителямъ, Эбнъ-Ари сдѣлалъ привѣтственный знакъ рукой и сказалъ:

— Простите, друзья мои, что я васъ принимаю такимъ раздирающимъ концертомъ, но нравственное чудовище, которое я оторвалъ отъ земли,—въ страшномъ отчаяніи, что его такъ неожиданно разлучили съ его жертвами. А между тѣмъ, чего не достаетъ ей здѣсь? Она можетъ по своему вкусу занять одинъ изъ покинутыхъ дворцовъ. Обстановка—роскошная, столы заставлены изысканными блюдами, подвалы полны тонкими винами, а общество многочисленно, хотя немного молчаливо. А какіе красивые юноши и очаровательныя женщины встрѣчаются среди нихъ! Ха, ха, ха!

И Эбнъ-Ари разразился звонкимъ и насмѣшливымъ смѣхомъ.

— Но ты очень свирѣпъ къ своимъ подданнымъ,—замѣтилъ Дахиръ.—Вѣдь это ужасно, находиться въ этомъ мракѣ и быть окруженному предметами, имѣющими только видъ жизни! Это живое кладбище—двойная казнь для страждущихъ духовъ.

На лицѣ Эбнъ-Ари появилось выраженіе неумолимой, жестокой насмѣшки.

— У меня не хватило-бы милосердія, чтобы жалѣть этихъ негодныхъ тварей; а коли имъ не нравится пребываніе здѣсь, то они могутъ уйти, подчинившись неизбѣжному очищенію. Мнѣ достаточно ужъ опротивѣло управлять этимъ пансіономъ для дѣвицъ съ такими страстными вкусами. Если все будетъ продолжаться въ томъ же родѣ, то у насъ здѣсь скоро не будетъ мѣста. Пусть остаются здѣсь, пока не пожелаютъ раскаяться, и переносятъ муки Тантала, удовлетворяя свои страсти съ каменными кавалерами и дамами.

Продолжая разговаривать, Эбнъ-Ари провелъ своихъ гостей въ смежную комнату. Тамъ они сѣли и стали говорить о странной планетѣ и о катастрофѣ, приведшей ее въ такое состояніе. Но разговоръ скоро снова перешелъ къ вопросу о ларвахъ, которые особенно интересовали Супрамати.

— Скажи мнѣ, почему духи становятся до такой степени матеріальны, что даже смерть не можетъ вернуть имъ духовнаго состоянія? Затѣмъ, что должны они дѣлать для своего очищенія?—съ любопытствомъ спросилъ Супрамати.

— Причина подобнаго ихъ состоянія проста и понятна. Матеріальная жизнь, полная всевозможныхъ излишествъ, до такой степени пропитываетъ астральное тѣло нечистыми теченіями, что когда смерть отдѣляетъ его отъ матеріальнаго тѣла, духъ, тяжелый, какъ скала, уже не въ состояніи подняться въ атмосферу. Онъ чувствуетъ всѣ плотскія желанія и для ихъ удовлетворенія пользуется *всѣми* средствами, даже самыми преступными.

Что же касается очищенія подобныхъ субъектовъ, то оно совершается очень медленно и тяжело, требуя раскаянія, сосредоточенія и горячихъ молитвъ. Чтобы облегчить имъ эту работу, здѣсь поставленъ, насыщенный чистыми флюидами крестъ, касаясь котораго они могутъ очищаться и укрѣпляться, пока не достигнутъ достаточной степени легкости, чтобы оставить этотъ міръ съ его ужасной атмосферой и перейти въ сферу приготовленія къ воплощенію.

Если тебѣ интересно видѣть подобную работу очищенія, то я могу ее показать тебѣ. У насъ, какъ разъ, есть духъ, жаждущій покинуть планету.

Супрамати горячо поблагодарилъ его. Всѣ трое прошли въ залу, гдѣ они уже были, въ центрѣ которой высился бѣлый крестъ, сверкавшій, какъ снѣгъ на солнцѣ.

Недалеко отъ двери Эбнъ-Ари остановился и указалъ рукой на какое-то существо со смутнымъ человѣческимъ контуромъ. Существо это припало къ цоколю и, обвивъ его обѣими руками, прижалось лбомъ къ подножію креста.

Изъ символа искупленія лились, казалось, огненные лучи и потоки голубоватаго пара, которые проникали въ тѣло склоненнаго существа, дѣлая его все прозрачнѣй и воздушнѣй. Минутами яркія молніи бороздили крестъ сверху до низу. Вдругъ, окружавшій его голубоватый ореолъ, заволновался и сталъ вибрировать, а колѣнопреклоненный духъ медленно поднялся, витая въ воздухѣ, но все еще держась за крестъ. Лицо его выражало безпредѣльное счастье. Поддерживаемый голубоватыми, окружавшими его волнами, духъ все продолжалъ подниматься. Наконецъ, онъ выпустилъ крестъ и, колеблясь, поднялся до самаго свода, гдѣ, казалось, потонулъ въ тѣни.

— Этотъ духъ очень скоро покинетъ насъ: онъ стоитъ ужъ на пути къ полному очищенію,—замѣтилъ Эбнъ-Ари, поворачиваясь, чтобы выйти изъ комнаты.

Супрамати задумчиво послѣдовалъ за нимъ. Затѣмъ, минуту спустя, онъ спросилъ:

— Не можешь ли ты, Эбнъ-Ари, дать мнѣ болѣе ясное опредѣленіе предмета, который насъ занимаетъ. Вы называете «ларвами» вредныхъ духовъ, поселенныхъ на этой планетѣ; вы говорите также о «ларвическихъ» духахъ. Наконецъ, занимаясь и раньше изученіемъ оккультизма, я гдѣ-то читалъ, что современные оккультисты спеціально даютъ имя «ларвы» психическимъ паразитамъ, созданнымъ человѣческою мыслью, существованіе которыхъ продолжается сообразно съ силой породившаго ихъ умственнаго напряженія. Объясни мнѣ, ради Бога, разницу характеризующую эти существа!

— Если бы я вздумалъ описывать и объяснять во всѣхъ подробностяхъ предложенный тобой вопросъ, мы не такъ-то скоро кончили бы,—съ улыбкой отвѣтилъ Эбнъ-Ари.—Кромѣ того, ваша терминологія въ этомъ отношеніи отчаянно бѣдна и была причиной многихъ недоразумѣній.

Современные оккультисты,—говоришь ты,—даютъ имя «ларвы», человѣческой мысли, дѣятельной и творящей, которая въ теченіи болѣе или менѣе продолжительнаго времени живетъ, какъ особое существо; но только мысли дурной, дѣйствующей разрушительно на организмъ, какъ демоническая сила? Мнѣ же кажется, что было бы раціональнѣе называть эти эфемерныя субстанціи, живущія чужеядной жизнью, «психическими паразитами», а имя *ларвы* оставить преступнымъ духамъ, сознательно губящимъ жертвы, къ которымъ они присасываются.

Я уже говорилъ тебѣ, что этотъ вопросъ необыкновенно сложенъ, и его нельзя обнять въ нѣсколькихъ словахъ. Мало-по-малу, ты изучишь все это на практикѣ, и въ теоріи. Я только вкратцѣ скажу тебѣ, что «ларвическимъ духомъ» мы называемъ духа страждущаго, плотскія желанія котораго сохранились съ такой силой, что, вмѣсто того, чтобы понять свое положеніе и стараться раскаяніемъ, молитвой и очищеніемъ разбить узы, связывающія его съ матеріей, онъ, напротивъ, ищетъ всѣми средствами утолить свои неудовлетворенныя страсти. Такіе духи жаждутъ человѣческихъ выдѣленій и посѣщаютъ всѣ мѣста, гдѣ въ изобиліи отлагается матеріальный флюидъ, какъ-то: кухни, рестораны, пиршества и оргіи. Они—неразлучные спутники порочныхъ и чувственныхъ людей, а ихъ астральное тѣло, мало-по-малу, пріобрѣтаетъ такую плотность, что они съ трудомъ двигаются даже въ густой атмосферѣ первой сферы, а потому цѣпляются за тѣло живого человѣка, которое служитъ имъ опорой. Съ этой-то минуты и начинается *одержимость*, а, если возможно, то и *овладѣніе*.

Происходитъ странная вещь: въ одномъ человѣческомъ тѣлѣ обитаютъ два духа, которые оспариваютъ другъ у друга власть. Иногда остается побѣдителемъ духъ живого, но чаще одерживаетъ верхъ духъ вселившійся, который и начинаетъ наслаждаться всѣми ощущеніями плотской жизни. Но подобная борьба всегда бываетъ гибельна для организма, причиняетъ измѣненія въ мозгу, вызываетъ прогрессивный параличъ и заканчивается смертью.

Такіе духи нечисты, конечно, вредны и жадны до наслажденій, но они не въ конецъ испорчены; такъ какъ причиняютъ зло не изъ удовольствія его дѣлать, а изъ эгоизма, легкомыслія и сладострастія. Такихъ мы называемъ «ларвическими» духами.

Названіе же «ларвы» мы даемъ убійцѣ и разбойнику пространства, который, если можетъ, овладѣваетъ тѣломъ живого человѣка, и безъ всякаго милосердія изгоняетъ законнаго владѣльца.

обрывая узы, связывающія его съ тѣломъ. Сдѣлавшись господиномъ организма, обреченнаго закономъ природы на разложеніе, ларва ухитряется на болѣе или менѣе продолжительный срокъ поддерживать мнимую жизнь, благодаря матеріальному флюиду, скопившемуся въ ея астральномъ тѣлѣ, вслѣдствіе безпрестанной дѣятельности надъ живыми и необыкновенной силы, какую она употребляетъ для сохраненія съ трудомъ, пріобрѣтеннаго орудія.

Подобное отвратительное существо пользуется обитаемымъ трупомъ для всевозможныхъ излишествъ и для совершенія положительно неслыханныхъ вещей. Для поддержанія этой эфемерной жизненности, ларва съ безпощадной жестокостью обрушивается на все новыя жертвы, терзаетъ ихъ и убиваетъ, такъ какъ зараженный флюидъ разложенія, который исходитъ изъ ея астральнаго тѣла, смертеленъ для всякаго живого человѣка.

Ларва можетъ легко матеріализоваться и поддерживать эту тѣлесную плотность въ теченіи дней, мѣсяцевъ и даже, лѣтъ, если ей даютъ свободу возобновлять свою жизненность. Однѣ матеріализуются только ночью: другія появляются даже днемъ и профану невозможно отличить ихъ отъ живыхъ. Но общеніе съ ними, ихъ соприкосновеніе гибельны для воплощенныхъ, и эти «туги» *) пространства не могутъ быть терпимы, а потому ихъ удаляютъ: наиболѣе покорныхъ держать плѣнниками въ атмосферѣ земли: а наиболѣе опасныхъ доставляютъ сюда, гдѣ поневолѣ прекращается ихъ смертоносная дѣятельность.

На этой мертвой планетѣ, гдѣ ларвы вынуждены жить, ничто не выдѣляетъ матеріальнаго, живительнаго флюида, а потому, наполняющая ихъ астральное тѣло и отягчающая ихъ матерія мало-по-малу испаряется.

Понятно, что если молитва и раскаяніе не сопровождаютъ подобнаго очищенія, то оно тянется очень долго и можетъ продлиться цѣлые вѣка, такъ какъ злонамѣренность духа служитъ препятствіемъ для очищенія.

Духъ, котораго ты сейчасъ видѣлъ молящимся у креста, принадлежитъ къ числу самыхъ старыхъ обитателей мертваго города. Это бывшій адептъ черной магіи, чрезмѣрно злоупотреблявшій своимъ роковымъ знаніемъ для удовлетворенія низкихъ инстинктовъ. Убитый «возвратнымъ ударомъ» при одномъ изъ своихъ злодѣяній, онъ сдѣлался ларвой и кончилъ тѣмъ, что былъ заключенъ сюда.

*) Туги — секта душителей въ Индіи.

Духъ женщины, который я только что привелъ, тоже принадлежатъ къ числу самыхъ опасныхъ. Сказать по правдѣ, ее давно слѣдовало бы прогнать съ земли, но она съ дьявольской ловкостью всегда умѣла избѣжать ссылки, которой боялась больше всего.

Предательская и глубоко развратная душа, бывшая колдунья и героиня средневѣковыхъ шабашовъ, эта жрица всевозможныхъ пороковъ уже перенесла одиночное заключеніе въ пространствѣ. Но, едва освободившись, она нашла возможность снова воплотиться, хотя это ей и было запрещено.

Разумѣется, семья ея представляла для этого благопріятныя условія: родители были преступны. Тѣмъ не менѣе, ея мать, несмотря на свою животную и нечистую природу, не вынесла соприкосновенія съ флюидами тлѣнія и зараженнымъ астральнымъ тѣломъ, воплотившимся въ ней. Она умерла, преждевременно произведя на свѣтъ нравственное чудовище, которое начало свою земную карьеру этимъ первымъ убійствомъ.

Далѣе все пошло своимъ чередомъ. Безсознательно поглощая жизненный сокъ всѣхъ окружавшихъ ее, которые гасли, чахли и умирали, это смертоносное существо росло, и сдѣлавшись дѣвушкой, сумѣло найти подходящую для себя среду.

Отвратительныя мистеріи древнихъ шабашовъ далеко не легенды: онѣ совершаются и въ наши дни. На такихъ-то отвратительныхъ сборищахъ она играла выдающуюся роль. Все вокругъ нея умирало отъ истощенія, отравленное разрушительнымъ прикосновеніемъ этого воплощеннаго вампира, получившаго прозвище «роковой Венеры».

Впрочемъ, она не ограничивалась одними только безсознательными убійствами, но устраняла съ своей дороги всѣхъ, кто стѣснялъ ее. Случайно,—если только существуетъ случай,—съ насмѣшливой улыбкой вставилъ Эбнъ-Ари;—случайно ядъ, предназначенный для соперницы, былъ выпитъ ею самой, и она умерла нѣсколько дней спустя.

Бѣшенство ея, когда она очутилась въ пространствѣ, не поддается описанію. Всѣ животныя страсти бушевали въ ней, и для ихъ удовлетворенія она проявила дьявольскую дѣятельность. Въ короткій срокъ она совершила десять убійствъ: на одинадцатомъ я поймалъ ее, какъ говорятъ, съ поличнымъ и положилъ конецъ ея похожденіямъ, приведя ее сюда, чтобы она поразмыслила о прошлыхъ успѣхахъ и поутихла. Она покинетъ мою столицу только

очищенная; но торопить ее никто не будетъ,—закончилъ Эбнъ-Ари, съ присущимъ ему рѣзкимъ и презрительнымъ смѣхомъ.

Заинтересованный Супрамати хотѣлъ предложить еще нѣсколько вопросовъ, но Эбнъ-Ари покачалъ головой и сказалъ:

— На сегодня довольно! Пора тебѣ, Дахиръ, увести своего неофита. Волненія, которыя онъ перенесъ, и условія, въ которыхъ находится, слишкомъ сильны даже для его безсмертнаго тѣла.

— Ты правъ. Я самъ замѣчаю, что пора уходить,—отвѣтилъ Дахиръ.—Итакъ, до свиданія на нашей землѣ, грозный повелитель ларвовъ и покровитель ихъ жертвъ.

Эбнъ-Ари вздохнулъ.

— Меня страшно утомляетъ моя миссія и отвратительный, порочный міръ, среди котораго я призванъ дѣйствовать. Часто меня огорчаетъ и дѣлается противною та жестокая суровость, съ которой я вынужденъ дѣйствовать; но ничего не подѣлаешь. Законы должны быть уважаемы: матеріальная жизнь—для воплощенныхъ, а жизнь въ пространствѣ для, такъ называемыхъ, «умершихъ».

Каждый долженъ оставаться и работать въ своей сферѣ, а я обязанъ нести добровольно принятое на себя бремя до назначенной минуты.

Продолжая разговаривать, они вышли на гранитную лѣстницу, къ которой пристали, когда прибыли въ этотъ странный городъ. Дахиръ поднялъ свой жезлъ—и въ воздухѣ вырисовался пылающій знакъ. Въ ту же минуту съ Супрамати сдѣлалось головокруженіе, и онъ почувствовалъ, какъ могучій порывъ подхватилъ его и стремительно увлекъ въ пространство.

Скоро послѣдовательные толчки, иное освѣщеніе и раздирающія вибраціи дали понять Супрамати, что они вступили въ атмосферическія отложенія земли.

Вдругъ онъ почувствовалъ неожиданный и сильный толчекъ, какъ будто натолкнулся на что-нибудь — и полетъ остановился. Минуту спустя, Супрамати съ удивленіемъ убѣдился, что находится въ хрустальномъ павильонѣ, который онъ покинулъ вмѣстѣ съ Дахиромъ, чтобы проникнуть въ міръ четвертаго измѣренія.

Какъ въ туманѣ увидѣлъ онъ, что павильонъ теперь освѣщенъ пурпурнымъ свѣтомъ, а около столика стояла Нара и наливала изъ небольшой золоченой амфоры въ два кубка красную и дымящуюся жидкость.

— Выпейте, Дахиръ! Ему же необходимо основательно отдохнуть. Непривычное состояніе тѣла окончательно истощило его силы.

Супрамати еле слышалъ послѣднія слова жены, которая поднесла кубокъ къ его губамъ.

Сильно ароматическая жидкость тотчасъ же наполнила его организмъ живительною теплотой и невыразимымъ благосостояніемъ. Глубокая сонливость овладѣла имъ и онъ потерялъ сознаніе.

Сколько времени продолжался этотъ сонъ, глубокій, какъ смерть, Супрамати не могъ отдать себѣ отчета. Когда онъ открылъ глаза, онъ лежалъ на большой кровати съ колоннами и балдахиномъ, въ своей спальнѣ, въ старомъ шотландскомъ замкѣ. Занавѣси были на-половину приподняты и пропускали яркіе лучи солнца, отливавшіе золотыми блестками на темномъ фонѣ ковра.

Въ первую минуту онъ ничего не помнилъ и чувствовалъ только настоятельную потребность въ свѣжемъ воздухѣ и свѣтѣ. Спрыгнувъ съ кровати, онъ подбѣжалъ къ окну и открылъ его. Потокъ чистаго и живительнаго воздуха ударилъ его въ лицо. Онъ облокотился на подоконникъ и съ жадностью вдыхалъ вѣяніе разстилавшагося передъ нимъ океана. Лучи восходящаго солнца точно золотомъ заливали вѣчно безпокойныя волны.

Мало-по-малу смутныя воспоминанія начали просыпаться въ его мозгу; но возстававшія картины его воздушнаго путешествія были до такой степени странны, что въ немъ сразу выросъ весь присущій ему скептицизмъ. Со смѣшаннымъ чувствомъ недовѣрія и досады спрашивалъ онъ себя: неужели Нара и Дахиръ позволили себѣ подшутить надъ нимъ и принудили галлюцинировать, чтобы заставить повѣрить, будто онъ дѣйствительно сдѣлалъ экскурсію въ загробный міръ.

Супрамати потянулся и хотѣлъ уже позвонить, чтобы приказать слугѣ подать себѣ одѣваться, какъ вдругъ остановился и задумчиво проворчалъ:

— Чортъ возьми! Однако, я отлично помню, что испытывалъ совсѣмъ другое ощущеніе. Теперь я чувствую тяжесть тѣла, а тогда я былъ до такой степени легокъ, что виталъ въ воздухѣ и терялъ равновѣсіе.

И вдругъ онъ ясно вспомнилъ все, что видѣлъ и перечувствовалъ: и Сарміэля, съ его ужасною адскою логикой, и мертвую планету, и безсмертныхъ братьевъ, и Эбнъ-Ари съ его зловѣщими подданными. Впечатлѣніе этого воспоминанія было такъ сильно,

что онъ на минуту прислонился къ стѣнѣ и сжалъ голову руками. Затѣмъ, какъ во снѣ, Супрамати направился къ звонку. Онъ хотѣлъ одѣться и пойти къ Дахиру, но вдругъ съ удивленіемъ увидалъ объемистую вещь, лежавшую на столѣ около кровати.

Супрамати быстро подошелъ и убѣдился, что это былъ кусокъ камня, повидимому оторванный отъ скалы. Но едва онъ наклонился надъ нимъ, какъ съ его губъ сорвался сдавленный крикъ изумленія и онъ оперся на столъ, потрясаемый нервною дрожью.

Передъ нимъ находилось доказательство, что его путешествіе въ загробный міръ не было сномъ.

Поверхность камня, казалось, была покрыта тонкой травой голубовато-зеленаго цвѣта. На этомъ, нѣкогда мягкомъ ложѣ, покоилось тѣло маленькаго ребенка—несравненное произведеніе зловѣщаго и разрушительнаго искусства природы.

Пухленькія, нѣжныя ручки и ножки маленькаго существа, казалось, были сдѣланы изъ потемнѣвшей слоновой кости, головку его покрывали черные, какъ вороново крыло, кудри, а ротикъ былъ полуоткрытъ.

Дрожащими руками поднялъ Супрамати камень и съ жадностью сталъ разсматривать это родившееся на другой планетѣ существо, этого безмолвнаго свидѣтеля ужасной катастрофы. Большіе, сѣро-зеленоватые глазки ребенка, глядѣли точно на него яснымъ и улыбающимся взглядомъ, маленькія, вьющіяся пряди волосъ, прилипшія ко лбу, казались гибкими и шелковистыми, а между тѣмъ, все это было твердо, какъ камень. Съ какой ужасающей быстротой должны были дѣйствовать смертоносные газы, чтобы сохранить своимъ жертвамъ такой видъ жизни? Но какимъ образомъ Дахиръ могъ принести сюда такой тяжелый кусокъ камня?

Положивъ ребенка на столъ, Супрамати накрылъ его платкомъ и рѣшилъ хранить это странное произведеніе искусства въ особой витринѣ. Затѣмъ онъ быстро одѣлся и прошелъ въ комнату жены. Онъ чувствовалъ неудержимую потребность тотчасъ же повидаться съ ней, передать свои впечатлѣнія и разспросить ее.

Въ своемъ возбужденномъ состояніи онъ рѣшилъ разбудить Нару, если она еще спитъ, но та уже встала и сидѣла у открытой двери балкона, перелистывая книгу.

— Нара! Нужно дѣйствительно имѣть очень крѣпкую голову, чтобы не сойти съ ума отъ подобныхъ приключеній. Когда я думаю обо всемъ, что видѣлъ и испыталъ въ послѣдній разъ, мнѣ кажется, что все это было во снѣ.

Нара улыбаясь протянула ему руку и, усадивъ его рядомъ съ собой на диванъ, дружески сказала:

— Не есть ли вся наша жизнь, мой возлюбленный, одинъ непрерывный сонъ? Даже событія нашей, *вѣковой* жизни проходятъ мимо, подобно мѣняющимся картинамъ театральныхъ декорацій, едва показавшись, онѣ снова исчезаютъ... Но разскажи же твои впечатлѣнія и перипетіи твоего страннаго путешествія въ загробный міръ.

Супрамати, волнуясь, разсказалъ все, что видѣлъ и перечувствовалъ.

— Чѣмъ больше я узнаю тайнъ, управляющихъ человѣческой жизнью, чѣмъ больше я знакомлюсь со страшными законами безконечности, тѣмъ болѣе пристращаютъ къ изученію ихъ,—закончилъ Супрамати.

— И ты хорошо поступаешь! Знаніе—это якорь спасенія нашей долгой жизни. Одно оно можетъ примирить насъ съ нравственными страданіями безконечнаго существованія, которое отказываетъ намъ даже въ необходимомъ могильномъ отдыхѣ. Для насъ, работа—это поддержка, забвеніе, прогрессъ, если мы не хотимъ пасть, какъ палъ Нарайяна,—задумчиво замѣтила Нара.

Съ этого дня Супрамати, съ все возрастающимъ жаромъ, снова принялся за работу. Его занятія до такой степени поглощали его, что онъ забылъ все остальное. Его интересъ къ внѣшней жизни окончательно угасъ, и онъ жилъ исключительно въ причудливомъ мірѣ оккультнаго знанія, открывавшаго ему все новые горизонты. Теперь Дахиръ долженъ былъ даже останавливать его, чтобы онъ, время отъ времени, давалъ себѣ нѣсколько дней отдыха.

Въ старомъ замкѣ дней не считали. Тамъ ничто не измѣнилось и по прежнему царили спокойная роскошь, тишина и уединеніе. Нѣсколько старыхъ слугъ исчезли и были замѣнены другими, тоже старыми, молчаливыми и скромными. Супрамати едва замѣчалъ эти перемѣны, такъ какъ управленіе домомъ всецѣло лежало на Нарѣ. Онъ же былъ погруженъ въ изученіе магическихъ формулъ, которыя скоро не имѣли отъ него тайнъ. Онъ могъ уже приступить къ вызываніямъ и проникать въ области черной магіи съ ея страшными наставленіями и ужаснымъ могуществомъ дѣлать зло.

Супрамати не пренебрегалъ также и медициной. Только онъ изучалъ теперь совершенно новый методъ леченія и употребленія новыхъ средствъ. Магнитизмъ, ясновидѣніе и гомеопатія играли

что онъ на минуту прислонился къ стѣнѣ и сжалъ голову руками. Затѣмъ, какъ во снѣ, Супрамати направился къ звонку. Онъ хотѣлъ одѣться и пойти къ Дахиру, но вдругъ съ удивленіемъ увидалъ объемистую вещь, лежавшую на столѣ около кровати.

Супрамати быстро подошелъ и убѣдился, что это былъ кусокъ камня, повидимому оторванный отъ скалы. Но едва онъ наклонился надъ нимъ, какъ съ его губъ сорвался сдавленный крикъ изумленія и онъ оперся на столъ, потрясаемый нервною дрожью.

Передъ нимъ находилось доказательство, что его путешествіе въ загробный міръ не было сномъ.

Поверхность камня, казалось, была покрыта тонкой травой голубовато-зеленаго цвѣта. На этомъ, нѣкогда мягкомъ ложѣ, покоилось тѣло маленькаго ребенка—несравненное произведеніе зловѣщаго и разрушительнаго искусства природы.

Пухленькія, нѣжныя ручки и ножки маленькаго существа, казалось, были сдѣланы изъ потемнѣвшей слоновой кости. головку его покрывали черные, какъ вороново крыло, кудри, а ротикъ былъ полуоткрытъ.

Дрожащими руками поднялъ Супрамати камень и съ жадностью сталъ разсматривать это родившееся на другой планетѣ существо, этого безмолвнаго свидѣтеля ужасной катастрофы. Большіе, сѣро-зеленоватые глазки ребенка, глядѣли точно на него яснымъ и улыбающимся взглядомъ, маленькія, вьющіяся пряди волосъ, прилипшія ко лбу, казались гибкими и шелковистыми, а между тѣмъ, все это было твердо, какъ камень. Съ какой ужасающей быстротой должны были дѣйствовать смертоносные газы, чтобы сохранить своимъ жертвамъ такой видъ жизни? Но какимъ образомъ Дахиръ могъ принести сюда такой тяжелый кусокъ камня?

Положивъ ребенка на столъ, Супрамати накрылъ его платкомъ и рѣшилъ хранить это странное произведеніе искусства въ особой витринѣ. Затѣмъ онъ быстро одѣлся и прошелъ въ комнату жены. Онъ чувствовалъ неудержимую потребность тотчасъ же повидаться съ ней, передать свои впечатлѣнія и разспросить ее.

Въ своемъ возбужденномъ состояніи онъ рѣшилъ разбудить Нару, если она еще спитъ, но та уже встала и сидѣла у открытой двери балкона, перелистывая книгу.

— Нара! Нужно дѣйствительно имѣть очень крѣпкую голову, чтобы не сойти съ ума отъ подобныхъ приключеній. Когда я думаю обо всемъ, что видѣлъ и испыталъ въ послѣдній разъ, мнѣ кажется, что все это было во снѣ.

Нара улыбаясь протянула ему руку и, усадивъ его рядомъ съ собой на диванъ, дружески сказала:

— Не есть ли вся наша жизнь, мой возлюбленный, одинъ непрерывный сонъ? Даже событія нашей, *вѣковой* жизни проходятъ мимо, подобно мѣняющимся картинамъ театральныхъ декорацій, едва показавшись, онѣ снова исчезаютъ... Но разскажи же твои впечатлѣнія и перипетіи твоего страннаго путешествія въ загробный міръ.

Супрамати, волнуясь, разсказалъ все, что видѣлъ и перечувствовалъ.

— Чѣмъ больше я узнаю тайнъ, управляющихъ человѣческой жизнью, чѣмъ больше я знакомлюсь со страшными законами безконечности, тѣмъ болѣе пристращаютъ къ изученію ихъ.—закончилъ Супрамати.

— И ты хорошо поступаешь! Знаніе—это якорь спасенія нашей долгой жизни. Одно оно можетъ примирить насъ съ нравственными страданіями безконечнаго существованія, которое отказываетъ намъ даже въ необходимомъ могильномъ отдыхѣ. Для насъ, работа—это поддержка, забвеніе, прогрессъ, если мы не хотимъ пасть, какъ палъ Нарайяна,—задумчиво замѣтила Нара.

Съ этого дня Супрамати, съ все возрастающимъ жаромъ, снова принялся за работу. Его занятія до такой степени поглощали его, что онъ забылъ все остальное. Его интересъ къ внѣшней жизни окончательно угасъ, и онъ жилъ исключительно въ причудливомъ мірѣ оккультнаго знанія, открывавшаго ему все новые горизонты. Теперь Дахиръ долженъ былъ даже останавливать его, чтобы онъ, время отъ времени, давалъ себѣ нѣсколько дней отдыха.

Въ старомъ замкѣ дней не считали. Тамъ ничто не измѣнилось и по прежнему царили спокойная роскошь, тишина и уединеніе. Нѣсколько старыхъ слугъ исчезли и были замѣнены другими, тоже старыми, молчаливыми и скромными. Супрамати едва замѣчалъ эти перемѣны, такъ какъ управленіе домомъ всецѣло лежало на Нарѣ. Онъ же былъ погруженъ въ изученіе магическихъ формулъ, которыя скоро не имѣли отъ него тайнъ. Онъ могъ уже приступить къ вызываніямъ и проникать въ области черной магіи съ ея страшными наставленіями и ужаснымъ могуществомъ дѣлать зло.

Супрамати не пренебрегалъ также и медициной. Только онъ изучалъ теперь совершенно новый методъ леченія и употребленія новыхъ средствъ. Магнитизмъ, ясновидѣніе и гомеопатія играли

при этомъ выдающуюся роль. Но съ особеннымъ стараніемъ онъ предавался упражненію воли. Дисциплинированная мысль его вызывала въ магическомъ зеркалѣ все болѣе совершенные и болѣе сложные образы. Его могучая и гибкая воля никогда не измѣняла ему и повелѣвала низшими духами и разрушительными силами.

Въ неподвижной средѣ, въ которой жилъ Супрамати, измѣнился только онъ одинъ и только онъ одинъ не замѣчалъ, что отъ прежняго доктора Ральфа Моргана ни осталось почти ничего. Скептическая улыбка совершенно исчезла съ губъ ученаго мага: міръ съ его пошлыми радостями, шумными развлеченіями и мелочными интересами, казалось, болѣе не существовалъ для него, а въ его большихъ, темныхъ глазахъ горѣлъ тотъ странный огонь, который нѣкогда поразилъ его во взглядѣ прочихъ членовъ безсмертнаго братства.

Однажды вечеромъ, Супрамати удачно довелъ до конца одну магическую, очень сложную операцію, которая требовала столько же знанія, сколько и энергіи. Дахиръ радостно пожалъ ему руку и сказалъ:

— Мой трудъ законченъ! Ты, братъ, пріобрѣлъ *первое посвященіе*. Мы изслѣдовали зло, изыскали его корни и изучили противоядія. Теперь ты находишься на порогѣ бѣлой магіи. Послѣ необходимаго отдыха, мы можемъ вернуться къ Эбрамару и уже подъ его руководствомъ приступить къ изученію *науки свѣта*.

На слѣдующій день, когда послѣ обѣда все общество перешло въ небольшую гостинную, Супрамати сталъ говорить объ ихъ отъѣздѣ въ Индію, но Нара перебила его:

— Погоди,—со смѣхомъ сказала она.—Прежде, чѣмъ хоронить себя въ Гималаяхъ, намъ необходимо отдохнуть, вернуться въ свѣтъ и сдѣлать нѣсколько небольшихъ путешествій.

— Какая нужда терять даромъ время на то, чтобы сходиться съ глупой толпой и безцѣльно путешествовать!—замѣтилъ Супрамати, пожимая плечами.

— Ты глубоко ошибаешься, мой другъ, и забываешь, что для того, чтобы наше знаніе сдѣлалось *живымъ*, мы должны примѣнять его къ тѣмъ самымъ людямъ, которыхъ ты называешь «глупой толпой». Прежде чѣмъ приняться за новое изученіе, мы должны снова погрузиться въ свѣтъ, чтобы убѣдиться, что страсти и вихрь удовольствій не властны надъ нами и чтобы возобновить связывающія насъ съ человѣчествомъ узы, которыя никогда не

должны обрываться, если мы не хотимъ стать смѣшнымъ, живымъ анахронизмомъ.

— Боже мой, Нара, какъ ты все преувеличиваешь! За какихъ-нибудь три или четыре года, которые мы провели здѣсь въ одиночествѣ, мы не могли уже такъ отстать отъ общества. Но разъ и ты, и Дахиръ считаете это полезнымъ и даже необходимымъ—давайте путешествовать и вести свѣтскую жизнь! Слава Богу! У насъ нѣтъ недостатка во времени. Но куда же мы поѣдемъ?

— Прежде всего въ Парижъ, а оттуда въ Венецію. Мы можемъ также сдѣлать небольшую экскурсію въ ледники и посѣтить складъ, хранителемъ котораго ты состоишь. Затѣмъ мы отправимся въ замокъ братства ко времени, когда всѣ собираются туда, чтобы отдать отчетъ въ нашихъ трудахъ и начертать программу на будущее. Бѣдная Лора будетъ очень счастлива снова увидѣть Дахира, которымъ мы завладѣли на такой долгій срокъ. Теперь, господа, если вы одобряете мои планы, позвольте мнѣ приготовить все необходимое для нашего отъѣзда и позаботиться о нашихъ костюмахъ. Когда все будетъ готово, я васъ увѣдомлю. А пока вы можете свободно заниматься вашими обычными работами.

Предложеніе это было со смѣхомъ принято.

Результатомъ всего этого было то, что Нара имѣла конфиденціальный разговоръ съ Тортозомъ, вслѣдствіе котораго послѣдній въ тотъ же вечеръ уѣхалъ изъ замка.

VIII.

Прошло около трехъ недѣль со времени только-что описаннаго нами разговора. Однажды утромъ Нара объявила, что всѣ приготовленія закончены и что на слѣдующій же день они уѣдутъ изъ замка.

Весь остальной день мужчины посвятили приведенію въ порядокъ лабораторіи и укладкѣ вещей, которыя собирались взять съ собой. Однимъ словомъ, они хотѣли все устроить на время своего долгаго отсутствія.

На слѣдующее утро, слуга Супрамати подалъ своему господину новое платье, значительно разнившееся по своему виду и покрою отъ тѣхъ, какія онъ обыкновенно носилъ.

— Это послѣдняя лондонская мода, ваша свѣтлость,—сказалъ Тортозъ, замѣтивъ недовѣрчивый взглядъ своего господина.— Посмотрите! Мой костюмъ имѣетъ такой же покрой.

— Гм! Какъ я вижу, мода значительно измѣнилась. Очень любопытно взглянуть на костюмъ Нары,—проворчалъ Супрамати, застегивая длинный суконный сюртукъ, цвѣта летучей мыши.

Затѣмъ, схвативъ остроконечную фетровую шляпу, онъ почти бѣгомъ направился въ комнату жены.

Нара стояла передъ зеркаломъ и оправляла шляпу. На ней было надѣто узкое суконное платье, съ разрѣзами по бокамъ, что позволяло видѣть панталоны съ буффами, черные чулки, рельефно вырисовывавшіе ноги, и маленькіе башмачки съ высокими каблуками.

— Нара! На кого ты похожа? Твое платье неприлично, а эта шляпа съ тремя перьями и громаднымъ бантомъ просто смѣшна!— вскричалъ Супрамати.

— Это—послѣдняя парижская мода!—увѣренно отвѣтила молодая женщина.

Затѣмъ, смѣривъ мужа насмѣшливымъ взглядомъ, она прибавила:

— Не воображаешь ли, что ты очень красивъ въ этомъ халатѣ и остроконечной шляпѣ? Ты положительно похожъ на расфрантившагося жида изъ Галиціи. А ты еще не хотѣлъ вернуться въ свѣтъ и посмотрѣть, что тамъ дѣлается!

— Чортъ возьми! Я начинаю вѣрить, что мы встрѣтимъ тамъ не одинъ сюрпризъ,—со смѣхомъ возразилъ Супрамати.

Позавтракавъ съ Дахиромъ, одѣтымъ въ такой же костюмъ, какъ Супрамати, всѣ трое вышли на подъѣздъ. На дворѣ ихъ дожидались фургонъ, запряженной парой, и изящный экипажъ безъ лошадей, кучеръ котораго сидѣлъ сзади на высокомъ сидѣніи.

Автомобиль, быстрѣе чѣмъ лошади, помчалъ нашихъ путешественниковъ къ небольшой станціи желѣзной дороги.

Пустынная мѣстность, окружавшая замокъ, не измѣнила своего вида, но деревни, которыя они при пріѣздѣ видѣли въ дали, необыкновенно разрослись, а высокія дымящіяся трубы указывали, что здѣсь возникли фабричные центры.

Станція тоже сильно измѣнилась. Изъ маленькаго строенія, затеряннаго въ окружавшемъ его просторѣ, она превратилась въ громадный вокзалъ, выстроенный исключительно изъ желѣза и стекла, и стояла теперь въ центрѣ нарядного городка, большіе дома и изящные, окруженные садами кетэджи котораго раскинулись далеко вокругъ.

Задумчивымъ и все болѣе и болѣе удивленнымъ взглядомъ смотрѣлъ Супрамати на то, что его окружало, и въ немъ съ каждой минутой крѣпло подозрѣніе, что онъ провелъ въ старомъ замкѣ гораздо больше времени, чѣмъ предполагалъ.

Первое время своего пребыванія въ Шотландіи, Супрамати получалъ и читалъ журналы, но затѣмъ, увлекаясь все болѣе и болѣе своими занятіями, онъ сталъ пренебрегать этимъ чтеніемъ. Политика потеряла для него всякій интересъ, свѣтскія событія, волновавшія общество, съ которымъ у него не было уже ничего общаго, сдѣлались для него безразличны и даже противны. Но въ настоящую минуту имъ овладѣло желаніе снова ознакомиться съ современной жизнью, и какъ только они вошли на вокзалъ, онъ сталъ искать глазами газетчика.

Газетчика нигдѣ не было. За то онъ увидѣлъ большой павильонъ, вращавшійся вокругъ своей оси. Въ каждомъ отдѣленіи, на которыя былъ раздѣленъ павильонъ, находились нумера нѣсколькихъ журналовъ. Внизу отдѣленій былъ устроенъ автоматическій аппаратъ, указывавшій цѣну журнала.

Минуту спустя, Супрамати держалъ въ рукахъ нумеръ «Таймса» и жадно искалъ глазами дату дня.

Вдругъ онъ поблѣднѣлъ и сложилъ газету. Нервная дрожь пробѣжала по его тѣлу. Онъ прочелъ: 30 сентября 1940 года, а въ старый замокъ онъ пріѣхалъ въ августѣ 1900 года. Слѣдовательно, со времени его прибытія въ Шотландію прошло сорокъ лѣтъ, а не четыре или пять, какъ онъ думалъ.

Возможно ли это? Не грезилъ ли онъ?

Супрамати не имѣлъ времени рѣшить этотъ вопросъ, такъ какъ въ эту минуту безъ шума, свиста и дыма къ платформѣ подошелъ поѣздъ, съ локомотивомъ совсѣмъ иной конструкціи. Такъ какъ остановка была очень коротка, Нара, повидимому нѣсколько не взволнованная, взяла мужа подъ руку и увлекла его къ одному изъ вагоновъ, куда всѣ трое и вошли поспѣшно.

Пораженный Супрамати безсильно опустился въ кресло и на минуту закрылъ глаза. У него кружилась голова. Онъ никакъ не могъ придти въ себя отъ волненія, перенесеннаго имъ, когда узналъ, что почти полвѣка прожилъ въ лабораторіи. Снова имъ овладѣло сомнѣніе.

Онъ поспѣшно вынулъ изъ кармана бумажникъ и сталъ въ немъ рыться. Супрамати помнилъ, что тамъ у него хранились нѣкоторыя бумаги, помѣченныя числомъ, относившимся ко времени его отъѣзда въ Шотландію. Первый листокъ, попавшій ему въ руки, оказался счетомъ на нѣсколько покупокъ, сдѣланныхъ имъ наканунѣ ихъ отъѣзда изъ Венеціи. Онъ сравнилъ дату счета съ датой газеты. Не могло быть ни малѣйшаго сомнѣнія: онъ незамѣтно для себя прожилъ сорокъ лѣтъ въ лабораторіи, и теперь ему уже семьдесятъ четыре года. Кто повѣритъ этому? Еще сегодня утромъ, одѣваясь, онъ любовался въ зеркалѣ своимъ юношескимъ видомъ. Впрочемъ, онъ зналъ, что его юность вѣчна, а въ сравненіи съ лѣтами Нары онъ былъ моложе грудного младенца. Однако, не смотря на столько протекшихъ вѣковъ, нѣжная красота его жены не потерпѣла никакого ущерба, и только глаза ея, задумчиво устремленные въ пространство, выдавали иногда утомленіе и разочарованіе долгой жизнью. Очевидно, работа сокращаетъ время и Нара была глубоко права, говоря, что для *безсмертныхъ* болѣе чѣмъ для всякаго другого человѣка, трудъ служитъ якоремъ спасенія.

Въ эту минуту Супрамати почувствовалъ какое-то теплое вѣяніе. Онъ поднялъ глаза и встрѣтилъ любящій взглядъ жены, которая улыбалась ему, грустно и лукаво.

Супрамати выпрямился. Онъ провелъ рукой по лбу, какъ бы желая отогнать докучныя мысли, и весело сказалъ:

— Простите меня, друзья, что я, не смотря на всѣ ваши уроки, никакъ не могу отдѣлаться отъ прежнихъ глупостей. Такой пустякъ, какъ быстро и незамѣтно пролетѣвшія сорокъ лѣтъ, причинилъ мнѣ головокруженіе и я съ ужасомъ высчиталъ, что мнѣ теперь уже семьдесятъ четыре года. Но вотъ все уже и прошло. Я снова нахожусь на высотѣ моего положенія и постараюсь какъ можно скорѣй ознакомиться съ дѣйствительностью. На будущее время я всегда буду стараться поддерживать сношенія съ міромъ, чтобы не казаться среди людей выходцемъ съ того свѣта.

— Всѣ мы въ первый разъ пережили такіе же сюрпризы и отлично понимаемъ тебя,—отвѣтилъ, смѣясь, Дахиръ.

— А теперь читай свою газету, чтобы хоть немного оріентироваться,—прибавила Нара.

Супрамати углубился въ чтеніе, но разобраться было гораздо труднѣе, чѣмъ онъ предполагалъ. Очевидно, глубокія перемѣны произошли въ политическомъ устройствѣ міра. Имена людей, управлявшихъ судьбами народовъ, были совершенно незнакомы Супрамати. Но что особенно ясно бросилось въ глаза ученому и будущему магу, такъ это тотъ неоспоримый фактъ, что болѣе чѣмъ когда нибудь *случай* царитъ на землѣ, что еще безпощаднѣе *сильный* гнететъ и эксплоатируетъ *слабаго* и что жестокій эгоизмъ давитъ общество, уравнивая всѣ положенія и выдвигая одно только божество —*золото*.

Въ Лондонѣ наши путешественники пробыли всего недѣлю. Дахиръ и Супрамати употребили это время на то, чтобы ознакомиться съ событіями, совершившимися въ теченіи протекшихъ сорока лѣтъ. Что же касается Нары, то она, казалось, была лучше освѣдомлена о всемъ и занялась разыскиваніемъ нѣкоторыхъ лицъ, судьбою которыхъ интересовалась.

Супрамати тоже хотѣлъ посѣтить свою бывшую квартиру, но древнее зданіе временъ Кромвеля исчезло, вмѣстѣ со своимъ садикомъ, уступивъ мѣсто колоссальному пятнадцати этажному дому; а самъ кварталъ, нѣкогда бывшій окраиной, очутился въ центрѣ громадной части города, разросшагося во всѣ стороны.

Клиника для душевно-больныхъ еще существовала, но была втрое больше, чѣмъ прежде, и переполнена больными, въ виду того, что случаи душевныхъ заболѣваній возрастали изъ года въ годъ въ пропорціяхъ, внушающихъ серьезныя опасенія. Какъ и слѣдо-

вало ожидать, никто, конечно, не помнилъ доктора Ральфа Моргана.

Супрамати пріобрѣлъ различные ученые труды и цѣлую коллекцію всевозможныхъ «Revue». Тщательно просмотрѣвъ пріобрѣтенныя книги, онъ быстро ознакомился съ историческими событіями, случившимися со времени его удаленія отъ свѣтской жизни, а также составилъ себѣ ясное представленіе о соціальномъ, коммерческомъ и религіозномъ состояніи общества въ ту минуту, когда онъ снова появился въ немъ.

Все, что онъ прочелъ, произвело на него невыразимо тяжелое и тягостное впечатлѣніе, такъ какъ все ясно говорило о паденіи человѣчества, которое, обезумѣвъ отъ пороковъ и жадности, неудержимо, казалось, стремилось къ своей гибели.

Нѣсколько гуманныхъ попытокъ погасить пламя войны кончились полной неудачей. Два раза міръ былъ залитъ кровью и усыпанъ трупами. Въ одну изъ этихъ губительныхъ компаній, побѣжденная Англія потеряла часть своихъ колоній, къ выгодѣ Америки, которая, подобно пауку, всюду протягивала нити своей ненасытной алчности.

Торгъ во всѣхъ видахъ служилъ центромъ, вокругъ котораго вращались всецѣло интересы человѣчества. *Золото* — самая ужасная изъ дьявольскихъ силъ, — вышло изъ мрака и открыто, полновластно царило, какъ единственный кумиръ вселенной; подрыло троны расшатало церковь, уничтожило нравственность, замѣнило справедливость грубымъ насиліемъ богатства. Самыя грязныя руки, если онѣ были только вооружены золотомъ, могли безотвѣтственно осквернять самые чистые алтари и глумиться надъ всякимъ правомъ и честью.

По мѣрѣ того, какъ развертывалась эта печальная картина и яснѣе вырисовывались всѣ ея подробности, все болѣе и болѣе глубокая грусть овладѣвала Супрамати.

Наканунѣ отъѣзда изъ Лондона, прочтя отчетъ о нѣсколькихъ процессахъ, въ которыхъ продажность суда и безстыдная несправедливость бросались въ глаза, Супрамати съ отвращеніемъ оттолкнулъ книги и журналы, съ ужасомъ спрашивая себя, къ чему все это приведетъ?

Вдругъ ему вспомнилось древнее предсказаніе, сдѣланное однимъ магомъ, которое онъ прочелъ въ очень древней магической рукописи. Въ его памяти почти дословно возстали пророческія слова:

«Изъ нѣдръ земли явится демонъ, который сдѣлается могущественнымъ союзникомъ *зла*. Онъ будетъ желтъ и блестящъ; а его видъ и ароматъ будутъ возбуждать самыя низкія страсти.

«Неудержимо станетъ онъ скользить между рукъ людей, задерживаясь только у нѣкоторыхъ. Тамъ, гдѣ онъ остановится, будетъ изобиліе удовольствій, наслажденій, и почестей, но тамъ же очерствѣютъ человѣческія сердца, а божественный огонь угаснетъ подъ тяжелой рукой демона, девизъ котораго будетъ: «Наслажденіе во что-бы то ни стало»!

«Затѣмъ наступитъ время, когда, наскучивъ жить лишь у своихъ избранныхъ, этотъ ужасный неуловимый демонъ появится на общественной аренѣ, ища могущества, почестей и обожанія.

«Возведенный на тронъ своими адептами и поданными, онъ все покоритъ, все купитъ и насмѣется надъ общимъ уничиженіемъ.

«Въ своей безмѣрной гордости, не сдерживаемый никакой уздой, безсовѣстный демонъ потребуетъ, чтобы добродѣтели пали ницъ передъ нимъ, а великія истины служили бы ему, какъ рабы. Онъ будетъ грозить гнѣвомъ своимъ подданнымъ, если они не приведутъ къ нему осмѣянную, загрязненную добродѣтель, нѣкогда столь почитавшуюся.

«И воля его исполнится. Правосудіе, покрытое грязью, съ полнымъ золотой пѣной ртомъ, связанное грязнымъ руками, потеряетъ способность провозглашать истину и безпристрастно судить. *Любовь*, извращенная и продажная превратится въ отвратительный развратъ и ей будутъ плевать въ лицо; *милосердіе* сдѣлается просто предлогомъ для злоупотребленій, условнымъ терминомъ, чтобы выманивать подачки и пособія у глупцовъ; наконецъ, *вѣра* —эта божественная утѣшительница— гонимая и осмѣянная, не будетъ больше озарять лучемъ надежды истерзанныя сердца и лица, искаженныя сомнѣніемъ, возмущеніемъ и безпорядочными страстями.

«Въ эту эпоху золотой телецъ будетъ царить надъ міромъ, а у его ногъ будетъ пресмыкаться униженное человѣчество.

«Тогда настанетъ минута, когда истинному Богу, Создателю вселенной, наскучатъ столькія преступленія, и Онъ возстанетъ на обманщика, который отвергъ Его, занялъ Его мѣсто, говорилъ отъ Его имени и насмѣялся надъ Его свѣтлыми служителями.

«И гнѣвъ Божій обрушится на это двуногое стадо, и голосъ, подобно грому, прогремитъ въ безконечномъ пространствѣ:

«Если золотой демонъ, безумные, составляетъ для васъ все, то оставайтесь съ нимъ и наслаждайтесь его дарами; все же то, что Я далъ вамъ — Я же и отниму отъ васъ.

«И Господь созоветъ всѣ свои творенія, не поклонявшихся демону, и спроситъ ихъ, хотятъ ли они остаться на землѣ или предпочитаютъ слѣдовать за Нимъ.

«Тогда спрошенныя существа воскликнутъ со слезами:

— «Уведи насъ, Господи! Тебѣ Единому мы поклоняемся и надѣемся только на Твое милосердіе. Демонъ—это нашъ врагъ и преслѣдователь. Онъ всюду хватаетъ насъ и губитъ.

«И начнется великое переселеніе. Птицы, рыбы, домашній скотъ и дикіе звѣри—все, что населяло воздухъ, воды, лѣса и равнины, все, что питало, одѣвало и развлекало людей, исчезнетъ съ земли. Затѣмъ исчезнутъ цвѣты, деревья и зеленая трава; за ними послѣдуютъ источники водъ и рѣки. Всѣ они убѣгутъ и найдутъ пріютъ въ лонѣ Предвѣчнаго. А безплодная земля обратится въ пустыню, гдѣ будутъ надменно красоваться великолѣпные дворцы, полные сокровищъ, но не будетъ насущнаго хлѣба.

«Тогда, при видѣ надвигающейся со всѣхъ сторонъ смерти, крикъ ужаса вырвется изъ груди преступнаго человѣчества. Человѣчество воззоветъ къ демону, но тотъ останется глухъ къ его жалобамъ и упрекамъ, такъ какъ онъ былъ великъ, могущественъ и насмѣшливъ только до тѣхъ поръ, пока эксплоатировалъ созданную Богомъ природу, пока пользовался и злоупотреблялъ Его твореніями.

«Доведенные до отчаянія люди будутъ кататься по слиткамъ золота, но тщетно будутъ они искать пищи; а безстрастный и безпощадный демонъ будетъ глумиться надъ ихъ безсиліемъ. Они же, все продавшіе и унижавшіеся ради горсти золота, не будутъ умѣть даже молиться. Господь же, видя Свои храмы пустыми, а Свое Имя забытымъ, не смягчитъ Своего гнѣва и предастъ неблагодарный родъ сей жестокой смерти, которую тотъ самъ себѣ приготовилъ»...

Супрамати вздохнулъ. Это предсказаніе вполнѣ сходилось съ пророчествомъ, сдѣланнымъ Эбрамаромъ; а все, что онъ читалъ и изучалъ, ясно доказывало ему, что люди быстро стремятся къ предсказанной гибели. И ему суждено было быть очевидцемъ этой ужасной катастрофы, этой страшной агоніи цѣлаго міра!

— О предатель Нарайяна! И зачѣмъ только выпилъ я соблазнительный кубокъ жизни!—пробормоталъ Супрамати.

На слѣдующій день, вечеромъ, наши путешественники прибыли въ Парижъ и ожидавшій экипажъ быстро доставилъ ихъ во дворецъ Супрамати.

Электричество заливало улицы почти дневнымъ свѣтомъ. Надъ улицами, по воздушнымъ рельсамъ, бѣгали небольшіе поѣзда, пе-

реполненные публикой и всюду высились пятнадцати и двадцати этажные дома. Очевидно, лихорадочная дѣятельность большого города еще больше возросла.

Супрамати и Дахиръ рѣшили на слѣдующій же день сдѣлать прогулку по городу, чтобы основательно изучить новую физіономію Парижа. Въ Лондонѣ они мало выходили изъ дома, занимаясь главнымъ образомъ чтеніемъ, предназначавшимся для оріентировки въ новомъ мірѣ, въ который они вступали.

Дворецъ Супрамати нисколько не измѣнился, и изъ-за его стѣнъ попрежнему виднѣлась пожелтѣвшая зелень вѣковыхъ деревьевъ. Старое зданіе имѣло теперь странный, древній видъ и выглядывало какимъ-то анахронизмомъ среди колоссальныхъ сооруженій, давившихъ его со всѣхъ сторонъ.

Многочисленная прислуга собралась для встрѣчи господъ, но это были все новыя лица. Всѣ эти слуги, очевидно, имѣли большую претензію на изящныя манеры. Кромѣ того, начиная съ лакея, съ достоинствомъ кланявшагося, и кончая одѣтой въ шелковое платье, съ часами и кольцами на рукахъ камеристкой, которая привѣтствовала Нару придворнымъ реверансомъ, всѣ слуги, казалось, соблюдали между собой строгую іерархію.

Приказавъ, чтобы ужинъ былъ поданъ какъ можно скорѣй, Супрамати прошелъ въ свою комнату переодѣться; но скоро онъ опять вышелъ въ столовую, гдѣ, не безъ удивленія, увидѣлъ какого-то господина, который очевидно былъ дворецкимъ, но имѣлъ видъ чиновника министерства. Господинъ этотъ распоряжался дюжиной молодыхъ людей, которые распаковывали корзины и передавали слугамъ готовыя блюда изысканнаго ужина.

— Отчего приносятъ кушанья въ корзинахъ? Развѣ поваръ не былъ предупрежденъ во-время о нашемъ пріѣздѣ?—спросилъ Супрамати.

Господинъ съ легкимъ удивленіемъ посмотрѣлъ на него, а потомъ отвѣтилъ съ низкимъ поклономъ:

— Развѣ ваша свѣтлость не знаетъ, что даже такія богатыя лица, какъ вы, не могутъ болѣе держать поваровъ? Этой категоріи домашней прислуги уже не существуетъ больше. Есть профессора гастрономіи, управляющіе пищевыми фабриками, которые и снабжаютъ все населеніе кушаньями.

— Правда! Проживъ долго въ Индіи, гдѣ все такъ консервативно, я еще не успѣлъ познакомиться съ новыми обычаями

Парижа. Много ли такихъ фабрикъ? Какимъ образомъ онѣ удовлетворяютъ публику?—съ улыбкой спросилъ Супрамати.

— Фабрики эти, ваша свѣтлость, бываютъ трехъ родовъ: для кухни аристократической, буржуазной и народной. Профессора гастрономіи, управляющіе заведеніями первой категоріи, получаютъ сто тысячъ франковъ, второй—шестьдесятъ, а третьей—сорокъ, но и ихъ помощники также хорошо оплачены. Меню завтраковъ, обѣдовъ и ужиновъ печатаются каждое утро, а указанныя блюда прямо доставляются абонентамъ при помощи пневматическихъ проводовъ. По причинѣ отсутствія вашей свѣтлости, дворецъ вашъ еще не снабженъ такими проводами. Поэтому я приказалъ доставить ужинъ носильщикамъ. Мой контрактъ обязываетъ меня наблюдать за всѣмъ, что относится до сервировки и стола вашей свѣтлости. Остальное до меня не касается.

— Все это прекрасно! Но отчего я вижу здѣсь столько лакеевъ? Мнѣ кажется ихъ слишкомъ много для того, чтобы служить намъ троимъ.

— Это кажется только съ перваго взгляда. Каждый изъ этихъ лакеевъ—спеціалистъ, окончившій курсъ по своей спеціальности. Одинъ, напримѣръ, занимается только напитками и долженъ знать, какое вино соотвѣтствуетъ какому блюду. Кромѣ того, принято, чтобы въ высокопоставленныхъ домахъ всегда были двѣ смѣны прислуги, въ виду того, что пріемы, многочисленность гостей и необходимость вставать рано, а ложиться поздно, дѣлаютъ службу крайне утомительною и очень трудно найти людей, которые согласились бы принять на себя такой тяжелый трудъ. Ваша свѣтлость, надѣюсь, ничего не имѣете противъ того, что я прибѣгнулъ къ обычному способу?

— Напротивъ, я желаю, чтобы все дѣлалось сообразно принятому обычаю.

Въ эту минуту въ столовую вошелъ Дахиръ, а за нимъ Нара, и всѣ трое сѣли за столъ.

Ужинъ былъ великолѣпно приготовленъ, но состоялъ почти исключительно изъ мясныхъ блюдъ, такъ что наши путешественники, отвыкнувъ отъ животной пищи, не могли рѣшиться ихъ ѣсть.

— На будущее время, позаботьтесь Гроспэнъ, чтобы намъ подавали вегетаріанскія блюда. Надѣюсь, что ихъ можно получить на пищевой фабрикѣ?—сказалъ Супрамати, обращаясь къ дворецкому, который съ важнымъ видомъ руководилъ прислугой.

— Безъ сомнѣнія, ваша свѣтлость! Съ завтрашняго же дня ваше приказаніе будетъ исполнено. Это тѣмъ легче сдѣлать, что большая часть населенія вегетаріанцы, такъ какъ количество скота и дичи уменьшается съ ужасающей быстротой.

— Почему? Развѣ больше не занимаются скотоводствомъ и птицеводствомъ?

— Причины пока не выяснены, но фактъ—несомнѣненъ; дичь уменьшается и сдѣлалась необыкновенно рѣдка, а нѣкоторые виды рыбъ совершенно исчезли.

Супрамати обмѣнялся многозначительными взглядами съ Дахиромъ и женой. Симптомы *гнѣва Божьяго* стали, значитъ, уже проявляться...

Супрамати съ женой очень поздно легли спать. Видъ комнатъ, которыя онъ занималъ, когда начиналъ новую жизнь «безсмертнаго», и многочисленныя вещи, напоминавшія различные случаи во время его пребыванія здѣсь, вызвали веселый и оживленный разговоръ. Нара не безъ лукавства спросила Супрамати, не думаетъ ли онъ розыскать свою бывшую пассію,—Пьеретту,—и даже предложила ему воспользоваться магическимъ зеркаломъ, чтобы онъ могъ легче найти ея соперницу.

— Злая! Въ настоящее время соперница не можетъ быть опасна. Что же касается магическаго зеркала, то я не хочу имъ пользоваться въ своихъ поискахъ. Забудемъ на время и наши занятія, и магію, а будемъ прибѣгать только къ обыкновеннымъ человѣческимъ средствамъ. Завтра же наведу справки о бѣдномъ виконтѣ де-Лормейль, который за это время долженъ былъ надѣлать много долговъ, о Пьереттѣ, о Лиліанѣ и о доброй Розали. Сопровождать себя я прикажу моему секретарю, который явится завтра.

— Онъ будетъ вѣроятно имѣть видъ, по крайней мѣрѣ, министра,—со смѣхомъ замѣтила Нара.

На слѣдующее утро явился секретарь, скромный и симпатичный молодой человѣкъ, очень понравившійся Супрамати и тотъ взялъ его съ собой въ экскурсію. Кромѣ того, ему нужно было побывать въ различныхъ банкахъ, чтобы свести счеты и взять сумму, которую считалъ необходимой.

На этотъ разъ они ѣхали на лошадяхъ. Отъ своего управляющаго Супрамати узналъ, что онъ владѣетъ превосходной конюшней, но что этотъ способъ передвиженія является теперь только прихотью знатныхъ господъ.

По мѣрѣ того, какъ они проѣзжали по хорошо знакомымъ ему

улицамъ, Супрамати все больше убѣждался, какой громадный шагъ впередъ сдѣлали роскошь и комфортъ. Всюду дѣйствовали электричество и паръ, а машины сдѣлали почти ненужнымъ трудъ человѣка. А между тѣмъ, люди не казались счастливѣе: блѣдныя и истощенныя лица, истрепанныя одежды и всѣ признаки нищеты встрѣчались на каждомъ шагу.

— Великій Боже! Сколько бѣдноты! Неужели не стараются помочь бѣдѣ, или общественная благотворительность не въ силахъ облегчить участь несчастныхъ?—спросилъ Супрамати.

— Общественная благотворительность, ваша свѣтлость, совершенно не въ силахъ бороться съ ужасающей нищетой, а соціальный вопросъ обострился больше чѣмъ когда-нибудь,—отвѣтилъ секретарь.— Капиталы финансистовъ и промышленниковъ достигли колоссальныхъ размѣровъ. Жизнь страшно вздорожала, а предметы самой первой необходимости достигли неслыханныхъ цѣнъ. Люди средняго состоянія уже не могутъ жить, какъ прежде, и поэтому борьба за существованіе сдѣлалось безпощадной. Одинъ Господь знаетъ, что готовить намъ будущее!

Въ эту минуту они проѣзжали мимо собора Богоматери. Древній соборъ имѣлъ заброшенный видъ и двери его были заперты.

— Отчего соборъ запертъ?—спросилъ Супрамати.

— Соборъ всегда запертъ, во избѣжаніе кощунства или святотатства. Кромѣ того, Божественная служба совершается только по воскресеньямъ и большимъ годовымъ праздникамъ; но притомъ, совершается, какъ говорится, за семью замками.

— Но по какимъ же причинамъ дѣлается все это?

— По многимъ, ваша свѣтлость! Во-первыхъ, публичное отправленіе христіанскаго культа воспрещено. Причтъ, не получающій болѣе отъ государства содержанія, сдѣлался малочисленнѣе; число вѣрныхъ тоже уменьшается изъ года въ годъ.

— Всѣхъ обуяло «свободомысліе»?—спросилъ усмѣхаясь Супрамати.

— Не совсѣмъ. У насъ безчисленное количество сектъ. Будисты очень многочисленны и имѣютъ много храмовъ. Что же касается до синагогъ, то одинъ Парижъ насчитываетъ ихъ около двухсотъ. Очевидно, восточные народы крѣпче держатся своихъ религій, чѣмъ мы,—съ горечью закончилъ секретарь.

Ваши слова заставляютъ меня предполагать, что вы принадлежите къ числу ревностныхъ христіанъ.

— Да, ваша свѣтлость! Я принадлежу къ древней семьѣ,

которая остается твердой въ вѣрѣ своихъ отцовъ и прежнихъ основахъ вѣроученія. Такія семейства еще встрѣчаются, но ихъ очень мало.

Только на слѣдующій день Супрамати сталъ разыскивать своихъ прежнихъ знакомыхъ.

Прежде всего, онъ навелъ справки о Розали Беркэнъ. Она умерла лѣтъ пятнадцать тому назадъ, но ее помнили въ кварталѣ и, очевидно, жалѣли эту скромную благодѣтельницу бѣдныхъ.

Ни о Пьереттѣ, ни о Лормейлѣ Супрамати ничего не могъ узнать. Отель виконта уже лѣтъ двадцать какъ былъ проданъ за долги и съ тѣхъ поръ онъ самъ исчезъ.

Всѣ попытки найти кого-нибудь изъ прежнихъ знакомыхъ были также безплодны. Супрамати уже отчаявался найти какую-нибудь живую нить, которая связывала бы его съ прошлымъ, какъ вдругъ узналъ въ артистическомъ клубѣ, что бывшій теноръ, Пэнсонъ, былъ еще живъ и получаетъ пенсію отъ общества драматическихъ и оперныхъ артистовъ.

Супрамати взялъ адресъ и тотчасъ же отправился въ отдаленное предмѣстье, гдѣ жилъ Пэнсонъ.

Ѣхать Супрамати пришлось далеко. Мѣстожительство бывшаго тенора находилось въ предмѣстьѣ Парижа. Здѣсь встрѣчались еще маленькіе домики, окруженные садами, что придавало этой окраинѣ деревенскій и патріархальный видъ.

Здѣсь жилъ скромный и работящій людъ: небогатые или отставные служащіе, гувернантки, приказчики и конторщицы. Каждое утро цѣлый рой велосипедовъ уносилъ весь этотъ народъ въ большой городъ, на ихъ дневныя занятія.

Домикъ, гдѣ жилъ Пэнсонъ, стоялъ уединенно, а садъ при немъ былъ окруженъ высокой стѣной. Дверь Супрамати открыла молодая дѣвушка. Сначала она объявила, что ея дѣдушки нѣтъ дома, но, окинувъ взглядомъ изящнаго посѣтителя и его великолѣпный экипажъ, она пригласила Супрамати войти, прося подождать, пока она предупредитъ дѣдушку.

— Я попросилъ бы васъ, сударыня, указать мнѣ только, гдѣ находится господинъ Пэнсонъ. Я его старый знакомый и хотѣлъ бы сдѣлать ему сюрпризъ.

Дѣвушка провела его въ садъ, большая часть котораго была занята огородомъ. Указавъ ему мужчину, одѣтаго въ нанковый жакетъ, съ большой соломенной шляпой на головѣ, она сказала:

— Вотъ дѣдушка!

Затѣмъ она скромно удалилась.

Подойдя ближе, Супрамати увидѣлъ, что прежній пѣвецъ былъ занятъ срѣзываніемъ артишоковъ. Большая корзина стоявшая около него, была уже наполнена огурцами, кочнями капусты и другими овощами.

Не смотря на свои восемьдесятъ лѣтъ, это былъ еще очень бодрый и сильный старикъ.

При видѣ посѣтителя, онъ пошелъ ему на встрѣчу, и вдругъ попятился, глухо вскрикнувъ. Садовый ножъ выпалъ у него изъ рукъ.

— Что же, Пэнсонъ? Я испугалъ васъ, или вы меня не узнали?—спросилъ Супрамати, улыбаясь и протягивая ему руку.

— Клянусъ Бахусомъ! Я думаю, что узналъ васъ. Такихъ людей, какъ вы, не забываютъ! Если же вы меня и испугали, то въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Вотъ уже,—да проститъ меня Господь,—прошло сорокъ лѣтъ, какъ мы не видались; слѣдовательно, по законамъ природы, вамъ должно было бы быть лѣтъ семьдесятъ, а я знаю, какъ тяжело ложатся на плечи такіе года. Вы же остались такимъ, какимъ и были — красивымъ тридцатилѣтнимъ молодымъ человѣкомъ. Послѣ этого, если вы и не самъ дьяволъ, то, во всякомъ случаѣ, должны были получить отъ него средство, чтобы не старѣть.

— О! Въ моей наружности дьяволъ не причемъ. Только мы, индусы, старѣемъ не такъ быстро,—со смѣхомъ отвѣтилъ Супрамати.

Видимо польщенный этимъ посѣщеніемъ, артистъ отвелъ своего гостя на небольшую, прилегавшую къ дому террасу, и до тѣхъ поръ не успокоился, пока не угостилъ его стаканомъ вина и сигарой.

Говорили о прошломъ и настоящемъ. Супрамати сталъ разспрашивать о различныхъ лицахъ, знакомыхъ имъ обоимъ. Большая часть изъ нихъ уже перемерла, когда же рѣчь зашла о виконтѣ, лицо старика омрачилось.

— О, да! Я знаю, что съ нимъ случилось. На свое несчастье, онъ еще живъ, но не думаю, чтобы долго протянулъ. Вашъ пріѣздъ для него — истинное благодѣяніе; я знаю вашу щедрость. Разъ вы его разыскиваете, то, конечно, облегчите его послѣдніе дни.

— Таково, дѣйствительно, мое намѣреніе. Но по какому стеченію обстоятельствъ онъ впалъ въ нищету? Гдѣ живетъ онъ?

— Здѣсь недалеко, во флигелѣ одного домика, гдѣ одна благодѣтельница вдова даетъ убѣжище бѣднякамъ той же категоріи, т. е. я хочу сказать,—раззорившимся свѣтскимъ людямъ. Вы, вѣроятно, помните, что Лормейль любилъ хорошо пожить и при томъ еще былъ игрокъ. Передъ своимъ отъѣздомъ вы щедро наградили его; но въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ онъ снова все спустилъ, а кредиторы продали его имущество, и онъ остался, такимъ образомъ, на улицѣ.

Всѣ отвернулись отъ него, такъ какъ онъ былъ скомпрометированъ въ нѣкоторыхъ неблаговидныхъ поступкахъ. Съ тѣхъ поръ онъ велъ довольно темную жизнь: былъ крупье въ Манако, затѣмъ служилъ агентомъ въ какомъ-то страховомъ обществѣ, и наконецъ, былъ клакеромъ. Однимъ словомъ, спускаясь со ступеньки на ступеньку, онъ дошелъ до нищеты и, совершенно больнымъ, былъ подобранъ благотворительницей, о которой я вамъ говорилъ.

Все это я узналъ случайно и навѣстилъ его. Съ тѣхъ поръ, мы, по мѣрѣ нашихъ силъ, помогаемъ ему, такъ какъ онъ нуждался положительно во всемъ. Моя дочь и внучка каждый день носили ему супъ и изъ двухъ старыхъ юбокъ сшили ему халатъ. Мы сами не имѣемъ лишняго, но очень ужъ тяжело видѣть въ такомъ положеніи человѣка, знавшаго лучшіе дни.

Жалость и участіе сжали сердце Супрамати.

— Далеко это отсюда? Не будете-ли вы любезны проводить меня къ виконту?

— Это въ двухъ шагахъ и я съ удовольствіемъ провожу васъ,—любезно отвѣтилъ Пэнсонъ.

Полчаса спустя, оба они вошли въ полуразвалившійся домикъ и темнымъ, узкимъ корридоромъ прошли въ грязную и сырую комнату. Вся меблировка состояла изъ стараго стола, двухъ деревянныхъ скамеекъ и грубой кровати, на которой лежало человѣческое существо, покрытое какимъ-то истасканнымъ одѣяломъ.

— О, несчастный!—подумалъ Супрамати, вспоминая роскошную квартиру изящнаго кутилы.

Подойдя къ кровати, Супрамати наклонился надъ человѣкомъ, лежавшимъ съ закрытыми глазами. Взглядомъ врача онъ сразу опредѣлилъ, что передъ нимъ лежитъ умирающій; но Супрамати никогда не узналъ бы Лормейля въ этомъ изсохшемъ скелетѣ, обтянутымъ кожей, похожей на пергаментъ и изборожденной глубокими морщинами.

— Виконтъ!—сказалъ онъ, дотрагиваясь до похолодѣвшей руки умирающаго.

При звукѣ этого звучнаго и металлическаго голоса, Лормейль вздрогнулъ и выпрямился, точно подъ дѣйствіемъ гальваническаго тока. Съ минуту потускнѣвшіе и стеклянные глаза его недоумѣвающе смотрѣли на Супрамати, а затѣмъ вспыхнули радостнымъ огнемъ. Протянувъ къ нему свои дрожащія руки, виконтъ вскричалъ, дрожа всѣмъ тѣломъ:

— Супрамати! Мой великодушный покровитель!..

— Мой бѣдный другъ! Какъ я жалѣю, что не пріѣхалъ раньше, или по крайней мѣрѣ не зналъ, что вы такъ несчастны. Но не отчаявайтесь: все перемѣнится и я приму мѣры, чтобы ваша жизнь была бы окружена покоемъ и комфортомъ.

Выраженіе глубокой горечи скользнуло по блѣдному лицу умирающаго.

— Благодарю васъ, Супрамати, за великодушныя намѣренія: но въ этомъ мірѣ мнѣ нуженъ только гробъ. Я преступно расточилъ свою жизнь и свое добро—и былъ жестоко наказанъ за это такой долгой жизнью и неслыханной нищетой. Я терпѣлъ голодъ и холодъ, ночевалъ по большимъ дорогахъ, просилъ милостыню и питался корками, которыя бросали собакамъ...

Судорожныя рыданія помѣшали ему говорить, но, быстро овладѣвъ собою, онъ продолжалъ хриплымъ и отрывистымъ голосомъ:

— Умереть... умереть... Я только этого и жажду. Послушайте, Супрамати! Если ужъ вы хотите оказать мнѣ послѣднее благодѣяніе, то прикажите прилично похоронить меня, чтобы мое тѣло не бросили бы въ общую могилу.

Глубоко взволнованный Супрамати крѣпко пожалъ руку виконта.

— Клянусь вамъ въ этомъ! Если же вы имѣете еще какое-нибудь желаніе относительно вашего погребенія, то выскажите мнѣ его и я все исполню въ точности.

— Благодарю васъ! Въ такомъ случаѣ я желалъ бы быть похороненнымъ на кладбищѣ въ моемъ помѣстьѣ. Тамъ, въ этомъ холщевомъ мѣшкѣ, вы найдете бумаги, содержащія необходимыя указанія. Въ этомъ имѣніи я родился, тамъ находятся могилы моихъ родителей и...

Голосъ старика перешелъ въ шопотъ, лицо мертвенно поблѣднѣло и, охваченный внезапною слабостью, онъ опрокинулся на кровать.

Супрамати сочувственно и видимо что-то соображая, смотрѣлъ на виконта. Онъ испытывалъ глубокую жалость къ этому грѣшнику, такъ жестоко наказанному и, въ то же время, у него мелькнуло желаніе спасти его при помощи нѣсколькихъ капель элексира жизни. Онъ тоже былъ умирающимъ—и вотъ къ нему явился незнакомецъ, спасъ его и сдѣлалъ богатымъ, независимымъ и ученымъ. Можетъ быть и виконтъ, очищенный страданіемъ, раскается и тоже сдѣлается изслѣдователемъ.

Никакой законъ, никакое условіе не запрещало адепту и обладателю первоначальной эссенціи пользоваться ею по своему усмотрѣнію и расширять цѣпь членовъ братства. Дахиръ говорилъ ему, что никакой отвѣтственности не падаетъ на того, кто, «подъ вліяніемъ великодушнаго порыва или жалости», обезсмертитъ людей, часто взятыхъ наудачу, безъ всякаго выбора.

Супрамати уже опустилъ руку въ карманъ, чтобы достать крошечный флаконъ съ таинственнымъ веществомъ, какъ вдругъ новая мысль остановила его.

„Дѣйствительно ли онъ окажетъ благодѣяніе виконту, если дастъ ему безконечную жизнь? Что если, оказавшись неспособнымъ къ серьезному труду, онъ, будучи здоровымъ и обладателемъ громаднаго состоянія, снова впадетъ въ свои прежніе пороки и сдѣлается вторымъ Нарайяной, еще болѣе презрѣннымъ и мелочнымъ, чѣмъ первый? Не былъ ли виконтъ истиннымъ представителемъ типа лѣниваго и развращеннаго люда, который живетъ только для наслажденія и готовъ лобызать всякую, самую грязную руку, если только та даетъ ему золото? Нѣтъ! Мудръ—законъ, уносящій въ загробную жизнь порочныя и безполезныя существа.

Всѣ эти размышленія, которыя такъ долго описывать, длились всего нѣсколько секундъ. Бросивъ послѣдній взглядъ на почти неподвижно лежавшее передъ нимъ тѣло, Супрамати повернулся и съ глубокимъ вздохомъ вышелъ изъ комнаты.

Прежде, чѣмъ сѣсть въ экипажъ, Супрамати поблагодарилъ Нэнсона, попросилъ его нанять для виконта приличное помѣщеніе и сдѣлать все для облегченія его послѣднихъ минутъ; онъ просилъ его также взять бумаги виконта, чтобы можно было исполнить послѣднее желаніе несчастнаго и похоронить его рядомъ съ его родителями. Отставной пѣвецъ принялъ порученіе и обѣщалъ извѣстить его, какъ только виконтъ скончается, что не могло долго заставить себя ждать.

Съ тяжелымъ сердцемъ направился Супрамати домой. Не смотря

на убѣжденіе, что онъ поступилъ хорошо, ему казалось, будто онъ подписалъ смертный приговоръ, и это тяжелое впечатлѣніе давило его весь остальной день.

Только вечеромъ, оставшись наединѣ съ Нарой, онъ разсказалъ ей, въ какомъ положеніи нашелъ виконта и все, что перечувствовалъ и передумалъ по этому случаю.

Молодая женщина, задумчиво и печально слушавшая мужа, дружески пожала ему руку.

— Ты хорошо поступилъ, Супрамати, и не можешь упрекать себя за то, что не сохранилъ безполезную и преступную жизнь, на несчастье самому этому человѣку, совершено неспособному къ тяжелому испытанію почти вѣчной жизни.

Не забывай, что не желая быть такимъ же, какъ Нарайяна, необходимо настойчиво трудиться и разрѣшить тяжелую проблэму: *спиритуализоваться заживо.*

По правдѣ сказать, наша судьба ужасна, и адептамъ не слѣдуетъ слишкомъ увеличивать нашихъ рядовъ. У меня самой лежитъ на совѣсти нѣсколько подобныхъ грѣховъ, но я давала эссенцію жизни только людямъ полезнымъ и трудящимся, которые настойчиво и энергично поднимаются по узкой тропинкѣ прогресса. А ты, не подумавшій сохранить для бѣдныхъ полезную жизнь М-ппе Розали — ты оплакиваешь, что не далъ безсмертія негодяю!

— Это же самое говорилъ я самъ себѣ. Но не знаю, почему мнѣ было такъ тяжело видѣть, какъ умираетъ этотъ человѣкъ, когда я зналъ, что отъ меня зависитъ спасти его.

— Ты оказалъ бы ему очень плохую услугу. Безконечная жизнь иногда бываетъ невыносимой казнью для людей, неспособныхъ приспособиться къ ея необыкновеннымъ условіямъ.

По этому поводу, мнѣ вспомнился одинъ эпизодъ, который я сейчасъ разскажу тебѣ и виновникомъ котораго былъ Нарайяна, неисправимый въ своемъ преступномъ легкомысліи, не смотря на все, что онъ зналъ и видѣлъ изъ тайнъ жизни.

То, что я хочу тебѣ разсказать, произошло около 1340 или 1350 года. Мы провели съ Нарайяной нѣсколько мѣсяцевъ въ Италіи и направлялись въ Баварію, гдѣ онъ владѣлъ небольшимъ замкомъ, отъ котораго теперь не осталось и слѣда. Тамъ Нарайяна намѣревался заняться нѣкоторыми магическими опытами вмѣстѣ съ однимъ изъ *нашихъ*, жившимъ въ окрестностяхъ.

Хотя мы и пользовались всѣмъ комфортомъ, доступнымъ въ ту эпоху, тѣмъ не менѣе, путешествовали крайне медленно, такъ

какъ дороги были отвратительны и на ночь приходилось останавливаться.

Однажды, проѣзжая по Тиролю, мы захвачены были ужасной грозой и очутились въ страшномъ затрудненіи, такъ какъ, насколько намъ было извѣстно, нигдѣ по близости не было никакого жилища. Вдругъ одинъ изъ конюшихъ, уроженецъ страны, предложилъ намъ проводить насъ въ небольшой замокъ, находившійся недалеко, но стоявшій въ сторонѣ отъ большой дороги.

Нарайяна съ радостью согласился и тотъ повелъ насъ крутыми окольными тропинками въ уединенную долину къ небольшому замку, лѣпившемуся на скалѣ.

Мы были приняты съ распростертыми объятіями владѣльцами замка, людьми простыми, добрыми и гостепріимными.

Все семейство состояло изъ рыцаря, его жены, троихъ дѣтей и нѣсколькихъ слугъ патріархальнаго вида.

Во время завязавшагося послѣ ужина разговора, Нарайяна сталъ разспрашивать рыцаря про жизнь и желанія, какія имѣетъ онъ самъ и его жена.

Супруги отвѣтили, что чувствуютъ себя вполнѣ счастливыми. Прекрасный виноградникъ даетъ имъ достаточно вина, съ полей они снимаютъ необходимый хлѣбъ, замокъ по своей солидности и положенію вполнѣ безопасенъ, дѣти добры и здоровы, владѣлица замка — образецъ жены и хозяйки и, наконецъ, слуги — все люди честные и преданные.

— Господь, по добротѣ своей, все даровалъ намъ. Одно, что безпокоитъ насъ, такъ это то, что время все это измѣнитъ, что мы и наши слуги состаримся, что дѣти выростутъ и оставятъ наше гнѣздо и что смерть насъ разлучитъ. Если бы по какому-нибудь чуду, все могло безконечно оставаться въ такомъ же положеніи, если бы ни смерть, ни старость не грозили намъ — то всѣ наши желанія были бы исполнены, — со смѣхомъ закончилъ добрый рыцарь.

Я замѣтила странную улыбку, скользнувшую по лицу Нарайяны, но сразу не обратила на это никакого вниманія. Даже позже, когда онъ рылся въ багажѣ, у меня не зародилось никакого подозрѣнія.

По просьбѣ нашихъ хозяевъ, мы отложили свой отъѣздъ до слѣдующаго дня. Рѣшено было, что мы уѣдемъ послѣ обѣда. Когда Нарайяна, садясь за столъ, объявилъ, что и онъ въ свою очередь хочетъ угостить любезныхъ хозяевъ несравненнымъ виномъ,

какого они, безъ сомнѣнія, никогда не пили, мною овладѣло предчувствіе и я сдѣлала ему по-гречески замѣчаніе.

Нарайяна мнѣ ничего не отвѣтилъ, но со своимъ обычнымъ упрямствомъ тотчасъ же взялъ принесенную бутылку и наполнилъ кубки всѣхъ обѣдающихъ, не исключая дѣтей. Кромѣ того, онъ попросилъ позволенія угостить и слугъ, что ему и было любезно разрѣшено.

Я была страшно взволнована и колебалась, не будучи въ состояніи повѣрить, чтобы онъ злоупотребилъ довѣріемъ этихъ несчастныхъ; но не успѣла я еще принять какое-нибудь рѣшеніе, какъ вся компанія осушила кубки. Видя, что всѣ упали, точно пораженные молніей, я поняла, что несчастье совершилось.

— Что ты сдѣлалъ?—съ негодованіемъ вскричала я.

— Что я сдѣлалъ? Далъ имъ желанное счастье: они не состарятся и не умрутъ,—отвѣтилъ онъ, смѣясь.

Затѣмъ, намочивъ въ ужасной влагѣ кусокъ хлѣба, онъ далъ его съѣсть двумъ охотничьимъ собакамъ, лежащимъ подъ столомъ.

Когда, часъ спустя, мы уѣзжали, двое слугъ, которые насъ провожали и не получили рокового угощенія, сочли своихъ господъ мертвецки пьяными. Нарайяна подтвердилъ ихъ догадку и приказалъ имъ не безпокоить хозяевъ, пока они не проснуться сами.

Сто восемьдесятъ лѣтъ спустя проѣзжали мы по тому же пути и Нарайяна, вспомнивъ про этотъ эпизодъ, объявилъ, что хочетъ посѣтить замокъ. Я категорически отказалась сопровождать его и осталась въ ближайшей гостиницѣ, а онъ поѣхалъ.

Нарайяна вернулся на слѣдующій день и весело разсказывалъ, что въ замкѣ его приняли сначала за дьявола; слуга, прислуживавшій тогда за столомъ, бросился лицомъ на землю и сталъ призывать себѣ на помощь всѣхъ святыхъ рая.

Смертельно блѣдный рыцарь грозилъ ему крестомъ, который носилъ на шеѣ, а жена кропила его святой водой. Но Нарайяна самъ осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ и объявилъ, что онъ истинный христіанинъ, не боится ни креста, ни святой воды и что его крайне удивляетъ подобный пріемъ.

— Если вы не дьяволъ и не антихристъ—грустно сказалъ рыцарь,—то можетъ быть вы обитатель неба и пришли освободить насъ, такъ какъ ваше посѣщеніе вызвало очень странныя послѣдствія, тяжелыя для насъ, которыя заставляютъ опасаться за спасеніе нашихъ душъ.

Затѣмъ рыцарь разсказалъ, что ни онъ, ни его жена не старѣютъ и не умираютъ, хотя ему въ настоящую минуту уже двѣсти пятнадцать лѣтъ, а ей двѣсти шесть. Еще болѣе странно, что они продолжаютъ имѣть дѣтей, которыя растутъ и умираютъ, какъ и всѣ, тогда какъ трое первыхъ остаются въ томъ же положеніи и не выросли ни на волосъ. Двое слугъ и даже двѣ охотничьи собаки все еще живы. Все это—обстоятельства, неслыханныя въ лѣтописяхъ міра, которыя обратили уже на нихъ вниманіе духовенства.

— Было уже произведено слѣдствіе, и насъ обвиняли въ сношеніяхъ съ дьяволомъ. Народъ избѣгаетъ и проклинаетъ насъ. Недавно мою жену грозили сжечь, какъ колдунью, и поджечь нашъ замокъ. Что тогда будетъ съ нами? И безъ этого времена такъ измѣнились, что почти невозможно жить,—закончилъ бѣдный рыцарь, заливаясь слезами.

Я указала Нарайянѣ всѣ неудобства, какія произойдутъ, если предоставить этихъ людей общественному любопытству, и онъ согласился, что необходимо, чтобы они скрылись, такъ какъ посвятить ихъ въ тайны отняло бы слишкомъ много времени и кромѣ того, на нихъ было уже обращено общее вниманіе.

На слѣдующій день Нарайяна вернулся въ замокъ и убѣдилъ невольныхъ безсмертныхъ, что онъ откроетъ имъ тайну ихъ необыкновеннаго приключенія.

— Приближается кончина міра,—сказалъ онъ.—Для борьбы съ антихристомъ Господь избираетъ людей благочестивыхъ и добрыхъ, которыхъ Онъ освободилъ отъ смерти. Эти люди составятъ воинство Господа, а потомъ будутъ взяты живыми на небо, какъ Энохъ и Илія.

Затѣмъ прибавилъ, что самъ онъ, Нарайяна, принадлежитъ къ числу избранныхъ и явился за ними, чтобы вмѣстѣ совершить паломничество въ Іерусалимъ.

Смущенные, но счастливые, эти люди согласились. Нѣсколько дней спустя они уѣхали съ нами, а Нарайяна поджегъ замокъ. Только вмѣсто Іерусалима ихъ отвезли въ Индію.

— И они до сихъ поръ живутъ тамъ?—спросилъ Супрамати.

— Двое дѣтей—да; всѣ же остальные умерли...

— Какъ такъ?

— Да! Ихъ тщетно старались посвятить въ таинства. Слишкомъ мало развитой умъ ихъ не былъ способенъ ни къ какому изученію и они чувствовали себя такими несчастными и находились

все время въ такомъ отчаяніи, что занимавшійся съ ними магъ нашелъ необходимымъ вернуть ихъ въ загробный міръ, при помощи средства, аналогичнаго тому, къ которому прибѣгъ Нарайяна. Изъ этого примѣра ты видишь, мой дорогой, какъ опасно давать безконечную жизнь тому, кто не можетъ воспользоваться ею для собственнаго совершенствованія. Поэтому ты можешь только поздравить себя, что устоялъ противъ искушенія сдѣлать безсмертнымъ виконта.

— Все это такъ, и я отлично понимаю, что смерть—это милосердный законъ. А между тѣмъ, человѣкъ всегда чувствуетъ сильное горе, когда близкое или даже только знакомое существо переходитъ въ загробный міръ.

— А это очень естественно,—замѣтила съ улыбкой Нара.— Жизненный флюидъ, распространенный въ мірѣ и заключенный въ каждомъ атомѣ, въ видѣ общаго и присущаго каждой твари влеченія, образуетъ прочную цѣпь. Поэтому, когда какое-нибудь существо отрывается отъ этой цѣпи, то тѣ, кого соединяло это влеченіе, чувствуютъ пустоту, и причиняемое разрывомъ этой флюидической цѣпи горе, бываетъ очень жестоко. Узы, создаваемыя этимъ жизненнымъ токомъ, такъ могущественны, что даже вещи, долго служившія человѣку, пропитываются имъ и дѣлаются ему дорогими. Поэтому-то и бываетъ такъ трудно разстаться со старой мебелью, къ которой привыкъ, съ квартирой, гдѣ долго жилъ, и прочее.

Нѣсколько дней спустя, Пэнсонъ явился сказать, что виконтъ скончался и Супрамати объявилъ при случаѣ пѣвцу, что скоро уѣзжаетъ въ Индію, и на память подарилъ ему весьма солидную сумму на приданое его внучкѣ.

И дѣйствительно, пребываніе въ Парижѣ мало интересовало и даже тяготило Супрамати. У него былъ совсѣмъ иной характеръ, чѣмъ у Нарайяны, которымъ всегда овладѣвала разсѣянная жизнь, несмотря на его занятія и уединеніе, къ которому онъ иногда прибѣгалъ. Это происходило потому, что Нарайяна никогда не очищался. Матерія всегда властвовала надъ нимъ и увлекала его на разныя безпутства.

Супрамати же, по природѣ трезвый, чистый и серьезный, въ теченіе лѣтъ, употребленныхъ на первое посвященіе, окончательно избавился отъ «ветхаго человѣка». Пріобрѣтенное имъ оккультное могущество не служило ему забавой и онъ не окружалъ себя ореоломъ кудесника, чтобы дивить и пугать праздную толпу. Напротивъ, онъ смотрѣлъ на свою власть, какъ на первую ступень

громадной лѣстницы знанія, по которой ему предстояло подниматься. Всѣ мысли его были заняты будущимъ, не давая ему много интересоваться настоящимъ.

Супрамати окончательно привыкъ къ уединенію, упорной работѣ и сношеніямъ съ потустороннимъ міромъ. Иногда, когда онъ сидѣлъ склонившись надъ астрологическимъ манускриптомъ и затруднялся разрѣшить какую-нибудь сложную проблему, онъ чувствовалъ чье-то легкое къ себѣ прикосновеніе и теплое или холодное вѣяніе. Тогда около него появлялись или воздушная и сіяющая фигура, или плотная и темная; но Супрамати уже не боялся этихъ гостей пространства, а относился къ нимъ или благосклонно, или съ почтеніемъ, смотря по тому, чего они заслуживали, но съ благодарностью принималъ ихъ поученія.

Не разъ въ его уединенной лабораторіи появлялись Эбнъ-Ари или какой-нибудь другой могущественный демонъ и, склонившись надъ столомъ, чертили какой-нибудь неизвѣстный ему знакъ и объясняли его могущество.

Понятно, что при характерѣ и при такомъ направленіи ума, Супрамати скучалъ и чувствовалъ себя чужимъ въ легкомысленной и тупой толпѣ, среди которой жилъ.

Кромѣ того, самый «свѣтъ», куда онъ снова вступилъ, сильно измѣнился и коробилъ его неизмѣнныя идеи и убѣжденія. Ему было противно направленіе *торгашества*, которое заполонили все, сравнявъ всѣ общественныя положенія, но нисколько не уравнявъ неравенства имущественнаго...

Еще больше коробили его религіозный хаосъ и множество сектъ, которыя враждовали между собой; а внѣ ихъ всякій имѣлъ свою собственную религію, каждый объяснялъ по своему тайны жизни, искалъ наиболѣе удобнаго рѣшенія занимавшихъ его вопросовъ, проповѣдывалъ различные парадоксы и, въ сущности, ни во что не вѣрилъ.

Не менѣе противенъ былъ ему и всеобщій цинизмъ, который женщины выставляли на видъ, еще наглѣе мужчинъ. Всякая забота о сохраненіи хотя бы внѣшняго приличія, всякое чувство стыда, собственнаго достоинства и долга окончательно, казалось, были отброшены. На что сорокъ лѣтъ тому назадъ смотрѣли, какъ на постыдное и унизительное, то пріобрѣло теперь право гражданства. Никто не стѣснялся жить, какъ ему нравилось, и никому до того не было дѣла. Было бы только *золото*, тогда можно было самому создавать законы, а не подчиняться имъ.

Понятно, что при подобныхъ условіяхъ, «семья»,—въ прежнемъ смыслѣ,—почти что перестала существовать, и статистика констатировала фактъ уменьшенія населенія въ дѣйствительно ужасающей пропорціи.

Аристократическое изящество Супрамати и его спутниковъ, а также его богатство, не преминули создать имъ въ обществѣ привиллегированное положеніе и привлекли на нихъ всеобщее вниманіе. Дахиръ считался братомъ Супрамати и имъ обоимъ одинаково льстили. Что же касается Нары, то всѣ мужчины были отъ нея безъ ума и бѣсились на «забавную добродѣтель» такой очаровательной женщины.

Несмотря на свой грубый матеріализмъ, эти люди чувствовали, что отъ нихъ троихъ исходило что-то особенное, а одинъ старый дипломатъ, славившійся вѣрностью опредѣленій людей съ перваго взгляда, объявилъ, что Супрамати и даже его очаровательная супруга похожи на «выходцевъ изъ преисподней».

— Всѣ трое отличаются одинаковой матовой блѣдностью, и одинаковымъ властнымъ огненнымъ взглядомъ, а въ выраженіи ихъ глазъ и улыбкѣ проглядываетъ что-то такое, что заставляетъ думать, будто они слышатъ чужія мысли.

Несмотря, однако, на такую „чертовскую“ репутацію, всѣ наперерывъ искали общества богатыхъ иностранцевъ и жаждали познакомиться съ ними.

Бывшій Ральфъ Морганъ былъ слишкомъ врачемъ въ душѣ, чтобы не попытаться примѣнить на практикѣ пріобрѣтенныя имъ новыя медицинскія познанія. Сначала онъ вылечилъ нѣсколько бѣдняковъ, а затѣмъ кое-кого изъ высшаго общества. Но эта серія чудесныхъ исцѣленій быстро составила ему такую громкую славу и грозила столь многочисленной кліентурой, что Супрамати счелъ за лучшее поскорѣй убраться подальше. И въ одно прекрасное утро всѣ трое втихомолку покинули Парижъ и отправились въ Венецію, соблюдая строжайшее инкогнито.

IX.

Въ старомъ дворцѣ, который, казалось, былъ такъ же крѣпокъ и неразрушимъ, какъ и его обладатели, Супрамати еще болѣе былъ охваченъ воспоминаніями.

Послѣ ужина онъ передалъ своимъ друзьямъ былыя впечатлѣнія, когда вновь возведенный въ принцы, Супрамати прибылъ въ этотъ дворецъ и чувствовалъ себя крайне неловко въ своемъ новомъ положеніи. Этотъ юмористическій разсказъ заставилъ много смѣяться Нару и Дахира. Затѣмъ рѣшено было, что они пробудутъ въ Венеціи все время, какое остается въ ихъ распоряженіи до отъѣзда на собраніе братства.

— Ты хочешь дѣлать визиты, Нара? Но вѣдь будетъ очень неловко, если кто-нибудь узнаетъ насъ,—замѣтилъ Супрамати.

— Успокойся! Никто никогда насъ не узнаетъ. Самое большое если скажутъ, что ты очень похожъ на одного изъ своихъ родственниковъ,—со смѣхомъ отвѣтила молодая женщина.—По этому поводу мнѣ вспомнился комическій случай съ насмѣшникомъ Нарайяной.

Вамъ извѣстно, что этотъ дворецъ принадлежалъ ему съ очень давнихъ временъ. Такъ какъ Нарайяна очень любилъ Венецію, то не упускалъ случая, хотя одинъ разъ въ теченіи вѣка, а иногда и чаще проводить здѣсь по нѣскольку лѣтъ.

Однажды, во время пребыванія своего здѣсь въ началѣ шестнадцатаго вѣка, Нарайяна заказалъ одному извѣстному живописцу написать свой портретъ; вы уже должны были замѣтить, что у него была манія въ этомъ отношеніи. Всѣ восхищались необыкновеннымъ сходствомъ портрета; затѣмъ, мы уѣхали и когда, лѣтъ черезъ восемьдесятъ, снова вернулись въ Венецію, Нарайяна не преминулъ повѣсить свой портретъ въ кабинетѣ, гдѣ всѣ обратили на него вниманіе. Одинъ же старый нобиле въ восхищеніи сказалъ мнѣ:

— Какъ вашъ супругъ похожъ на своего предка! Это просто

баснословно! Если бы не костюмъ, то можно было бы подумать, что это онъ самъ.

Нарайяна былъ въ восторгѣ отъ этого и тотчасъ же заказалъ новый портретъ. Игру эту онъ продолжалъ и въ 1740 году, когда мы опять пріѣхали сюда. Его очень забавляли такія восклицанія, а въ результатѣ каждый разъ слѣдовалъ заказъ новаго портрета. О! Нарайяна, во многихъ отношеніяхъ, былъ большой ребенокъ.

— Безъ сомнѣнія, эти портреты еще существуютъ?—спросилъ Дахиръ.

— Конечно! Они всѣ висятъ въ кабинетѣ, смежномъ съ библіотекой,—отвѣтилъ, вставая, Супрамати.—Пойдемте посмотрѣть ихъ: это, положительно, выдающіяся произведенія искусства.

Всѣ прошли въ указанный кабинетъ и стали разсматривать четыре портрета, писанныхъ во весь ростъ и въ натуральную величину. Въ богатыхъ костюмахъ прошлыхъ вѣковъ красота Нарайяны выдѣлялась во всемъ своемъ блескѣ.

— Какъ жаль, что существо, обладавшее такой необыкновенной красотой и богато одаренное, такъ мало воспользовалось преимуществами своей необыкновенной судьбы для развитія своей души, интересуясь исключительно внѣшними пустяками,—замѣтилъ Супрамати.

— Будемъ надѣяться, что онъ лучше воспользуется своимъ загробнымъ существованіемъ. Жестокія страданія и отвратительное состояніе, слѣдовавшее за его смертью, сдѣлаютъ его серьезнѣе,—задумчиво сказалъ Нара.

Затѣмъ, она прибавила съ легкой улыбкой:

— Во всякомъ случаѣ, благодаря маніи къ портретамъ, онъ оставилъ намъ очень интересную память о себѣ.

— Это правда! Я очень жалѣю, что онъ не передалъ тебѣ своего вкуса къ портретамъ. Твоихъ портретовъ, Нара, поразительно мало.

— О! Я достаточно жертвовала собой въ угоду его страсти. Доказательствомъ этого служатъ фотографіи, украшающія твое бюро, и портретъ въ твоемъ кабинетѣ. Я, дѣйствительно, не люблю, чтобы съ меня писали портреты. Единственное мое изображеніе, которымъ я дорожу—это моя статуя. Тогда я, дѣйствительно, была молода душой и тѣломъ. Теперь я уже не способна чувствовать порывы и увлеченія, или переживать мечты о будущемъ, которыя осаждали меня въ тѣ времена. Онѣ улетѣли навсегда, какъ сны въ лѣтнюю ночь. Мое тѣло осталось молодо, но глаза выдаютъ мою старость.

Это выраженіе глазъ не передастъ ни одинъ художникъ и портретъ останется простой рисовкой костюма.

Супрамати и Дахиръ ничего не отвѣтили. Съ грустью смотрѣли они на изображеніе бывшаго сотоварища, сумѣвшаго, въ теченіи вѣковъ, сохранить свѣжесть чувствъ и способность къ наслажденіямъ.

— Но въ нашей галлереѣ, дѣйствительно, недостаетъ одного портрета—твоего, гроза моряковъ, зловѣщій призракъ океана!—неожиданно сказала Нара, положивъ свою маленькую ручку на плечо Дахира.

Тотъ, внезапно оторванный отъ своихъ мыслей, вздрогнулъ.

— Герой легенды потеряетъ весь свой ореолъ, если представитъ публикѣ свой портретъ или подастъ визитную карточку,—отвѣтилъ тотъ съ грустной улыбкой.

— Я вижу, что ты очень дорожишь своимъ престижемъ «пугала»; но мы знаемъ, какъ и Вагнеръ зналъ, но по наитію, что Блуждающій голландецъ—очень красивый молодой человѣкъ, опасный только для женскихъ сердецъ. Мы желаемъ поэтому имѣть твое изображеніе и я прошу тебя позировать для портрета.

— Въ моемъ традиціонномъ костюмѣ?

— Конечно!

— Желаніе дамы для меня законъ. Но чтобы исполнить его, я не стану подвергать себя скукѣ позированія передъ какимъ-нибудь мазилой, который никогда не будетъ въ состояніи передать все таинственное очарованіе, какимъ дышетъ моя легендарная особа. Я дамъ вамъ мой портретъ, который получу совсѣмъ особымъ способомъ.

— Хитрецъ! Ты покажешь какую-нибудь неизвѣстную намъ отрасль тайнаго знанія!—вскричалъ Супрамати.

— Это правда! Но согласись, что я изучалъ гораздо больше тебя. Итакъ, распорядись, чтобы завтра къ вечеру приготовили большую, во всю стѣну, раму съ бѣлымъ холстомъ. Тогда я въ вашемъ присутствіи сфабрикую свое изображеніе,—весело объявилъ Дахиръ.

На слѣдующій день вечеромъ всѣ собрались въ маленькой гостиной Нары. Одна изъ стѣнъ была освобождена отъ картинъ и другихъ, украшавшихъ ее вещей, и теперь ее занимала большая, отъ полу до потолка, золоченая рама съ холстомъ.

Былъ туманный и темный вечеръ. Мелкій дождь барабанилъ въ окна, и въ комнатахъ древняго зданія было холодно отъ про-

никавшей съ каналовъ сырости. Поэтому Нара приказала затопить каминъ, хотя такого рода отопленіе составляло уже анахронизмъ.

— Погода-то не особенно благопріятна для нашего опыта,— замѣтилъ Дахиръ.—Придется подождать, пока не погаснетъ огонь въ каминѣ: а пока я займусь необходимыми приготовленіями.

— Занимайся! Занимайся! Предупреждаю тебя, что я буду внимательно наблюдать и, можетъ быть, угадаю твою тайну. Теперь я вовсе не такъ глупъ, какъ въ то время, когда ты училъ меня фиксировать мысль,—замѣтилъ, смѣясь, Супрамати.

— О! Ты, конечно, поймешь мой способъ. Только, чтобы пользоваться имъ, тебѣ надо будетъ еще поучиться.

При помощи Тортоза, Дахиръ принесъ изъ своей комнаты большую шкатулку, которую называлъ «адской лабораторіей», и треножникъ съ угольями. Когда огонь въ каминѣ окончательно угасъ, онъ заперъ на ключъ дверь, зажегъ угли на треножникѣ и бросилъ на нихъ горсть какого-то порошка. Затѣмъ, онъ погасилъ электричество и комнату освѣщало только большое зеленоватое, пылавшее на треножникѣ пламя, распространявшее сильно смолистый запахъ.

Вынувъ изъ шкатулки большой флаконъ съ безцвѣтною жидкостью, Дахиръ началъ ею опрыскивать полотно и тотчасъ распространился сильный запахъ озона, совершенно поглотившій прежній смолистый. Полотно же покрылось точно бриллiантовыми капельками и пріобрѣло прозрачность.

Дахиръ поставилъ передъ рамкой небольшую электрическую машину, особой формы, снабженную длинными и гибкими металлическими спиралями. Снопы электрическихъ искръ брызнули изъ нихъ на полотно, гдѣ превратились въ огненныя струи, которыя зигзагами бороздили поверхность холста. Затѣмъ, покрывая весь фонъ рамы, образовался облачный и фосфоресцирующій слой, который волновался подобно водѣ отъ вѣтра. Стоя съ поднятой рукой, Дахиръ чертилъ въ воздухѣ кабалистическіе знаки, которые съ минуту фосфоресцировали, а потомъ превращались въ свѣтящіеся круги, точки и снопы искръ. Въ комнатѣ слышалось легкое потрескиваніе, сопровождаемое порывами вѣтра. Вдругъ, какъ бы гонимый этими теплыми воздушными теченіями, въ воздухѣ появилось что-то, похожее на большой четырехугольный кусокъ матеріи, сѣровато-чернаго цвѣта, прозрачной, какъ паутина, на которой смутно вырисовывались контуры какихъ-то предметовъ. Разсмотрѣть детали рисунка не было никакой возможности, такъ какъ четырехугольникъ колебался во всѣхъ направленіяхъ, какъ бы развѣваемый вѣтромъ, толкавшимъ его къ рамѣ, съ которой онъ былъ однихъ размѣровъ.

Минуту спустя, странный предметъ придвинулся къ рамѣ и казалось слился съ движущимся слоемъ, покрывавшимъ полотно.

На мгновенье, все смѣшалось въ одну кипящую массу, отливавшую всѣми цвѣтами призмы; затѣмъ сверкнула яркая молнія, все сразу погасло, даже пламя на треножникѣ, и присутствующіе очутились въ глубокомъ мракѣ.

— Пока, довольно трудно судить о сходствѣ твоего портрета,— замѣтилъ смѣясь Супрамати.

— Потерпите минутку, а потомъ можете сколько угодно критиковать мое произведеніе,—отвѣтилъ Дахиръ, поворачивая кнопку.

Электрическій свѣтъ залилъ комнату и освѣтилъ картину, которая дышала такой жизненностью, что оба зрителя, въ нѣмомъ очарованіи, смотрѣли на нее.

Передъ ними разстилался океанъ, освѣщенный блѣднымъ свѣтомъ луны, полузакрытой набѣжавшими тучами; на сѣдыхъ, косматыхъ волнахъ тихо покачивался призрачный корабль, а на немъ, прислонясь къ мачтѣ, стоялъ Дахиръ, закутанный въ темный плащъ. Прикрѣпленный къ мачтѣ факелъ озарялъ багрянымъ свѣтомъ его блѣдное лицо и большіе темные глаза, съ глубокой грустью устремленные въ туманную мглу.

Вокругъ судна, на волнахъ, плавало нѣсколько труповъ: а вдали, теряясь въ полумракѣ, виднѣлись обломки погибшаго корабля.

— Дахиръ! Это не картина! Это само прошлое, вызванное тобой и фиксированное на полотнѣ какимъ-то неизвѣстнымъ мнѣ способомъ,—съ волненіемъ пробормоталъ Супрамати.—Это сама жизнь! Посмотри, Нара, какъ свѣтъ факела играетъ на лицѣ трупа этой женщины. А пѣна волны, поднимающей этотъ трупъ! Скажи мнѣ, какимъ чудомъ все кажется движущимся. Честное слово! Можно поклясться, что вода сейчасъ поглотитъ этотъ трупъ, что тѣла дѣйствительно плаваютъ кругомъ судна и что факелъ дымитъ и потрескиваетъ!

Супрамати всталъ и провелъ рукой по полотну.

— На ощупь, это—обыкновенная живопись, а если отойти на нѣсколько шаговъ, то все оживаетъ, дышетъ и движется,— сказалъ онъ съ восхищеніемъ.—Дахиръ! Ты—великій волшебникъ!

Художники, которымъ удастся любоваться этой несравненной картиной, будутъ тщетно ломать себѣ голову, какими, никогда не виданными красками пользовался артистъ, создавшій такое дивное произведеніе?

— И дѣйствительно, мудрено опредѣлить химическій составъ этихъ красокъ. Ученые же скромно заявятъ, что это—тайна, утерянная, какъ и многія другія, и что наукѣ будущаго предстоитъ открыть способъ, какимъ воспроизведена эта картина,—отвѣтилъ со смѣхомъ Дахиръ.—Впрочемъ, ты угадалъ вѣрно: это на самомъ дѣлѣ—воспроизведеніе прошлаго, отраженіе котораго я фиксировалъ.

Еще долго бесѣдовали они о видѣнномъ феноменѣ, о занятіяхъ, къ какимъ готовились приступить подъ руководствомъ Эбрамара, и о бѣдствіяхъ, ожидающихъ человѣчество. Занялась уже заря, когда они разошлись, рѣшивъ какъ можно скорѣй направляться въ Индію.

На слѣдующій день, вечеромъ, всѣ трое рѣшили ѣхать въ театръ. Давали какую-то оперу, и они хотѣли познакомиться съ новымъ направленіемъ итальянской музыки.

Занавѣсъ только что поднялась и зрительный залъ былъ погруженъ въ полумракъ, когда Нара и ея спутники вошли въ ложу и заняли мѣста. Они внимательно стали слушать музыку, болѣе шумную, чѣмъ мелодичную, и съ интересомъ смотрѣли на представленіе, которое по своей реальности переходило далеко за границы, дозволеннаго на сценѣ.

Во время перваго антракта они стали осматривать залу, ища между публикой прежнихъ знакомыхъ. Но трудно было узнать въ почтенныхъ старичкахъ и сѣдыхъ старушкахъ, съ сгорбленнымъ станомъ, нѣкогда красивыхъ молодыхъ женщинъ и изящныхъ кавалеровъ, такъ настойчиво ухаживавшихъ за Нарой. Нѣкоторые изъ находившихся въ театрѣ этихъ почтенныхъ остатковъ прошлаго съ понятнымъ удивленіемъ смотрѣли на Супрамати и Нару. Они помнили ихъ, но сочли теперь за незнакомыхъ и удивлялись феноменальному сходству съ ихъ бывшими друзьями.

Очень многіе упорно смотрѣли на ложу Супрамати, но тотъ не обращалъ на нихъ никакого вниманія. Вдругъ онъ вздрогнулъ, и наклонясь впередъ, навелъ бинокль на противоположную ложу. Тамъ сидѣла бѣлокурая молодая женщина, очень красивая и нарядная, оживленно разговаривая съ молодымъ человѣкомъ, очевидно влюбленнымъ въ нее.

— Нара! Видишь ты эту женщину въ бѣломъ платьѣ, съ изумрудной діадемой на головѣ? Это Лиліана—жертва Нарайяны, исторію которой я тебѣ разсказывалъ,—прошепталъ Супрамати на ухо женѣ.

Нара быстро навела бинокль на указанную ложу, но въ эту минуту сидѣвшая въ ней дама тоже замѣтила ихъ. Она сильно вздрогнула, такъ что вѣеръ выпалъ изъ рукъ, и смертельно поблѣднѣвъ, откинулась на спину кресла. Ея смущенный и пораженный взглядъ точно приросъ къ Супрамати.

— Несчастная! Она снова принялась за свое отвратительное ремесло. Благодаря дѣйствію эликсира, она сохранила свою молодость и красоту, но въ глазахъ ея что то не свѣтится счастья,—такъ же тихо отвѣтила Нара.

Затѣмъ, минуту спустя, она прибавила:

— Ты долженъ повидаться съ ней, Супрамати. Можетъ быть, она потеряла или растратила свое состояніе и это снова толкнуло ее на путь разврата.

— Но если я пойду къ такой особѣ, то это будетъ не особенно выгодно для моей репутаціи женатаго человѣка,—замѣтилъ, смѣясь, Супрамати.

— О! Я не буду ревновать такого примѣрнаго мужа, какъ ты, несмотря на пылкія чувства, какія ты внушилъ Лиліанѣ,—лукаво возразила Нара.—Ступай смѣло, съ спокойной совѣстью! Можетъ быть, мы окажемся полезными этому несчастному созданію! Не забывай, что она—жертва Нарайяны, а это налагаетъ на насъ обязанности по отношенію къ ней.

— Ты права. Завтра же я навѣщу Лиліану. А теперь я пойду и узнаю ея адресъ и какое имя носитъ она въ настоящую минуту.

Черезъ десять минутъ Супрамати узналъ, что Лиліана превратилась въ Андріеннъ Леванти, что она появилась въ свѣтѣ всего три или четыре года тому назадъ и состоитъ любовницей маркиза Палестры, очень богатаго тосканца.

Собравъ эта свѣдѣнія, Супрамати зашелъ въ сосѣднее кафе и написалъ слѣдующую записку:

«Завтра, въ 11 часовъ утра, будьте однѣ. Я приду навѣстить васъ. С.».

Эту записку онъ послалъ въ ложу куртизанки, гдѣ она такъ ловко была передана привратницей, сдобренной золотой монетой, что, курившій въ фойэ маркизъ ничего не замѣтилъ.

Лиліана была страшно взволнована, узнавъ въ Супрамати своего благодѣтеля, спасшаго ее отъ ужаснаго состоянія, въ какое погрузилъ ее Нарайяна, сдѣлавшаго ее богатой и хотѣвшаго вывести на путь добра и полезной, серьезной жизни. Она не забывала красиваго и великодушнаго молодого человѣка, который не удостоилъ любить ее, и хотя онъ никогда не давалъ ни малѣйшаго извѣстія о себѣ, но остался недосягаемымъ идеаломъ ея сердца. Когда Лиліана неожиданно увидѣла его все такимъ же молодымъ и обольстительнымъ, какимъ знала раньше, и къ тому же въ обществѣ очаровательной женщины—его жены, въ ея душѣ поднялась настоящая буря. Горе, страсть и ревность душили ее. Записка Супрамати немного ее успокоила. Онъ узналъ ее и хотѣлъ видѣть—это уже было утѣшеніемъ! Только Лиліана чувствовала, что не въ состояніи остаться въ театрѣ и поэтому, какъ только вернулся маркизъ, она сослалась на внезапное нездоровье, что подтверждали ея блѣдность и разстроенный видъ, и уѣхала домой.

Она провела безсонную ночь. Въ долгіе часы одинокаго раздумья въ ночной тиши она снова пережила все прошлое, всю странную и необъяснимую эпопею своей жизни. Но еще дольше тянулись утренніе часы, предшествовавшіе пріѣзду Супрамати. Стоя на балконѣ, Лиліана съ нетерпѣніемъ всматривалась въ проѣзжихъ. Сердце ея усиленно забилось и дыханіе захватило, когда у ея подъѣзда остановилась гондола и изъ нея вышелъ Супрамати.

Лиліана приняла его въ будуарѣ. Она такъ волновалась, что не могла произнести ни слова и, молча подавъ ему руку, указала на кресло.

— Я счастливъ, что случай снова свелъ насъ, и что я нахожу васъ такой молодой и прекрасной,—сказалъ онъ, дружески пожимая ей руку.—А между тѣмъ, миссъ Лиліана, я не могу скрыть, что мнѣ очень грустно встрѣтить васъ снова на тернистомъ и унизительномъ пути, который, я надѣялся, вы навсегда покинули.

Темный румянецъ залилъ ея лицо.

— Вы прямо касаетесь больного мѣста; но вамъ, моему благодѣтелю, я обязана сдѣлать полную исповѣдь и дать отчетъ въ томъ состояніи, которое вы такъ великодушно...

— Нѣтъ, миссъ Лиліана, вы не должны ни давать мнѣ отчета, ни исповѣдываться,—перебилъ ее Супрамати.—Но если вы хотите повѣрить, какъ другу, то, что произошло въ теченіе долгихъ лѣтъ нашей разлуки, я буду вамъ глубоко признателенъ. Повѣрьте, я принимаю искреннее участіе въ вашей судьбѣ. Развѣ вы не жертва преступнаго легкомыслія моего брата, Нарайяны?

— О! Я съ радостью довѣрю вамъ все! Но, затѣмъ и вы, въ свою очередь, отвѣтьте мнѣ на одинъ вопросъ и объясните тайны, происходящія въ моемъ тѣлѣ. Я передамъ вамъ просто неслыханные факты.

— Я догадываюсь, о чемъ вы хотите спросить меня, и отвѣчу вамъ по мѣрѣ возможности.

— Послѣ вашего отъѣзда я старалась честно сдержать свое обѣщаніе и начала новую жизнь. Я училась, читала и совершенствовалась въ пѣніи и музыкѣ. Кромѣ того, подъ руководствомъ M-me Розали, я занималась дѣлами благотворительности и посѣщала церкви. Должна признаться вамъ, что всѣ эти, непривычныя для меня занятія, которымъ я отдавалась какъ бы по обязанности, а не по собственному побужденію, не наполняли моей жизни и оставляли мое сердце пустымъ. Мимолетное счастье, которое я испытывала, облегчая нищету какого-нибудь бѣдняка или видя свои успѣхи въ игрѣ на рояли, меня не удовлетворяли. Единственный человѣкъ, которому я хотѣла бы показать свои таланты и похвалы котораго я жаждала, былъ далеко и не давалъ мнѣ о себѣ ни малѣйшаго извѣстія.

— Если бы вы искали одобренія Господа, а не человѣка, такого же несовершеннаго, какъ и вы, ваше сердце было бы удовлетворено,—отвѣтилъ Супрамати, полусмущенный, полувзволнованный.

— Я вовсе не стараюсь оправдывать мои недостатки или мою слабость; я только признаюсь въ нихъ, чтобы лучше мотивировать ошибки, изъ нихъ проистекающія,—съ тяжелымъ вздохомъ отвѣтила Лиліана.—Но продолжаю мой разсказъ. Въ теченіе трехъ лѣтъ я вела уединенную и трудовую жизнь, не видя никого изъ знакомыхъ, какъ вдругъ неожиданно встрѣтилась съ виконтомъ Лормейлемъ, котораго не видала со времени катастрофы, случившейся между мной и Нарайяной. Виконтъ ничего не зналъ. Увидя меня, онъ обрадовался и объявилъ, что не отпуститъ, такъ какъ намъ необходимо о многомъ поговорить. Мы зашли въ садъ одного кафе, который былъ почти пустъ въ такой ранній часъ и тамъ онъ разсказалъ мнѣ, что Нарайяна умеръ, а ему наслѣдовалъ его братъ. Онъ разсыпался въ похвалахъ вамъ. Въ заключеніе, онъ

разсказалъ, что вы женились въ Венеціи, а затѣмъ уѣхали въ Индію...

Лиліана нерѣшительно остановилась, видимо сильно взволнованная и смущенная.

— Ну, что же, миссъ Лиліана? Продолжайте! Я догадываюсь, что вамъ не пріятно было извѣстіе о моемъ тайномъ бракѣ,— съ улыбкой замѣтилъ Супрамати.

— Вы правы,— откровенно призналась она.— Я была взбѣшена и настолько глупа, что смотрѣла на вашъ бракъ съ очаровательной женщиной, повидимому вполнѣ достойной васъ, почти какъ на личную обиду. Въ своемъ бѣшенствѣ, я считала себя какъ бы свободной отъ моего обязательства вести честную жизнь, не понимая въ своемъ ослѣпленіи, что добродѣтель, главнымъ образомъ, полезна тому, кто ея придерживается.

— Несмотря на просьбы и убѣжденія Розали, я, очертя голову, окунулась во всѣ свѣтскія безпутства, но сердце мое продолжало оставаться пустымъ, а въ часы одиночества меня терзало угрызеніе совѣсти, что я пренебрегла совѣтами моего благодѣтеля. Чтобы наполнить эту пустоту и заглушить мучительное сознаніе, я бросалась во всѣ крайности. Я искала сильныхъ ощущеній; играла на биржѣ и въ рулетку, а кончила тѣмъ, что растратила все свое состояніе на одной рискованной спекуляціи. Я потеряла все, что имѣла, но это не особенно огорчило меня. Моя красота, на которую, казалось, ни время, ни излишества не имѣли никакого вліянія, давала мнѣ неистощимый источникъ богатства. Я никакъ не могла понять, отчего моя красота не увядаетъ? Хотя мнѣ стукнуло уже пятьдесятъ лѣтъ, а зеркало все отражало лицо двадцатипятилѣтней женщины. Мнѣ часто приходило на умъ, что я—вторая Нинонъ де-Ленкло.

Однажды, этому будетъ уже лѣтъ семь, я почувствовала сильное нездоровье. Это удивило и испугало меня, такъ какъ уже болѣе тридцати лѣтъ я не была больна. Я ощущала страшную слабость, свинцовую тяжесть въ членахъ и невыразимое отвращеніе къ жизни. Приглашенный мною докторъ не могъ найти органической болѣзни и пришелъ къ заключенію, что очевидно моя разстроенная нервная система вызываетъ эти болѣзненные симптомы. Предполагая, что я приближаюсь къ сорокалѣтнему возрасту, онъ прибавилъ, что года имѣютъ свои требованія, и предписалъ мнѣ полный отдыхъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ какомъ-нибудь уединенномъ мѣстѣ, куда бы не достигалъ шумъ свѣтскихъ раз-

влеченій. Я должна была жить преимущественно на чистомъ воздухѣ, проводить какъ можно больше времени въ лѣсу, пить молоко, придерживаться вегатаріанскаго режима, ничего не дѣлать и никого не видѣть, чтоды дать своему организму полный покой.

Я послѣдовала этому совѣту и поселилась на одной уединенной фермѣ въ южной Германіи. Хозяева мои были люди бѣдные, простые, благочестивые и честные. Ихъ маленькое имѣнье было окружено лѣсомъ, что, какъ вамъ извѣстно, большая рѣдкость въ наше время; но сосѣдній старикъ-помѣщикъ, человѣкъ тоже отсталый, ни за что не соглашался продать лѣсъ. Я поселилась въ этой глуши.

Первые дни я чувствовала себя лучше, но скоро, тревожные симптомы со страшною силой, появились снова: тяжесть конечностей сдѣлалась невыносимой, зрѣніе портилось, слухъ притуплялся, волосы на головѣ сѣдѣли, станъ сгорбился, а кожу, до того времени атласистую и свѣжую, избороздили морщины. Однимъ словомъ, въ теченіе двухъ или трехъ недѣль—не могу точно опредѣлить время, такъ какъ была тогда какъ сумасшедшая—я превратилась въ отвратительную старуху. Мое состояніе души было ужасно. Я такъ привыкла всегда быть молодой и красивой, что забыла про свои настоящіе годы. Тщетно я убѣждала себя, что неожиданно наступившая старость вполнѣ естественна, и что только какой-то непонятный случай такъ долго отсрочивалъ ее; все равно я никакъ не могла съ ней свыкнуться.

Послѣдняя фаза этого ужаснаго состоянія была страшно тяжела. Все мое тѣло казалось высохло, волосы вылѣзали прядями и всѣ зубы выпали. Въ какихъ-нибудь три дня ротъ мой опустѣлъ, черепъ обнажился, а слабость достигла такой степени, что я не могла вставать и думала, что насталъ мой послѣдній часъ. Мое состояніе страшно безпокоило хозяевъ и они хотѣли послать за докторомъ, но я энергично воспротивилась этому. Жить такой, какой я стала,—это было въ тысячу разъ хуже смерти. Я сдѣлала только нѣкоторыя распоряженія относительно своихъ похоронъ и вручила имъ сумму, достаточную на погребеніе. Они не должны были никого извѣщать о моей смерти. Я хотѣла исчезнуть безслѣдно...

Это было вечеромъ. Я лежала одна въ своей маленькой комнаткѣ, погруженная въ тяжелое оцѣпенѣніе, на которое, въ минуты проясненія сознанія, я смотрѣла, какъ на предсмертную агонію. Но вдругъ я почувствовала, какъ будто въ томъ мѣстѣ,

гдѣ была рана, нѣкогда нанесенная мнѣ Нарайяной, вспыхнулъ огонь. Оттуда, казалось, брызнули огненныя стрѣлы, которыя пронизали мое тѣло по всѣмъ направленіямъ, производя всюду внутренніе взрывы: то въ рукѣ, то въ ногѣ, то въ глазу, то въ желудкѣ и т. д. Я испытывала страшную боль, которая съ поразительной быстротой перебѣгала съ мѣста на мѣсто. Наконецъ голова моя точно разлетѣлась на части, и я потеряла сознаніе. Хозяйка разсказывала мнѣ потомъ, что когда она пришла провѣдать меня, ей показалось, что я крѣпко сплю. Спала я такъ сорокъ восемь часовъ. Когда я проснулась, я чувствовала себя хорошо и только была очень голодна. Служанка, принесшая мнѣ завтракъ, объявила, что у меня очень хорошій видъ и что я помолодѣла на тридцать лѣтъ.

Короче сказать, еще скорѣй, чѣмъ я состарилась, ко мнѣ вернулась моя молодость и красота. Мало-по-малу у меня прорѣзались зубы и выросли волосы—и я сдѣлалась такой, какой вы меня видите. Моя добрая хозяйка сначала смотрѣла на меня съ какимъ то суевѣрнымъ страхомъ, а потомъ успокоилась и призналась мнѣ, что считаетъ мою необыкновенную болѣзнь за колдовство, наведенное на меня кѣмъ-нибудь, но роковое дѣйствіе котораго было уничтожено святой реликвіей, которую она, незамѣтно отъ меня, поставила въ головахъ моей кровати. Я не возражала, такъ какъ сама не могла понять, что такое происходило со мной.

Когда я совершенно поправилась, я должна была снова взяться за свое скверное ремесло, чтобы жить, какъ я привыкла. Только я не хотѣла появиться подъ своимъ старымъ именемъ и появиться тамъ, гдѣ я прежде жила. Поэтому я приняла имя Андріеннъ Леванти и уѣхала въ Америку. Оттуда меня привезъ въ Венецію одинъ другъ—итальянецъ. Остальное не представляетъ никакого интереса.

Теперь, объясните мнѣ неслыханный фактъ, который я передала вамъ. Вы, надъ которымъ время не имѣетъ никакой власти,—вы должны знать ключъ къ этой тайнѣ и можете сказать мнѣ, когда окончится эта неестественная молодость и ненавистная жизнь, которая давитъ меня, какъ невыносимое бремя?.. Мнѣ все надоѣло. У меня нѣтъ цѣли въ жизни и я даже ни на что не гожусь. Хоть изъ жалости, скажите мнѣ: когда и какимъ образомъ придетъ моя смерть?..

Взволнованный Супрамати съ удивленіемъ слушалъ этотъ длинный разсказъ. Только теперь онъ понялъ слова Эбрамара, который

сказалъ, что эссенція жизни, будучи введена въ организмъ Лиліаны тѣмъ способомъ, которымъ ввелъ ее Нарайяна, дѣйствуетъ совсѣмъ иначе и на много увеличиваетъ продолжительность жизни, не дѣлая ее, однако, вполнѣ вѣчной. Но какимъ образомъ? Эбрамаръ объясненій не далъ и Супрамати положительно не зналъ, что ждетъ Лиліану въ будущемъ. Способъ, какимъ обновился организмъ Лиліаны, былъ новостью для него и указывалъ только, какъ разнообразно дѣйствіе чудеснаго и ужаснаго вещества.

— Вы спрашиваете у меня болѣе, чѣмъ я могу сказать вамъ, миссъ Лиліана,—отвѣтилъ Супрамати, послѣ минутнаго молчанія.—Правда, есть невѣдомое вещество, увеличивающее жизнь на болѣе или менѣе продолжительное время и поддерживающее силы и юность; но преступно пользоваться такимъ опаснымъ средствомъ легкомысленно, и я считаю Нарайяну преступнымъ по отношенію къ вамъ, такъ какъ, не спросивъ вашего согласія и не обсудивъ, способны ли вы на такое испытаніе, онъ осудилъ васъ на жизнь, конца которой я не знаю, но которая, по моимъ предположеніямъ, будетъ очень продолжительна. И все это Нарайяна сдѣлалъ ради удовлетворенія своихъ животныхъ страстей!

Видя, что Лиліана смертельно поблѣднѣла и съ ужасомъ смотрѣла на него, Супрамати прибавилъ:

— Успокойтесь и смѣло смотрите на будущее! Все, что зависитъ отъ меня, я сдѣлаю для облегченія вашей участи.

Прежде всего, я снова дамъ вамъ состояніе, которое избавитъ васъ отъ необходимости торговать своей особой. Капиталъ я помѣщу такимъ образомъ, чтобы случайныя спекуляціи не могли его отнять у васъ. Во-вторыхъ, я могу только повторить мой совѣтъ, который уже разъ далъ вамъ, а именно: жить ради какой нибудь благородной и полезной цѣли, а не для мелочнаго тщеславія. Намъ необходимо побѣдить разнузданныя чувства, которыя кипятъ въ нашей душѣ, а не пользоваться ими, какъ законнымъ предлогомъ, для совершенія всевозможныхъ глупостей.

Я не могу повѣрить, чтобы такая унизительная жизнь, какую вы ведете, удовлетворяла бы васъ. Вы сами заявили, что все вамъ опротивѣло. Да иначе и не можетъ быть! Вложенная въ насъ божественная искра толкаетъ насъ впередъ,—отъ мрака къ свѣту. Въ этомъ и состоитъ назначеніе душъ, это и есть тотъ путь, по которому мы должны подниматься, чтобы соединиться съ нашимъ Небеснымъ Отцомъ.

Посвятите себя труду и самосовершенствованію и эта жизнь,

которая такъ пугаетъ васъ, покажется вамъ не столь долгой, а вы менѣе будете чувствовать пустоту этого скоротечнаго міра, гдѣ смерть коситъ все вокругъ, оставляя въ живыхъ только одну васъ.

— Все, что вы говорите,—правда; а, между тѣмъ, когда я думаю объ ужасѣ такого будущаго, мнѣ кажется, что я теряю разсудокъ,—пробормотала Лиліана, закрывъ лицо руками.

Затѣмъ, быстро выпрямившись, она прибавила:

— Вы говорите, чтобы я трудилась и совершенствовалась. Но какъ? Какимъ путемъ? Уединеніе и благотворительность не удовлетворяютъ меня и не вносятъ никакого интереса въ мою жизнь.

— Я позабочусь дать вамъ болѣе существенныя занятія,—съ улыбкой замѣтилъ Супрамати.—А пока прежде всего я устрою ваши имущественныя дѣла. До свиданія! Скоро вы получите отъ меня извѣстіе.

Вернувшись домой, Супрамати разсказалъ Нарѣ результатъ своего визита и сталъ обсуждать съ ней, что можно сдѣлать для облегченія участи несчастной жертвы Нарайяны, осужденной, очевидно, на долгую жизнь.

Послѣ зрѣлаго размышленія, Нара посовѣтовала попробовать заинтересовать Лиліану оккультными науками. Можетъ быть эти занятія завлекутъ ее и даже приготовятъ въ будущемъ изъ нея имъ помощницу. Нара хотѣла сама поговорить съ молодой женщиной и объяснить ей въ чемъ дѣло.

Согласно съ этимъ рѣшеніемъ, она пригласила Лиліану пріѣхать къ ней.

Лиліана пріѣхала, движимая столько же ревностью, сколько и любопытствомъ, но всѣ эти чувства быстро исчезли въ горькомъ сознаніи своего подавляющаго ничтожества передъ этой выдающейся женщиной.

Тутъ впервые она вполнѣ поняла, почему Супрамати, будучи мужемъ Нары, не могъ полюбить ее. Но въ то же время, она чувствовала себя побѣжденной его нѣжной добротой и въ ней проснулось желаніе трудомъ и нравственнымъ очищеніемъ приблизиться къ этой избранной четѣ.

Лиліана съ благодарностью приняла предложеніе отдаться изученію оккультныхъ наукъ, а нѣсколько феноменовъ, показанныхъ Нарой, въ высшей степени заинтересовали ее.

При помощи Дахира, имѣвшаго на континентѣ различныя знакомства, снеслись съ однимъ старикомъ нѣмцемъ, жившимъ близ

Нюренберга въ небольшомъ уединенномъ замкѣ и занимавшимся эзотерическими науками. И онъ, и жена его, согласились принять въ свой домъ Лиліану въ качествѣ ученицы, а одинъ изъ высшихъ адептовъ, жившій въ Лондонѣ, обѣщалъ наблюдать за неофиткой и руководить ею.

Когда всѣ приготовленія были окончены, Лиліана уѣхала въ Нюренбергъ, снабженная новымъ состояніемъ и воодушевленная наилучшими намѣреніями учиться и совершенствоваться. Сердце ея было покойнѣе, а признательность внушала ей желаніе оправдать заботы и заслужить уваженіе своихъ благодѣтелей.

X.

Однажды вечеромъ, послѣ отъѣзда Лиліаны, Супрамати сидѣлъ одинъ въ своемъ кабинетѣ. Дахиръ куда-то ушелъ, а Нара работала въ своей комнатѣ, приводя въ порядокъ свои замѣтки и просматривая дневникъ, который она аккуратно вела въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ и который, конечно, представлялъ самые интересные мемуары, какіе когда либо были написаны человѣкомъ.

Лежа на диванѣ, Супрамати перелистывалъ новые романы. Ему хотѣлось познакомиться съ новой итальянской литературой, но ему скоро надоѣло это глупое и пустое чтеніе. Онъ бросилъ книги на столъ и задумался.

Пребываніе въ этомъ уединенномъ кабинетѣ всегда приводило его въ какое-то особенное настроеніе духа. Здѣсь его толпой осаждали воспоминанія о его первомъ прибытіи въ этотъ дворецъ, и тѣхъ разнообразныхъ ощущеніяхъ, когда бѣдный и скромный Ральфъ Морганъ былъ неожиданно перенесенъ въ сказочную обстановку «Тысячи и одной ночи».

Сорокъ пять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ; но, минутами, ему казалось, что прошло столько же вѣковъ, до такой степени онъ измѣнился. Какіе горизонты открылись его уму, въ какія тайны онъ проникъ, и какое могущество пріобрѣлъ! Его воля не была уже колеблющимся тростникомъ; мысль не была уже мерцающимъ пламенемъ, которое могъ загасить порывъ вѣтра. Теперь его мышленіе стало гибкимъ огненнымъ токомъ, который, подобно стрѣлѣ, вылеталъ изъ дисциплинированнаго ума и достигалъ разъ намѣченной цѣли.

Лукавая улыбка скользнула по губамъ Супрамати. Подобно школьнику, съ увѣренностью повторяющему хорошо затверженный урокъ, онъ на минуту сконцентрировалъ свою волю, смотря сверкающимъ взглядомъ на свѣчу, стоявшую на бюро. Тотчасъ же въ воздухѣ пронеслась искра, и свѣча вспыхнула. Минуту спустя, одинъ

изъ томовъ, лежавшихъ на диванѣ, поднялся на воздухъ и какъ бы несомый какой-то невидимой силой, легъ ему въ руки.

Безчисленное число разъ съ успѣхомъ продѣлывалъ онъ подобные же опыты, но только въ тиши своей лабораторіи. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ снова вступилъ въ свѣтъ и ежедневно сталкивался съ легкомысленной и невѣжественной толпой, ему иногда казалось, что все его знаніе осталось тамъ, въ Шотландскомъ замкѣ, гдѣ, какъ во снѣ, протекло для него полвѣка и гдѣ работа такъ поглощала время.

Но нѣтъ! Онъ ничего не забылъ и ничего не потерялъ. Его воля была гибка, послушна и могущественна, а оккультныя силы покорно повиновались ему. Нѣтъ, онъ не сдѣлался снова *тѣмъ*, чѣмъ былъ!

Невольно мысль Супрамати перешла къ тому, кому онъ обязанъ былъ своей странной и чудесной судьбой. Въ этой комнатѣ все еще напоминало Нарайяну. Эту мебель онъ самъ выбиралъ, въ этой шифоньеркѣ находятся еще положенныя имъ-же вещи, а тамъ, надъ бюро, висѣли портреты его и Нары.

Вздохъ участія и сожалѣнія вырвался изъ груди Супрамати. Отъ всей души жалѣлъ онъ своего предшественника, котораго увлеченія и страсти толкнули на преступныя дѣянія и привели къ такому печальному концу. Что дѣлаетъ онъ теперь? Находится ли онъ все въ томъ же отвратительномъ состояніи, въ которомъ онъ видѣлъ его здѣсь, въ этомъ самомъ дворцѣ? Теперь онъ не испугается его; теперь онъ уже болѣе не трусъ, падающій въ обморокъ при видѣ загробнаго существа! Онъ побѣдилъ всѣ ужасы, которыми драконъ ограждаетъ входъ въ невидимый міръ, и располагаетъ оружіемъ, покоряющимъ низшихъ, опасныхъ духовъ, населяющихъ бездны загадочнаго, потусторонняго міра.

Въ эту минуту, продолжая смотрѣть на портретъ Нарайяны, Супрамати замѣтилъ маленькій, сапфироваго цвѣта шаръ, который, казалось, бѣгалъ по холсту, а потомъ превратился въ небольшое облако и приблизился къ нему, вращаясь и фосфоресцируя. Въ ту же минуту онъ почувствовалъ, точно паутина скользнула по его лицу и ощутилъ запахъ крови.

Оккультные труды обострили чувства Супрамати; поэтому онъ услышалъ неуловимое для всякаго другого легкое потрескиваніе, производимое присутствіемъ духа—духа Нарайяны, вѣроятно. Не хочетъ ли тотъ что-нибудь сказать ему? Не хочетъ ли онъ о чемъ-нибудь спросить? Не нуждается ли онъ въ помощи? Какъ бы то ни

было. Супрамати счелъ своимъ долгомъ отвѣтить на обращенный къ нему призывъ, и поэтому умственно спросилъ:

— Ты хочешь, чтобы я вызвалъ и матеріализовалъ тебя, Нарайяна?—спросилъ онъ.

Голосъ прошепталъ ему на ухо:

— Прошу тебя...

Супрамати тотчасъ же всталъ и принесъ изъ спальни шкатулку, наполненную различными порошками и флаконами. Шкатулку эту онъ поставилъ на бюро и досталъ серебряный треножникъ, большой подносъ изъ такого же металла, шандалъ о семи рожкахъ и широкій хрустальный сосудъ.

Выдвинувъ столъ на середину комнаты, онъ поставилъ на него подносъ, шандалъ и треножникъ, на который наложилъ угли. Хрустальный сосудъ онъ наполнилъ свѣжей водой и поставилъ рядомъ съ нимъ кубокъ, выливъ въ него изъ флакона красную эссенцію, распространявшую пріятный и живительный ароматъ.

Окончивъ эти приготовленія, онъ погасилъ электрическій свѣтъ и досталъ изъ подъ одежды магическій жезлъ, висѣвшій на золотой цѣпочкѣ. Поклонившись на сѣверъ, югъ, востокъ и западъ, онъ сталъ на распѣвъ читать магическія формулы, сопровождая ихъ таинственными знаками, которые чертилъ въ воздухѣ надъ столомъ.

Едва исчезли фосфоресцирующіе контуры іероглифовъ, какъ воздухъ съ трескомъ прорѣзало пламя и зажгло семь свѣчей и угли съ порошкомъ, который Супрамати раньше насыпалъ на нихъ. Порошокъ вспыхнулъ пламенемъ бѣлымъ и яркимъ, какъ огонь магнія, освѣтивъ самые отдаленные уголки кабинета. Потомъ пламя это стало переливать всѣми цвѣтами призмы, и наконецъ, все погасло съ легкимъ взрывомъ.

Только что произведенное явленіе стоило нѣкогда ему труда и усилій, но Дахиръ требовалъ отъ ученика этого искусства, необходимаго для всякаго, кто хочетъ сдѣлаться господиномъ въ области оккультнаго знанія: такъ какъ магическіе предметы нельзя зажигать обыкновеннымъ огнемъ, а необходимо вызвать огонь пространства. По этой причинѣ, заурядные колдуны, не обладающіе силой вызвать такой огонь, стараются зажечь отъ молніи что нибудь, и тщательно поддерживаютъ этотъ огонь, для пользованія имъ при занятіяхъ магіей.

Опустивъ жезлъ, но продолжая размѣренное пѣніе, Супрамати отступилъ отъ стола, около котораго появилось большое, сѣроватое

пятно, прозрачное, какъ паутина. Порывы холоднаго вѣтра потрясали это облако.

По мѣрѣ того, какъ уменьшалось и угасало бѣлое пламя, сѣрое пятно сгущалось и вытянулось, принявъ форму человѣческой фигуры.

Это существо, съ неясными контурами и двумя фосфоресцирующими точками, вмѣсто глазъ, пошатываясь и колеблясь во всѣ стороны, придвинулось къ столу. Воздушная рука отдѣлилась отъ этой облачной массы, и схватила кубокъ, который странное существо залпомъ осушило. Почти тотчасъ же человѣческая фигура уплотнилась, и появилась покрытая черными волосами голова, которая нѣсколько разъ окунулась въ хрустальный сосудъ; затѣмъ, это существо омочило въ этомъ же сосудѣ и обѣ руки.

Теперь можно было ясно видѣть высокую фигуру человѣка, закутаннаго въ широкій, сѣровато-бѣлый плащъ. Когда фигура эта обернулась, Супрамати очутился лицомъ къ лицу съ Нарайяной, протянувшимъ ему обѣ руки.

— Благодарю тебя, другъ Ральфъ, что ты тотчасъ же отвѣтилъ на мой призывъ и вызвалъ меня къ дѣйствительной жизни.—сказалъ Нарайяна звучнымъ голосомъ.

Супрамати сердечно пожалъ ему руку.

— Это я обязанъ тебѣ глубокой благодарностью,—горячо отвѣтилъ онъ.—Чѣмъ другимъ могъ бы я отблагодарить тебя за тотъ неоцѣненный даръ, который ты сдѣлалъ мнѣ? Я счастливъ, что мое знаніе позволило мнѣ вызвать тебя и дало возможность поговорить съ тобой. Позволь мнѣ поздравить тебя съ перемѣной, происшедшей въ твоемъ состояніи. Мнѣ было очень грустно, когда я видѣлъ тебя въ послѣдній разъ. Ты долженъ былъ много поработать, чтобы очиститься до такой степени!

Нарайяна пододвинулъ кресло и сѣлъ. Съ минуту взоръ его задумчиво блуждалъ по окружавшимъ его предметамъ. При свѣтѣ семи свѣчей Супрамати замѣтилъ, что красивое лицо его предшественника носило слѣды крайняго утомленія; за то, выраженіе адской злобы и небольшіе красные рожки, выглядывавшіе прежде изъ массы черныхъ, какъ вороново крыло, волосъ совершенно исчезли. Въ данную минуту Нарайяна имѣлъ видъ вполнѣ живого человѣка.

Обернувшись къ Супрамати, Нарайяна сказалъ полу-насмѣшливо, полу-грустно:

— Когда ты меня видѣлъ въ послѣдній разъ, то въ силу

страданія я былъ очень отвратительнымъ и злымъ существомъ. Да... Никакія слова не въ силахъ передать тотъ адъ, который я перенесъ! Я, несомнѣнно, много грѣшилъ, но для человѣка съ моимъ характеромъ было страшнымъ искушеніемъ жить сотни лѣтъ, будучи вооруженнымъ удивительнымъ и ужаснымъ могуществомъ, ставившимъ меня выше всего человѣчества. Счастливъ ты, Ральфъ Морганъ, что въ твоихъ жилахъ течетъ спокойная кровь, а въ сердцѣ живетъ сильная любовь къ наукѣ. Ты высоко поднимешься по лѣстницѣ знанія, и вѣка увѣнчаютъ твое чело звѣздой мага! Я же оставался рабомъ плоти, игрушкой своихъ разнузданныхъ страстей, а въ пространствѣ сдѣлался рабомъ первоначальной матеріи, которая вливала потоки жизни въ флюидическія жилы моего астральнаго тѣла. Ты самъ видѣлъ, какъ низко я палъ. Сознаніе такого паденія заставляло меня почти столько же страдать, сколько и физическая боль, терзавшая мое астральное тѣло. Тѣмъ не менѣе, я не напрасно обладалъ обрывками знанія, дисциплинированной отчасти волей и друзьями, среди которыхъ былъ и старикъ, котораго ты видѣлъ въ гротѣ предковъ. Поддерживаемый ими, я принялся за работу, чтобы очиститься и хотя бы нѣсколько искупить причиненное мною зло. Ты самъ видишь результаты моихъ усилій. Я все еще остаюсь страждущимъ духомъ, но ужъ не нуждаюсь больше въ пищѣ, и мнѣ не нужны матеріальныя наслажденія. Крестъ Нары уже не заставитъ меня отступить. Но кстати о моей эксъ-супругѣ. Счастливъ ты съ ней?

— Для меня—она ангелъ!

— Тѣмъ лучше! Въ отношеніи меня она всегда была неблагодарна и безсердечна. Ужъ конечно она не подарила бы мнѣ этого часа бесѣды! Право, я безконечно благодаренъ тебѣ, что ты матеріализовалъ меня въ этомъ кабинетѣ, полномъ воспоминаній. Мнѣ почти кажется, что я все еще владѣлецъ этого дворца.

— Въ моихъ глазахъ ты и остался имъ! Мнѣ хотѣлось бы доказать лучше, чѣмъ этой бездѣлицей, мою тебѣ благодарность.

— Если ты дѣйствительно желаешь сдѣлать мнѣ пріятное, Ральфъ, или скорѣй Супрамати, какъ всѣ теперь зовутъ тебя, то не откажи мнѣ и оставь здѣсь одного на четверть часа помечтать и отдаться воспоминаніямъ, будто я все еще принадлежу къ этому міру.

Сидѣвшій въ креслѣ Супрамати тотчасъ же всталъ.

— Я немедленно же оставляю тебя одного! Побудь здѣсь, Нарайяна, и считай себя хозяиномъ этихъ комнатъ, еще полныхъ тобой.

Супрамати сдѣлалъ дружескій знакъ рукой и ушелъ въ спальню, дверь которой заперъ за собой на ключъ. Онъ не замѣтилъ страннаго и насмѣшливаго выраженія, какое вспыхнуло въ глазахъ призрака.

Но не прошло и нѣсколькихъ минутъ со времени ухода Супрамати изъ кабинета, какъ противоположная дверь, ведшая на половину жены, быстро отворилась и въ нее поспѣшно вошла Нара. Она была видимо чѣмъ-то взволнована и испугана.

— Что ты надѣлалъ!—вскричала она, подбѣгая къ мужу и схватывая его за руку.—Ты матеріализовалъ Нарайяну и оставилъ одного въ кабинетѣ? Развѣ можно дѣлать такія безумства! Это непростительно! Вѣдь ты не профанъ, который забавляется, самъ не понимая, что дѣлаетъ...

Супрамати съ недоумѣніемъ смотрѣлъ на нее. Не дожидаясь отвѣта, она бросилась къ двери кабинета, но та въ эту минуту открылась и на порогѣ ея появился Нарайяна. Черные глаза его пылали, на губахъ блуждала гордая и торжествующая улыбка, а на блѣдныхъ щекахъ выступилъ легкій румянецъ. Чудная красота его являлась въ полномъ блескѣ.

Смущенный Супрамати съ восхищеніемъ смотрѣлъ на него и не понималъ причину гнѣва Нары; не понималъ, какая бѣда можетъ произойти отъ простой матеріализаціи, или отъ желанія духа остаться на нѣсколько минутъ одному въ комнатѣ, гдѣ онъ такъ долго жилъ.

Но взглядъ, брошенный случайно въ кабинетъ, заставилъ его вздрогнуть. Въ стѣнѣ, противъ которой сидѣлъ Нарайяна, оказывается, было отверстіе, о существованіи котораго Супрамати не подозрѣвалъ и на столѣ стояла открытая шкатулка, очевидно, вынутая изъ тайника. Рядомъ со шкатулкой лежалъ флаконъ съ золотой пробкой, содержавшій въ себѣ первоначальную матерію. Дерзкій духъ осмѣлился воспользоваться ею...

Супрамати поблѣднѣлъ. Но онъ не успѣлъ вымолвить ни слова, какъ Нарайяна смѣрилъ Нару насмѣшливымъ взглядомъ и сказалъ:

— Ты явилась слишкомъ поздно, чтобы мѣшать мнѣ, моя прекрасная эксъ супруга! Несмотря на всю твою необыкновенную предусмотрительность, ты забыла предупредить Супрамати, сердце котораго вѣка неуспѣли еще изсушить, какъ твое.

— Ты самъ оказалъ себѣ плохую услугу, но твое легкомысліе положительно неисправимо,—отвѣтила Нара, хмуря лобъ.

— Не тревожься, я самъ и буду нести послѣдствія моего смѣлаго поступка, а супружескія бури ужъ больше не страшатъ меня. Къ тому же, твои чары потеряли надо мной всякую власть,— насмѣшливо замѣтилъ Нарайяна.—И такъ, успокойся жестокая и очаровательная Нара: я не потребую никакого наслѣдства, даже тебя. Тебѣ лучше, чѣмъ кому-нибудь, извѣстно, какъ мнѣ тяжело будетъ теперь всякое сношеніе съ людьми. Поэтому я удаляюсь во дворецъ іога въ Гималаяхъ и никого не буду безпокоить.

Нара пожала плечами и отвернулась, а потомъ вышла изъ комнаты, бросивъ мужу:

— Глупецъ! Трижды глупецъ!

— Не огорчайся, что я стоилъ тебѣ такого почетнаго титула, мой бѣдный другъ и наслѣдникъ. Вѣдь я одинъ только слышалъ его. Къ тому же, въ былое время меня награждали еще энергичнѣй: но со стороны красивой женщины это пустяки!—съ громкимъ смѣхомъ вскричалъ Нарайяна.

— Ахъ, ты положительно неисправимъ!—сказалъ Супрамати, невольно смѣясь.

Затѣмъ уже серьезнымъ тономъ, онъ спросилъ:

— Что ты сдѣлалъ?

— Только то, на что имѣлъ право: я воспользовался первоначальной матеріей, которую завѣщалъ тебѣ. Ты же не обѣднѣешь отъ нѣсколькихъ капель, которыя я истратилъ.

— Полно, Нарайяна. Все, что принадлежало тебѣ, такъ и остается твоимъ добромъ. Я ни чѣмъ не воспользуюсь. Самый же драгоцѣнный твой даръ,—*посвященіе*,—останется при мнѣ.

— Ты хорошій и честный человѣкъ, Супрамати!—дружескимъ тономъ отвѣтилъ Нарайяна.—Но знай, что я не нуждаюсь въ земныхъ благахъ, которыя завѣщалъ тебѣ.

— Во всякомъ случаѣ, все находится въ твоемъ распоряженіи. Только не думай, пожалуйста, что я сожалѣю о твоемъ воскрешеніи.

— Я знаю. Но пойми, Супрамати, что я не сталъ обыкновеннымъ человѣкомъ; я—амфибія, вошедшая черезъ обѣ двери въ невидимый міръ. Такъ, я не могу употреблять обыкновенныя блюда, а долженъ питаться особой пищей, которая почти что ничего не стоитъ. Я просто пріобрѣлъ способность не разлагаться, благодаря первичной эссенціи, которая одарила меня волей или жизненной силой, оставаясь въ то же время духомъ. Такъ я, по

желанію, могу быть видимымъ и невидимымъ. Сейчасъ я докажу тебѣ это.

Нарайяна взялъ Супрамати за руку и почти тотчасъ же исчезъ. Какъ тотъ ни оглядывался, онъ всюду встрѣчалъ прозрачный воздухъ, а между тѣмъ продолжалъ чувствовать крѣпкое пожатіе пальцевъ Нарайяны. Наконецъ, тотъ снова сдѣлался видимымъ, явно восхищенный удивленіемъ и недоумѣніемъ молодого мага.

— Тебѣ еще неизвѣстны многія тайны, такъ какъ ты изучилъ только первыя области науки, но изучилъ ихъ, надо признаться, весьма послѣдовательно; хотя явленія, какія можно получить при помощи первоначальной матеріи, тебѣ почти совершенно неизвѣстны. Ихъ разнообразіе положительно безконечно, такъ какъ этотъ агентъ съ такою же легкостью сплачиваетъ молекулы, какъ и разсѣиваетъ ихъ. Съ четвертою частью того, что еще заключается въ этомъ флаконѣ, ты можешь воскресить цѣлое кладбище. Только это не будетъ то, что я сдѣлалъ. Я привлекъ только изъ пространства нѣкоторое количество молекулъ, которыя гарантируютъ мнѣ компактность, необходимую для получеловѣческой жизни, лишенной, впрочемъ, всякихъ плотскихъ неудобствъ. Такую жизнь я предполагаю вести въ прекрасномъ дворцѣ, расположенномъ въ Гималайскихъ горахъ. Этого дворца ты не видѣлъ еще, но, надѣюсь, что навѣстишь меня тамъ. Ты же, несмотря на свое безсмертіе, чувствуешь тяготы матеріальнаго тѣла и нуждаешься въ тысячи вещахъ для своего комфорта, перемѣщенія и прочее. Если ты не можешь умереть отъ голода, то всетаки долженъ чувствовать разныя другія неудобства, отъ которыхъ я избавленъ.

Супрамати безсильно упалъ въ кресло и провелъ рукой по лбу.

— Я положительно теряюсь въ этомъ лабиринтѣ чудесъ и непонятныхъ тайнъ, источникомъ которыхъ служитъ первоначальная матерія. Все болѣе и болѣе во мнѣ крѣпнетъ сознаніе, что я— ничто иное, какъ простой невѣжда, едва изучившій азбуку. Но ты, Нарайяна,—искусенъ въ этой наукѣ, которая для меня совершенно неизвѣстна; ты изучилъ свойства первоначальной матеріи. Дай мнѣ кое-какія объясненія и отвѣть на нѣкоторые вопросы?

— Съ удовольствіемъ сообщу тебѣ то немногое, что самъ знаю.

— Въ такомъ случаѣ, прежде всего, скажи, шутилъ ты или нѣтъ, когда говорилъ, что при помощи первоначальной матеріи можно воскресить цѣлое кладбище?

— Я говорилъ серьезно. Это вещь вполнѣ возможная.

— Я не понимаю этого. Благодаря нашей системѣ погребенія, въ могилахъ остаются одни только костяки; отъ сожигаемыхъ же труповъ остается лишь пепелъ. Какимъ же образомъ могутъ ожить и одушевиться такіе останки?

Нарайяна погасилъ семь свѣчей, которыя еще продолжали горѣть. Затѣмъ онъ прошелъ въ сосѣднюю комнату и сѣлъ на диванъ, предложивъ Супрамати занять мѣсто рядомъ.

— Я вижу, что ты собираешься долго разспрашивать меня и поэтому намъ будетъ здѣсь гораздо удобнѣе. А теперь я отвѣчу на твой вопросъ. Пока существуетъ остовъ человѣческаго тѣла—есть объектъ, пропитанный жизненнымъ флюидомъ. Это, если хочешь, составляетъ основаніе, около котораго можетъ быть сосредоточена молекулярная система, которая нѣкогда составляла одно цѣлое. Такое дѣйствіе происходитъ всегда и притомъ съ поразительной быстротой, если въ останки тѣла ввести частицу первоначальной эссенціи, необходимой для агломераціи.

— И воскрешенныя такимъ образомъ существа становятся безсмертными?—спросилъ блѣдный и взволнованный Супрамати.

— Нѣтъ, нѣтъ! Они пріобрѣтаютъ жизненность только на извѣстное время, которое никогда не бываетъ очень продолжительно, въ виду того, что матерія сильно поглощается процессомъ, имѣющимъ свои неудобства. Такъ, напримѣръ чтобы вернуть душу въ тѣло, въ которомъ она нѣкогда обитала, иногда приходится вырывать ее изъ тѣла, которое она оживляетъ въ данное время, что вызываетъ моментальную смерть того субъекта, такъ какъ дѣйствующая сила не знаетъ преградъ и проявляется неуклонно тамъ, гдѣ оказывается сильнѣе. Въ занимаемомъ насъ случаѣ высшая сила всегда находится въ разрушенномъ тѣлѣ, такъ какъ доза матеріи зависитъ отъ оператора. Душа, приведенная такимъ образомъ въ свое прежнее обиталище, теряетъ воспоминаніе о прошломъ, безразлично, вызвана ли она изъ пространства или вырвана изъ другого тѣла. Впрочемъ, съ помощью этой матеріи—истинной эссенціи жизни—можно даже искусственно создать человѣка, только жизнь его будетъ кратковременна, потому что жизненная матерія поглощалась бы слишкомъ быстро. Такой человѣкъ обратился бы въ пепелъ, какъ сгорѣвшій уголь въ золу; но, повторяю, дѣло это вполнѣ возможное.

— Отчего же Дахиръ никогда не говорилъ мнѣ о такомъ важномъ дѣлѣ?—пробормоталъ Супрамати.

— О! Дахиръ очень осторожный и слишкомъ методичный наставникъ. Онъ научилъ тебя магическимъ формуламъ, которыя подчиняютъ низшія существа, развилъ твои оккультныя чувства и дисциплинировалъ твою волю, но не познакомилъ тебя со свойствами первоначальной матеріи, оставляя это, вѣроятно, на будущее время. Я же всегда былъ строптивымъ ученикомъ и не выносилъ слишкомъ медленнаго обученія. Я стремился оріентироваться во всѣхъ областяхъ знанія. Теперь же я охотно подѣлюсь съ тобой результатами моихъ занятій въ этой области. Если желаешь, я покажу тебѣ нѣсколько опытовъ, иллюстрирующихъ то, что я говорилъ о свойствахъ и силѣ первоначальной эссенціи.

— Еще бы не хотѣть! Отъ души буду тебѣ признателенъ, если ты просвѣтишь меня немного относительно свойствъ необыкновенной матеріи, которой я владѣю, какъ невѣжда, не умѣющій пользоваться ею и рискующій причинить много зла тамъ, гдѣ хотѣлъ бы сдѣлать много добра.

— Мы можемъ немедленно же приступить къ опыту воскрешенія. Теперь едва полночь. Время благопріятное; а такъ какъ я, слава Богу, не рискую распасться, то и отдаю себя въ полное твое распоряженіе. Отправимся на островъ мертвыхъ. Тамъ мы выберемъ нѣсколькихъ покойниковъ, которыхъ вернемъ къ радостямъ жизни. А такъ какъ они не будутъ знать, что мы являемся ихъ благодѣтелями, то не будутъ въ состояніи донести на насъ и никогда не допустятъ мысли, что были мертвы,—со смѣхомъ закончилъ Нарайяна.

Супрамати въ нерѣшимости задумался.

Возможность присутствовать при неслыханномъ опытѣ до крайней степени подстрекала его любопытство, а извѣстнаго рода досада на Дахира и Нару, которые по ложкамъ отмѣривали ему, какъ ребенку, знаніе, побуждала его принять предложеніе Нарайяны. Съ другой стороны, его честную и добрую душу безпокоила боязнь причинить вредъ, преступно воспользовавшись неизвѣстными законами.

Внимательно слѣдившій за нимъ Нарайяна насмѣшливо разсмѣялся.

— Ты колеблешься? Можетъ быть—ха, ха, ха!—ты боишься Нары или Дахира? Въ такомъ случаѣ, оставимъ то, о чемъ я говорилъ. Боже сохрани, чтобы ты получилъ изъ за меня нагоняй отъ своихъ строгихъ наставниковъ.

Яркій румянецъ залилъ лицо Супрамати.

— Полно говорить глупости! Я ни отъ кого не получаю приказаній. Я хочу присутствовать при интересномъ феноменѣ, который ты обѣщалъ мнѣ показать, и слѣдую за тобой. Дай мнѣ только убрать вещи и захватить плащъ.

— Какъ знаешь. Не забудь только взять съ собой флаконъ съ первоначальной матеріей и дай мнѣ какой нибудь плащъ. Мнѣ неудобно выйти на улицу въ этомъ загробномъ костюмѣ.—отвѣтилъ Нарайяна, сбрасывая на полъ бывшій на немъ плащъ, который точно расплылся въ воздухѣ.

Онъ оказался въ фіолетовомъ бархатномъ костюмѣ съ широкимъ кружевнымъ воротникомъ и въ высокихъ сапогахъ со шпорами.

Супрамати съ улыбкой посмотрѣлъ на него, а затѣмъ, поспѣшно убирая вещи, спросилъ:

— Скажи мнѣ, почему Нара, во что бы то ни стало, хотѣла помѣшать тебѣ пріобрѣсть настоящее состояніе? Вѣдь это-же ей все равно.

Загадочная улыбка скользнула по губамъ Нарайяны.

— Спроси у нея. Можетъ быть она и откроетъ тебѣ причину своего недоброжелательства ко мнѣ. Я же не желаю еще больше раздражать ее, возбуждая, можетъ быть, неосновательныя подозрѣнія.

Десять минуту спустя, оба ушли изъ дворца черезъ тайную лѣстницу, выходившую на боковую лагуну. У подножія лѣстницы стояла лодка.

— Я измѣнилъ свой планъ,—объявилъ Нарайяна, садясь въ лодку и тщательно закутываясь въ плащъ, принесенный Супрамати.—До острова мертвыхъ слишкомъ далеко, да къ тому же, тамъ очень трудно достать костякъ. Я придумалъ гораздо лучше. Недалеко отсюда—онъ назвалъ одинъ изъ небольшихъ боковыхъ каналовъ—есть старый полуразвалившійся палаццо. Обладатель его, носящій древнее имя, совершенно разоренъ и прозябаетъ въ одной изъ комнатъ перваго этажа, гдѣ скоро и подохнетъ, но продать свои развалины онъ не хочетъ. Въ этомъ-то дворцѣ нѣкогда находилась капелла, подъ которой былъ устроенъ нынѣ уже забытый склепъ. Тамъ мы и найдемъ то, что намъ нужно.

— Хорошо!—отвѣтилъ Супрамати, схватывая весла и направляясь къ указанному мѣсту.

Это былъ древній кварталъ Венеціи. Дома, обрамлявшіе небольшой каналъ, имѣли по большей части пустынный и покинутый видъ.

Наконецъ, Нарайяна указалъ на большое, болѣе другихъ разрушенное зданіе и сказалъ:

— Вотъ это палаццо! Приставай къ маленькой двери налѣво.

Супрамати причалилъ къ древнему бронзовому кольцу, вдѣланному въ стѣну, и сталъ подниматься по ступенямъ. Нарайяна шелъ впереди его. Подъ давленіемъ руки послѣдняго, дверь со скрипомъ открылась и почти тотчасъ же захлопнулась за ними.

— Здѣсь темно, какъ у дьявола въ глоткѣ,—сказалъ Супрамати.

И съ этими словами онъ вынулъ изъ кармана стеклянный шаръ по бронзовой ручкѣ; шаръ этотъ издалъ яркій свѣтъ.

— А! Значитъ узнали секретъ вѣчныхъ лампъ, тайна которыхъ такъ интересовала ученыхъ съ того времени, какъ они найдены были въ римскихъ могилахъ?—замѣтилъ Нарайяна.

— Да, эта тайна найдена лѣтъ тридцать тому назадъ. Теперь онѣ въ большомъ ходу. Ну, Нарайяна, иди впередъ и указывай дорогу, такъ какъ тебѣ извѣстно расположеніе этого дома.

— О, въ совершенствѣ! Я видѣлъ этотъ дворецъ въ его лучшія времена, а именно около 1560 года. Тогда это былъ роскошный домъ.

Они быстро прошли цѣлую амфиладу пустыхъ залъ. Яркій свѣтъ лампы освѣщалъ обнаженныя стѣны, покрытыя мохомъ фрески и потрескавшіеся плафоны, грозившіе обрушиться. Тяжелый контрастъ представляла вся эта нищета и разореніе съ великолѣпными каминами изъ бѣлаго и желтаго мрамора, съ мраморными и мозаичными полами, покрытыми пылью и всевозможными обломками.

Шаги Супрамати гулко раздавались по каменнымъ плитамъ: Нарайяна же безшумно скользилъ рядомъ съ нимъ.

Вдругъ странное и тягостное чувство сдавило сердце Супрамати. Въ этой глубокой ночной тишинѣ, въ этой тоскливой обстановкѣ разрушенія въ немъ проснулось что-то, напомнившее прежняго Ральфа Моргана. На какое странное приключеніе отважился онъ въ обществѣ не менѣе страннаго спутника, явившагося изъ загробнаго міра.

— Ахъ! Не предавайся ты своимъ глупымъ мыслямъ!—неожиданно вмѣшался Нарайяна.—Думай лучше о томъ, что мы намѣрены сдѣлать. Мы приближаемся къ цѣли. Если я не ошибаюсь, то въ концѣ этой галлереи мы выйдемъ на небольшой дворъ, гдѣ прежде былъ фонтанъ, а по другую сторону находилась капелла.

И дѣйствительно, послѣ нѣсколькихъ минутъ ходьбы, они очутились передъ небольшой дверью, которая вела на дворъ, выстланный каменными плитами и обнесенный галлереей съ арками. Въ эту минуту луна выглянула изъ за тучъ, покрывавшихъ небо.

При слабомъ свѣтѣ луны, на противоположномъ концѣ двора вырисовывалось небольшое строеніе съ куполомъ, увѣнчаннымъ крестомъ.

— Капелла имѣетъ также выходъ съ другой стороны въ переулокъ, но, безъ сомнѣнія, та дверь заперта изнутри, такъ какъ въ этой часовнѣ уже давно не совершается Богослуженія,—сказалъ Нарайяна.

— Просто удивительно, какъ ты хорошо помнишь топографію и все, что касается этой развалины,—замѣтилъ Супрамати.

Нарайяна разсмѣялся.

— Я имѣлъ здѣсь друзей и одно время былъ частымъ гостемъ въ этомъ домѣ. Но идемъ! Намъ нужно войти въ ризницу, служившую входомъ для владѣльцевъ дворца, которые были строителями этой часовни.

Они прошли черезъ дворъ, остановились передъ небольшой дверью, источенной червями и Супрамати ударомъ плеча выбилъ эту дверь. Ризница была совершенно пуста, какъ и сама часовня, представлявшая невыразимо унылый видъ.

Стекла въ двухъ высокихъ и узкихъ, стрѣльчатыхъ окнахъ были перебиты; алтарь обнаженъ. Нѣсколько большихъ надгробныхъ плитъ украшали стѣны. Нарайяна прошелъ въ глубь часовни, гдѣ влѣво отъ алтаря, находилась каменная плита, со вдѣланнымъ въ центрѣ бронзовымъ кольцомъ. Онъ наклонился и безъ видимаго усилія поднялъ плиту. Тогда, при свѣтѣ лампы, обнаружились узкія ступени каменной лѣстницы.

— Это входъ въ склепъ,—сказалъ Нарайяна начиная спускаться по лѣстницѣ.

Супрамати съ лампой послѣдовалъ за нимъ. Скоро оба они очутились въ небольшомъ подземельи, предшествовавшемъ склепу. Бронзовая дверь склепа была закрыта на засовъ, на которомъ висѣлъ большой замокъ. Супрамати поднялъ валявшійся въ углу кусокъ желѣзной полосы и нѣсколькими ударами сбилъ замокъ. Затѣмъ, онъ отодвинулъ засовъ—и дверь со скрипомъ открылась. Изъ склепа пахнуло спертымъ воздухомъ, насыщеннымъ удушливымъ запахомъ сырости. Супрамати не обратилъ на это вниманія и вошелъ въ склепъ. Свѣтъ лампы, которую онъ держалъ въ рукѣ,

освѣтилъ рядъ большихъ и маленькихъ гробовъ, стоявшихъ на каменныхъ подставкахъ вдоль стѣнъ.

Нѣкоторые изъ нихъ сгнили и истлѣвшія доски ихъ обвалились на землю, въ перемежку съ костями; другіе гробы были цѣлы. Нарайяна прямо направился къ большому и очень массивному гробу изъ почернѣвшаго дуба съ металлическими углами.

— Здѣсь, — сказалъ онъ, — почиваетъ та, которую я хочу воскресить. Бѣдная Лоренца была очень красивая женщина. Ея мужъ—старое чудовище — задушилъ ее въ припадкѣ ревности за то, что она предпочла ему молодого и красиваго возлюбленнаго. Эта исторія не выплыла на свѣтъ Божій, только потому, что старый негодяй, Марко, приходился родственникомъ дожу.

Продолжая говорить, Нарайяна началъ снимать тяжелую гробовую крышку, которая не безъ труда уступила его усиліямъ и съ шумомъ упала на землю. Изъ гроба поднялось цѣлое облако пыли.

Затѣмъ Нарайяна сбросилъ истлѣвшее отъ времени покрывало и Супрамати увидѣлъ лежавшее въ гробу тѣло.

Это не былъ скелетъ, такъ какъ почернѣвшая и высохшая кожа покрывала кости, вырисовывая всѣ ихъ неровности; вмѣсто глазъ зіяли только черныя впадины; безгубый ротъ скалилъ зубы и вся голова, окруженная пышной массой волосъ, имѣла видъ черепа.

Нарайяна сдѣлалъ гримасу.

— Не много же осталось отъ красавицы Лоренцы! Но ты сейчасъ увидишь, что синьору Марко простительно было принять на совѣсть преступленіе. Но что великолѣпно сохранилось, такъ это платье. Обрати вниманіе на эту пурпурную парчу. Она толста и прочна, какъ кожа, несмотря на то, что пробыла здѣсь болѣе трехъ вѣковъ. Вашимъ фабрикамъ не худо было бы принять ее за образецъ.

Супрамати пощупалъ дѣйствительно отлично сохранившуюся матерію. Только золотыя кружева, украшавшія корсажъ съ широкими рукавами, совершенно почернѣли.

— Однако, намъ пора приниматься за дѣло. Я только схожу за водой къ фонтану,—объявилъ Нарайяна.

Съ этими словами онъ ушелъ, а смущенный и волнуемый самыми разнообразными чувствами Супрамати прислонился къ стѣнѣ.

Совѣсть упрекала его за то, что онъ рѣшается на преступный опытъ, который, въ случаѣ удачи, явится страшнымъ испытаніемъ для существа, надъ которымъ будетъ произведенъ; но противовѣсомъ

этому чувству явилось до крайности возбужденное любопытство „ученаго“, которое и заглушало всѣ угрызенія. Съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ онъ спрашивалъ себя: не сказка-ли это, придуманная Нарайяной? Ужели руки скелета, держащія крестъ чернаго дерева, могутъ сдѣлаться руками живого человѣка, а этотъ разложившійся трупъ выйти изъ своего гроба?

Приходъ Нарайяны прервалъ его тревожныя мысли. Къ его крайнему удивленію, тотъ принесъ кружку воды и зажженный фонарь древней формы, которому было, по меньшей мѣрѣ, полтораста лѣтъ.

— Вотъ!—самодовольно сказалъ Нарайяна, поставивъ кружку и фонарь на одинъ изъ сосѣднихъ гробовъ.

— Къ чему этотъ фонарь? По сравненію съ моей лампой это просто свѣтлячекъ,—замѣтилъ Супрамати.

— Твой шаръ именно своимъ яркимъ и ослѣпительнымъ свѣтомъ будетъ вредить феномену. Прошу, заверни его и спрячь въ карманъ, какъ только вольешь три капли первоначальной эссенціи въ кружку.—отвѣтилъ Нарайяна.

— Это я могу такъ же хорошо сдѣлать и при свѣтѣ фонаря. Но какъ ты зажегъ его?—спросилъ Супрамати, пряча свѣтящійся шаръ.

— А вотъ какъ,—отвѣтилъ Нарайяна, поднимая руку.

Тотчасъ же на его рукѣ вспыхнулъ мерцающій огонекъ, который погасъ, какъ только онъ опустилъ руку.

Супрамати досталъ флаконъ и капнулъ три капли въ воду. Изъ кружки тотчасъ же брызнуло большое красное пламя, а вода превратилась словно въ расплавленную массу.

— Вылей все изъ кружки въ гробъ!—приказалъ Нарайяна.

Супрамати повиновался. Послышался трескъ, точно вылили воду на негашеную известь.

— Теперь отойдемъ въ тотъ темный уголъ. Оттуда мы можемъ все видѣть, не будучи сами зидимы.

Молча, съ подавленнымъ сердцемъ, Супрамати прислонился къ стѣнѣ и смотрѣлъ на гробъ, гдѣ что-то трещало и кипѣло, а кверху подымался густой, бѣловатый паръ, изборожденный огненными зигзагами.

Затѣмъ отовсюду, съ потолка, стѣнъ и пола появилась масса блестящихъ фосфорическихъ искръ, которыя, подобно каскаду падающихъ звѣздъ, съ сухимъ трескомъ сыпались на кипѣвшую массу въ гробу.

Сердце Супрамати билось со страшною силой, а отъ волненія у него захватило дыханіе. Почти со страхомъ взглянулъ онъ на Нарайяну, который стоялъ рядомъ съ нимъ, но лица того не было видно, такъ какъ онъ, въ эту минуту, закрылся съ головой плащемъ. Плащъ же его былъ покрытъ фосфоресцирующимъ туманомъ, который ясно вырисовывалъ на темной стѣнѣ фигуру Нарайяны; рука же съ длинными и тонкими пальцами, придерживавшая складки плаща, была вполнѣ рукой живого человѣка. Съ невольною дрожью Супрамати отвернулся и снова сталъ смотрѣть на гробъ.

Тамъ произошла перемѣна. Бѣловатый паръ превратился въ красное, какъ кровь, облако, которое быстро исчезало внутри гроба. Въ эту минуту съ потолка, подобно блуждающему огоньку, спустилось большое пламя, стрѣлой пронеслось черезъ склепъ и потонуло въ гробу, увлекая за собой остатки краснаго облака. Затѣмъ все угасло и въ древнемъ склепѣ, освѣщенномъ слабымъ свѣтомъ фонаря, настала мертвая тишина.

Вдругъ въ этой глубокой тишинѣ что-то зашевелилось и раздалось шуршаніе шелковой матеріи. Потомъ послышался человѣческій вздохъ, такой жалобный и болѣзненный, что ледяная дрожь пробѣжала по тѣлу Супрамати. Но вотъ на краю гроба появилась бѣлая рука, а затѣмъ голова и торсъ женщины, которая съ трудомъ приподнялась и сѣла, тяжело переводя дыханіе. Это лицо, которое за четверть часа передъ тѣмъ было черепомъ, выражало теперь безумный ужасъ, а глаза боязливо блуждали по зловѣщей обстановкѣ.

— Великій Боже! Пресвятая Богородица! И такъ, это не было ужаснымъ сномъ, что Марко хотѣлъ задушить меня? И меня сочли умершей!—пробормоталъ дрожащій голосъ.

Женщина быстро выпрямилась, приподнялась и осторожно вышла изъ гроба. Вдругъ она вздрогнула и поднявъ ногу внимательно посмотрѣла на нее.

— Скажите, пожалуйста, какіе рваные башмаки надѣли на меня!—продолжала она на чистомъ тосканскомъ нарѣчіи.

Охваченная внезапною слабостью, она сѣла на ступеньку и сжала голову руками, видимо стараясь собраться съ мыслями.

Жадно слѣдившій за ней Супрамати увидѣлъ теперь, что это была совсѣмъ еще молодая, стройная женщина, съ роскошными, черными волосами. Охваченная несомнѣнно ужасомъ, какой внушало ей зловѣщее мѣсто, гдѣ она находилась, молодая женщина встала и схватила фонарь.

— Кто могъ принести сюда этотъ фонарь? Конечно,—«онъ», чувствуя, что я жива. Но гдѣ же «онъ»?—шептала она и радостная улыбка появилась на ея губахъ.

Затѣмъ она повернулась и быстро вышла изъ склепа.

— Боже, какое очаровательное созданіе! Но что съ ней будетъ?—пробормоталъ Супрамати съ восхищеніемъ и жалостью.—То, что ты сдѣлалъ, Нарайяна, это дѣло дьявольское! Ужъ не ты ли этотъ «онъ», котораго она ждетъ?—съ волненіемъ прибавилъ онъ.

— Ты—сама воплощенная проницательность, другъ Ральфъ. Теперь же я долженъ возложить на тебя бремя—покровительство Лоренцѣ. Надѣюсь, что Нара не будетъ ревновать тебя: вѣдь ты такой добродѣтельный и вѣрный супругъ!—съ сухимъ смѣхомъ отвѣтилъ Нарайяна.—Впрочемъ, даже рискуя разсердить мою эксъ-половину, я не могу самъ заняться воскресшей красавицей. У меня нѣтъ ни человѣческихъ правъ, ни правъ духа; но она не пойметъ этого, если увидитъ меня, и ея любовь причиняла бы только одно затрудненіе. А теперь—до свиданья! Ступай на верхъ! Бѣдная малютка на дворѣ и никакъ не можетъ понять перемѣны, происшедшей съ ея дворцомъ. Предложи же ей свои рыцарскія услуги. Кстати, вернуться къ лодкѣ ты можешь другимъ болѣе прямымъ и краткимъ путемъ, чѣмъ тотъ, которымъ мы пришли. Въ залѣ, гдѣ находится каминъ, украшенный головой Аполлона, есть налѣво дверь. Она выходитъ въ галлерею, которая приведетъ васъ прямо въ вестибюль. Я оставляю также плащъ, который ты далъ мнѣ. Онъ пригодится, чтобы прикрыть не совсѣмъ модный костюмъ Лоренцы.

Минуту спустя, Супрамати былъ уже въ склепѣ одинъ, а Нарайяна исчезъ.

Супрамати поднялся по лѣстницѣ и увидѣлъ на дворѣ Лоренцу. Она, видимо, была испугана и стояла въ нерѣшительности, не смѣя двинуться впередъ.

— Синьора!—сказалъ онъ, подходя къ молодой женщинѣ.—Позвольте мнѣ проводить васъ туда, гдѣ вы можете отдохнуть.

Супрамати говорилъ по-итальянски.

Лоренца подняла на него свои большіе черные глаза и съ видимымъ недовѣріемъ оглядѣла его высокую фигуру, закутанную въ темный плащъ, съ большой фетровой шляпой на головѣ. Вдругъ она отступила назадъ и боязливо пробормотала:

— Брави?!

Невольная улыбка скользнула по губамъ Супрамати.

— Успокойтесь, синьора! Я нобиле, а не брави. Я хочу отвезти васъ къ моей женѣ. Остальное мы обсудимъ позже,—прибавилъ онъ, набрасывая плащъ ей на плечи и беря фонарь.

— Понимаю! Васъ послалъ Нарайяна. Онъ найдетъ меня и возьметъ подъ свое покровительство,—отвѣтила Лоренца, опуская капюшонъ.—Но я не хочу идти черезъ домъ: Марко можетъ узнать это. Мы можемъ выйти черезъ капеллу.

— Не бойтесь ничего, синьора! Никто не увидитъ и не остановитъ васъ. Вы можете смѣло довѣриться мнѣ.

Видимо оробѣвшая Лоренца послѣдовала за нимъ. Но когда она проходила по пустымъ и разрушающимся комнатамъ, ею овладѣлъ такой ужасъ, что она схватила Супрамати за руку и вскричала задыхающимся голосомъ:

— Что это значитъ? Весь домъ разграбленъ. Что же могло случиться здѣсь въ нѣсколько дней?

— Вы скоро все узнаете, синьора! Здѣсь не мѣсто для длиннаго разговора,—отвѣтилъ Супрамати, увлекая спутницу къ выходу.

Во время переѣзда не было произнесено ни слова; но когда Супрамати причалилъ къ своему дворцу, Лоренца вскрикнула глухимъ голосомъ:

— Вы замышляете предательство синьоръ незнакомецъ? Вы везете меня во дворецъ Нарайяны? Здѣсь онъ не станетъ прятать меня. Отвезите меня къ нему! Я хочу его видѣть!—прибавила она, разражаясь рыданіями.

Ироническая и грустная улыбка скользнула по лицу Супрамати.

Вмѣстѣ съ жизнью, въ душѣ несчастной пробудилась и любовь къ предательскому человѣку, который былъ причиной ея печальной кончины, и который вырвалъ теперь ее изъ гроба только для того, чтобы произвести «интересный опытъ» и доказать, что онъ можетъ воскрешать мертвыхъ.

Въ краткихъ, но рѣшительныхъ выраженіяхъ, онъ убѣдилъ Лоренцу выйти изъ лодки и молча провелъ ее въ гостинную Нары, гдѣ и попросилъ подождать его. Самъ же онъ прошелъ прямо въ спальню жены, чтобы сообщить ей о происшедшемъ.

Нара не спала. Она, повидимому, была раздражена и въ безпокойствѣ ходила по комнатѣ. Когда вошелъ мужъ, она смѣрила его мрачнымъ взглядомъ.

— Ну, что скажешь новаго? Какую еще новую глупость

сдѣлалъ ты? Соучастникомъ какого новаго безчестнаго поступка сдѣлалъ тебя Нарайяна?—презрительно спросила она.

— Прости меня, Нара,—сказалъ Супрамати, беря ея руку и подноси къ губамъ.—Это правда! Я позволилъ себѣ увлечься опытомъ преступнымъ, но до такой степени необыкновеннымъ, что...

— Понадобилось убить живое существо и облечь въ трауръ цѣлую семью, чтобы воскресить скелетъ, а Нарайянѣ дать возможность показать свое «знаніе»! Право, нѣтъ конца его адской злобѣ, и той дерзости, съ которою онъ забавляется человѣческими жизнями, словно пѣшками, созданными для его развлеченія. Ты выбралъ себѣ опаснаго учителя. Это ученый безъ совѣсти. Онъ пользуется страшными законами не для полезной цѣли и не съ благоразуміемъ, какъ всякій истинный посвященный, а съ самой преступной беззаботностью.

— Можетъ быть я и былъ неблагоразуменъ, но меня увлекло желаніе знанія. Я хочу, наконецъ, знать свойства той первоначальной матеріи, которой я владѣю! Вы же съ Дахиромъ оставляете меня въ невѣдѣніи, отмѣриваете мнѣ знаніе по каплямъ, какъ лекарство—съ легкой досадой возразилъ Супрамати.

— Кто хочетъ толково учиться, долженъ постепенно двигаться впередъ: ты же, Супрамати, не смотря на всѣ твои хорошія качества—ужасный ребенокъ! Развѣ не увлекло тебя сегодня твое безразсудное, ни передъ чѣмъ не останавливающееся любопытство на жестокій и безполезный поступокъ? Какова будетъ судьба женщины, которую вы, такъ сказать, возсоздали? Что будетъ она дѣлать, очутившись въ непонятныхъ для нея условіяхъ, въ этомъ мірѣ, гдѣ никого не знаетъ?

Супрамати покраснѣлъ, а потомъ привлекъ Нару къ себѣ и поцѣловалъ въ щеку.

— Ты права, какъ и всегда, моя прекрасная и мудрая волшебница. Но разъ зло сдѣлано, помоги мнѣ исправить его въ предѣлахъ возможнаго. Я привезъ бѣдную Лоренцу сюда. Нельзя же было ее бросить на улицѣ. Теперь она въ твоей гостинной и, признаюсь, у нея немного видъ сумасшедшей...

— Я полагаю. По правдѣ сказать, безуміе было бы для нея благодѣяніемъ. Хотя добрая Лоренца и не заслуживаетъ моего участія и помощи; но, въ виду протекшаго времени и двойной смерти, которую ей предстоитъ пережить, я прощаю и постараюсь облегчить ея участь.

— Ты знала Лоренцу?

— О, конечно! Ее выдали замужъ за одного стараго, очень богатаго нобиле, который безумно любилъ ее, но Нарайяна увлекъ ее и обольстилъ. Связь ихъ была такъ скандальна, что дошла наконецъ до синьора Марко, и тотъ въ припадкѣ ревности задушилъ жену. Мучили ли его угрызенія совѣсти, или волненіе было слишкомъ сильно для его комплекціи, только по совершеніи преступленія съ нимъ случился апоплексическій ударъ, а черезъ шесть мѣсяцевъ онъ умеръ. Что же касается насъ, то мы уѣхали изъ Венеціи—и вся исторія была замята. Теперь я пойду къ живой покойницѣ, а ты, ненасытный «искатель истины», ступай къ Нарайянѣ. Можетъ быть онъ научитъ тебя, какъ создать при помощи первоначальной матеріи человѣка. Онъ и это умѣетъ дѣлать. И если вы съ нимъ не населите цѣлой пустыни, то можетъ быть навяжете мнѣ заботы, о какой нибудь новой жертвѣ вашихъ «опытовъ».

Не дожидаясь отвѣта, Нара повернулась и вышла изъ комнаты.

Лоренца сидѣла въ гостинной, закрывъ лицо руками; въ головѣ бушевалъ хаосъ мыслей и ей казалось, что она сходитъ съ ума.

Очевидность указывала ей, что съ той минуты, какъ она потеряла сознаніе, до того времени, какъ очнулась въ склепѣ, произошла необыкновенная перемѣна во всемъ, что ее окружаетъ.

Она ясно помнила, какъ вернулась къ гондолѣ, наполненной цвѣтами, которые въ изобиліи бросалъ ей Нарайяна во время корсо на Большомъ каналѣ.

Она съ трудомъ таила свою страсть къ обольстительному Нарайянѣ, который былъ чужеземцемъ только по происхожденію, но по костюму, манерамъ и даже христіанскому благочестію ничѣмъ не отличался отъ венеціанскихъ синьоровъ, за исключеніемъ, можетъ быть, своей щедрости сатрапа. Съ какой деликатной изобрѣтательностью находилъ онъ всегда возможность осыпать ее подарками съ тѣхъ поръ, какъ сдѣлался ея любовникомъ!

Послѣ этого чуднаго вечера настала ужасная ночь. Мужъ сдѣлалъ ей бѣшеную сцену. Она съ дрожью вспомнила искаженное лицо, налитые кровью глаза, смотрѣвшіе на нее съ дикою ревностью, и ледяные пальцы Марко, которые, какъ клещами, сдавили ея горло.

Все это произошло всего лишь нѣсколько дней тому назадъ, а между тѣмъ великолѣпный дворецъ обратился въ развалины, улицы

измѣнили свой видъ, костюмы прохожихъ не были похожи на тѣ, къ которымъ она привыкла, и даже эта комната, куда привелъ ее неизвѣстный покровитель, дышала чѣмъ-то новымъ, невѣдомымъ. Все было ей чуждо здѣсь, начиная съ огня, горѣвшаго въ какихъ-то стеклянныхъ трубочкахъ, и кончая кутанной мебелью странной формы, обтянутой атласомъ.

Острая боль сдавила ей черепъ и она какъ разбитая, поникла головой на столъ.

Прикосновеніе чей-то руки заставило Лоренцу вздрогнуть. Она выпрямилась и вскочила на ноги.

— Мадонна Нара! Это вы?!—пробормотала она, и тотчасъ же сконфуженно умолкла.

— Да, это я, Мадонна Лоренца! Пойдемте въ мою комнату и тамъ мы можемъ объясниться.

Смущенная Лоренца послушно пошла въ будуаръ Нары, гдѣ на маленькомъ столикѣ была приготовлена ѣда, состоявшая изъ овощей, молока и хлѣба, тутъ же стоялъ кубокъ вина.

— Прежде все кушайте и подкрѣпите свое силы,— сказала Нара, заставляя сѣсть свою посѣтительницу.

Видъ кушаній сразу возбудилъ аппетитъ Лоренцы. Она выпила вина и отвѣдала всѣхъ блюдъ. Но когда она хотѣла начать объясненія, Нара остановила ее.

— Прежде, чѣмъ приступить къ бесѣдѣ, вамъ необходимо взять ванну и перемѣнить платье. Никто не долженъ видѣть васъ въ этомъ костюмѣ. И такъ, пойдемте въ мою уборную.

Лоренца молча повиновалась, чувствуя себя утомленной и неспособной разсуждать. Она послушно раздѣлась и погрузилась въ ванну, куда Нара налила что-то изъ небольшаго флакона. Пока ея гостья съ наслажденіемъ мылась, Нара принесла изъ гардеробной бѣлье и приготовленный для нея пенюаръ, такъ какъ не хотѣла будить камеристку.

Ванна освѣжила Лоренцу, а когда она надѣла батистовое бѣлье и широкій шелковый пенюаръ, отдѣланный кружевами, то почувствовала себя совсѣмъ хорошо.

— Теперь надо поспать,—съ улыбкой сказала Нара.

— Но прежде я поблагодарю васъ за вашу доброту ко мнѣ. Я такъ мало заслужила ее и очень виновата передъ вами.—пробормотала Лоренца, краснѣя и опуская глаза.

— Всѣ ваши вины передо мной прощены и забыты, такъ какъ съ умершими не считаются. Для перваго объясненія многихъ вещей,

которыя кажутся вамъ непонятными, я должна сказать вамъ, маркиза, что ваша летаргія длилась гораздо дольше, чѣмъ вы предполагаете. За это время умеръ Нарайяна...

Лоренца страшно поблѣднѣла и вскричала глухимъ голосомъ:

— Нарайяна умеръ, а я жива!

Заливаясь слезами, она продолжала отрывисто:

— Зачѣмъ Господь далъ мнѣ пережить его! Какъ ни преступна моя любовь, она связываетъ меня съ нимъ всѣми фибрами моего существа. Ради него я готова была все перенести.

Видя, что Нара молчитъ, печально и задумчиво смотря на нее, Лоренца пробормотала, стараясь подавить рыданія и побороть свое отчаяніе:

— Простите мнѣ такое, слишкомъ живое выраженіе горя, которое равносильно для васъ оскорбленію. Мое единственное извиненіе заключается въ томъ, что сердцу нельзя приказывать и что онъ говорилъ мнѣ, будто разошелся съ вами, что вы не любите его больше и равнодушно смотрите на его любовь къ другой женщинѣ. Правда ли это? Возможно ли не любить такого человѣка, какъ *онъ*?

— Это правда. Я не могла любить Нарайяну. Меня отталкивали отъ него безпутная жизнь, безнравственные принципы, измѣны и жестокое легкомысліе, съ какими онъ безчестилъ женщинъ. Его поведеніе по отношенію къ вамъ и вашему супругу было недостойно. Онъ выдавалъ себя за друга маркиза и воспользовался его краткимъ отсутствіемъ, чтобы обольстить васъ. Вы были такъ молоды и хороши собой, что легко могли возбудить капризъ гуляки; вашъ же мужъ искренно любилъ васъ. Когда вы погубили его счастье и честь, онъ дошелъ до преступленія и умеръ.

— Какъ? Марко тоже умеръ? — пробормотала Лоренца, безсильно падая въ кресло.

— Да, вамъ остается только молиться за него и за вашего обольстителя. Господь даровалъ вамъ жизнь, чтобы вы раскаялись и посвятили остатокъ вашихъ дней молитвѣ и очищенію души.

— Скажите же, отчего онъ умеръ и какъ долго я лежала въ летаргіи? Однимъ словомъ, объясните мнѣ все, что произошло съ того времени, какъ я... лишилась сознанія,— робко спросила Лоренца.

— Только не теперь; на сегодня и такъ довольно волненія. Мнѣ нужно будетъ передать многое, что сильно взволнуетъ васъ, а вы настоятельно нуждаетесь въ отдыхѣ.

Видя, что Лоренца собирается протестовать, Нара сказала властно:

— Безъ возраженій! Примите вотъ эти успокоительныя капли, ложитесь въ сосѣдней комнатѣ на диванъ и спите. Завтра вы узнаете все, что пожелаете.

И дѣйствительно, Лоренца сама не сознавала, что силы ея окончательно истощены. Ужасный «опытъ», какой вынесли ея душа и тѣло, давалъ себя знать. Поэтому, едва она легла на диванъ, какъ принятое ею наркотическое средство погрузило ее въ глубокій сонъ.

Нара задумчиво и печально смотрѣла на красивое лицо, которое въ теченіе вѣковъ было прахомъ и теперь оживлено преступной волей. Тяжелый вздохъ вырвался изъ груди.

— Несчастная! Какія нравственныя муки ждутъ тебя при пробужденіи. Когда же, Нарайяна, поразитъ тебя небесное правосудіе? Когда сознаешь ты преступность легкомыслія,—играть страшнымъ знаніемъ, попавшимъ въ твои руки? пробормотала она.

— Ты ненавидишь меня, а потому такъ безпощадно и осуждаешь,—произнесъ звучный и хорошо знакомый голосъ.

Нара быстро обернулась, и ея спокойный, ясный взглядъ встрѣтился съ пылающими глазами Нарайяны.

— Ты явился полюбоваться на свое дьявольское дѣло? Неужели тебя не мучаетъ совѣсть, что ты снова такъ жестоко поступилъ съ этой жертвой твоихъ прихотей,—съ упрекомъ замѣтила Нара.— Но,—продолжала она,—ты отлично знаешь, что я не ненавижу тебя, такъ какъ степень моего посвященія исключаетъ такое дурное чувство. Я только жалѣю тебя и упрекаю, что ты, держа въ рукахъ кубокъ знанія, предпочелъ ему кубокъ наслажденій. Мнѣ жаль, что ты не захотѣлъ стряхнуть съ себя прахъ пошлаго человѣка, и пользуешься обрывками пріобрѣтенныхъ знаній, только для того, чтобы дѣлать зло или глупости. Ты самъ знаешь, что на твоемъ прошломъ лежитъ больше проклятій чѣмъ благословеній.

— Это ты все намекаешь на воскрешеніе Лоренцы?

— Не только о ней. Вспомни, сколько совершилъ ты оккультныхъ злоупотребленій, забывая, что грозный, творящій и разрушающій двигатель довѣренъ намъ для того, чтобы мы были его безмолвными и вѣрными хранителями, а вовсе не для того, чтобы пользоваться имъ ради забавы, или для удовлетворенія личныхъ фантазій. Статуты братства, членомъ котораго ты былъ, строго запрещаютъ употреблять первоначальную матерію для нарушенія

дѣйствующихъ общихъ законовъ, какъ то—для воскрешенія мертвыхъ, что создало бы ужасный безпорядокъ и вызвало бы неслыханныя осложненія. Если бы каждый изъ насъ пользовался извѣстными свойствами таинственной эссенціи, подобно тебѣ, мы перевернули бы всю планету.

— Ты права, Нара, и, однако, все-таки заблуждаешься. Воскрешеніе одного существа не воспламенитъ міръ и не поколеблетъ мудраго закона, обрекающаго смерти все живущее. Точно также никому не принесетъ вреда, что я принялъ нѣсколько капель эссенціи жизни.

— Для тебя послѣдствія этого будутъ очень тяжелы.

— Эти послѣдствія я и буду нести самъ. Но можешь ли ты, зная законы, которымъ я подчиненъ, такъ строго осуждать меня? Тебѣ извѣстно, что вслѣдствіе долгой жизни мое астральное тѣло черезъ чуръ пропитано первоначальной матеріей и что, въ теченіе времени, которое трудно опредѣлить, я не могу снова воплотиться. Такимъ образомъ, я осужденъ на блужданіе.

Но такъ какъ меня не допускаютъ въ высшія сферы, то я долженъ влачить свое существованіе въ людской средѣ, а ты сама понимаешь всѣ невыгоды подобнаго состоянія. Какое человѣческое воображеніе способно придумать болѣе ужасный адъ, чѣмъ блужданіе около земли! Пляска мертвыхъ, людей и животныхъ, атмосфера отчаянной борьбы милліардовъ существъ, ищущихъ равновѣсія, безпорядочные стоны, картины преступленій, наполняющій все адскій вихрь смертей и рожденій—нѣтъ, существовать при такихъ условіяхъ у меня не хватаетъ силъ.

Присоединиться къ арміи Сарміэля я не желаю. Бѣдное человѣчество и такъ достаточно страждетъ, чтобы увеличивать эти страданія. Продолжать же существованіе бродячей собаки я не хочу, ни за что на свѣтѣ. Поэтому-то я и рѣшилъ снова наполовину войти въ человѣчество, чтобы быть въ состояніи скрыться, когда этого пожелаю отъ удовольствія созерцать окружающее и отъ исключительнаго прозябанія въ вонючей атмосферѣ первой сферы.

Полу-духъ, полу-человѣкъ, я буду жить въ Индіи, подобно Іогу и буду подкрѣплять свои силы необходимыми жизненными соками, но не стану никому дѣлать зла, не считая, конечно, шутокъ надъ негодяями, не заслуживающими ничего лучшаго. Обѣщаю тебѣ больше не пользоваться первоначальной матеріей, а буду я забавляться своей двойственностью. Вообрази только, какъ будетъ смѣшно, если какая-нибудь старая леди, не видя меня, на-

ступитъ мнѣ на ногу, а я закричу «ай!» и вырву у нея ридикюль; или, напримѣръ, если я крикну: «Ха! ха!» на ухо какому нибудь обожателю, когда онъ объясняется въ любви своей возлюбленной.

— И подобныя глупости могутъ развлекать тебя? Право, ты достоинъ сожалѣнія, Нарайяна! Великій Боже! Кому же будетъ дано внушить тебѣ любовь къ истинному знанію! — вздохнула Нара.

— Успокойся! Я не буду заниматься исключительно глупостями. Какъ только я прилично устроюсь,—вѣдь, тебѣ извѣстенъ мой девизъ: «если жить, то надо жить хорошо»,—и немного позабавлюсь, ослѣпляя людей своимъ блескомъ и заинтриговывая ихъ окружающею меня таинственностью, я осную небольшую школу посвященія. У меня будетъ нѣсколько учениковъ, которыхъ я обучу если не высшей магіи, то, во всякомъ случаѣ, феноменамъ, вызываемымъ полу-магомъ. И ты увидишь, что меня будутъ уважать не меньше, чѣмъ Супрамати, который одаренъ всѣми качествами, чтобы сдѣлаться настоящимъ магомъ, что безъ малѣйшей зависти я и признаю. А теперь—до свиданія, моя прекрасная эксъ-супруга! Приглашаю тебя вмѣстѣ съ Супрамати навѣстить меня. Вы будете желанными гостями, особенно ты: такъ какъ, отказавшись отъ правъ мужа и отъ всѣхъ сопряженныхъ съ ними удовольствій, я сохраняю за собой права кавалера и постараюсь вниманіемъ второго загладить всѣ ошибки перваго.

— Шутъ!—сказала Нара, пожимая плечами и невольно смѣясь.

Въ своей комнатѣ Нара застала взволнованнаго и встревоженнаго Супрамати. Онъ тотчасъ же спросилъ про Лоренцу. Нара разсказала ему, что она сдѣлала, и прибавила, что видѣла Нарайяну, упрекавшаго ее въ ненависти къ нему, вслѣдствіе которой она, будто бы, слишкомъ строго судитъ его.

— Я тоже думаю, что ты къ нему—недоброжелательна,— замѣтилъ Супрамати.—Ты очень разсердилась, когда я далъ ему чуточку элексира, а между тѣмъ, не все-ли тебѣ равно?

— Конечно, все равно, за исключеніемъ нѣкоторыхъ флюидическихъ неудобствъ, проистекающихъ отъ узъ, какія образовались между ними въ теченіе вѣковъ. Я просто считала безполезнымъ и опаснымъ вводить Нарайяну въ искушеніе. Если бы онъ оставался въ состояніи блужденія, то отвращеніе къ своему страждущему положенію все-таки толкало бы его впередъ по пути очищенія и

серьезнаго труда. Теперь же онъ остановится на одномъ мѣстѣ, будетъ забавляться и ничего не дѣлать.

— Въ такомъ случаѣ я искренно сожалѣю о своей непредусмотрительности,—съ сожалѣніемъ сказалъ Супрамати.

— Теперь уже никакія сожалѣнія не помогутъ. Нѣтъ, мой другъ, я вижу, что тебѣ надо еще много учиться, прежде чѣмъ ты пріобрѣтешь не только знаніе истиннаго мага, но и его благоразуміе.

XI.

Для Нары настали тяжелые дни. Ей надо было объяснить бѣдной Лоренцѣ неслыханное дѣло, а именно: что она спала болѣе трехъ вѣковъ и что ничего не осталось отъ того, что она знала и любила.

Самое грустное заключалось въ томъ, что умъ воскрешенной положительно не могъ понять того, что она считала невозможнымъ.

Сначала Лоренца упорно подозрѣвала злую мистификацію; но подавляющая дѣйствительность скоро разсѣяла послѣднюю иллюзію и это вызвало такое безумное состояніе, что только искусственный сонъ на время прерывалъ его.

Наконецъ, послѣ недѣли самаго бурнаго отчаянія,—криковъ, обмороковъ и потоковъ слезъ,—Лоренца впала въ глубокую апатію. По цѣлымъ часамъ лежала она на диванѣ, отказываясь отъ пищи и питья, или, сидя у окна, смотрѣла на каналъ такимъ подозрительно злобнымъ взглядомъ, какъ будто задумала что-нибудь отчаянное.

Нара съ безпокойствомъ наблюдала за ней: Супрамати же былъ совершенно подавленъ послѣдствіями своего «научнаго опыта». Для обоихъ состояніе духа воскрешенной тѣмъ болѣе было тяжело, что приближалось время ихъ отъѣзда въ братство, а они не хотѣли бросить Лоренцу, пока не пройдетъ такой опасный нравственный кризисъ.

Съ согласія Дахира было рѣшено отвезти Лоренцу въ Индію и помѣстить ее въ общину женщинъ, судьба которыхъ была одинакова съ ея судьбой. Тамъ постарались бы развить ея умъ и создать ей новыя условія существованія въ занятіяхъ и трудѣ. Если бы она оказалась неспособной найти счастье и покой на этомъ пути, то можно было бы постараться выдать ее замужъ, какъ только она пріобрѣтетъ достаточно спокойствія, чтобы войти въ свѣтъ подъ новымъ именемъ и не выдать тайны своего страннаго и необыкновеннаго прошлаго.

Однажды утромъ Нара отправилась къ своей паціенткѣ, чтобы попытаться еще разъ внушить ей благоразуміе. Не обращая вниманія на мрачный и озабоченный видъ Лоренцы, Нара сѣла рядомъ и строгимъ тономъ, какимъ еще ни разу не говорила съ ней, замѣтила, что покорность истинной христіанки съ вѣрой и довѣріемъ преклонилась бы передъ путями Провидѣнія, какъ бы непонятны они ей ни казались.

Видя, что Лоренца покраснѣла и смутилась, наставница напомнила ей, какой ужасный грѣхъ предшествовалъ ея летаргіи,—что она была мертва, такъ и осталось для нея тайной,—и что Господь, наказывая ее, былъ настолько милосердъ, что соединилъ ее съ Нарой, которую она знала, и обезпечилъ ей новое будущее. Она прибавила, что Супрамати даетъ ей весьма солидное состояніе, а это избавляетъ ее отъ всякихъ денежныхъ заботъ. Поэтому она, по своему усмотрѣнію, можетъ вернуться въ свѣтъ и выйти замужъ подъ новымъ именемъ, или ѣхать съ ними въ Индію и отдохнуть среди друзей до той минуты, пока не успокоится, достаточно, чтобы рѣшить свое будущее.

Этотъ разговоръ не остался безъ результата. Увѣренность, что она не нищая, видимо успокоила Лоренцу, и въ концѣ концовъ она выразила желаніе помолиться въ церкви. Нара подарила ей полное приданое и свозила въ церковь Св. Марка.

Видъ церковной службы, которая совершалась такъ же, какъ и прежде, подкрѣпилъ бѣдную женщину. Съ этого дня Лоренца сдѣлалась благоразумнѣй и выразила желаніе сопровождать Нару и ея мужа въ Бенаресъ. Остальное время до отъѣзда она ходила по церквамъ и разыскивала могилы своихъ современниковъ, у которыхъ по-долгу молилась. Особенно долго она молилась у мавзолея мужа, который ей удалось-таки разыскать.

Двѣ недѣли спустя, всѣ уѣхали изъ Венеціи и остановились на островѣ Кипрѣ, гдѣ устроили Лоренцу съ Тортозомъ. Тамъ она должна была дожидаться ихъ.

Молодая женщина была грустна и серьезна, но спокойна. Теперь нечего было бояться нескромности съ ея стороны, такъ какъ она поняла, что ея прошлое не изъ числа тѣхъ, о которыхъ можно говорить.

Въ темную и бурную ночь вышла изъ гавани маленькая лодка. Въ ней сидѣло трое безсмертныхъ, которые не боялись ни волнъ, ни бурь, и смѣло направлялись въ открытое море. Какъ только

послѣдніе фонари гавани исчезли въ туманѣ, показался корабль-призракъ, который подъ парусами дожидался своихъ пассажировъ.

Сколько времени длилось путешествіе, Супрамати не могъ опредѣлить. Разнообразныя чувства волновали его душу, когда они приставали къ затерянной въ океанѣ скалѣ, которая въ гранитныхъ нѣдрахъ своихъ таила сокровенныя тайны.

Церемоніалъ пріема былъ такой же, какъ и въ первый разъ, а затѣмъ всѣ разошлись по назначеннымъ имъ комнатамъ.

На слѣдующее утро, одѣтый въ бѣлоснѣжную тунику, сосредоточенный и полный тревоги, отправился Супрамати на божественную службу, торжественность которой снова произвела на него глубокое впечатлѣніе.

Старецъ-Первосвященникъ, совершавшій службу, какъ и полвѣка тому назадъ, подзывалъ присутствующихъ по одному и выливалъ на ихъ головы по нѣскольку капель таинственной влаги, содержавшейся въ чашѣ. Супрамати, Нара и Дахиръ были послѣдними.

Старецъ приказалъ имъ стать у подножія ступеней, а самъ отнесъ чашу на алтарь. Затѣмъ онъ вернулся, привлекъ въ свои объятія Супрамати и сердечно поцѣловалъ его.

— Я счастливъ, братъ мой, привѣтствовать тебя здѣсь, какъ полезнаго и достойнаго члена нашего братства. Ты сдержалъ то, что обѣщалъ. Богатство не приковало тебя къ матеріальному міру, не увлекло тебя своими наслажденіями и не сдѣлало тебя ненасытнымъ въ отношеніи тѣхъ пошлостей мірскихъ, которыя всегда остаются однѣ и тѣ же подъ новыми именами и извинительны едва-ли даже для существъ, живущихъ и умирающихъ, какъ насѣкомыя: но для безсмертнаго онѣ составляютъ преступленіе и несчастье. Ты возвращаешься къ намъ не загрязненный нечистыми страстями: ты хорошо работалъ и прошелъ первыя ступени знанія. Теперь ты готовъ вступить на тернистый, но славный путь высшаго посвященія. Но я вижу въ твоей душѣ боязнь и смущеніе при видѣ громаднаго поля труда и знанія, которое еще предстоитъ тебѣ одолѣть.

— Успокойся, мой братъ! Какъ ни тяжелъ путь, желаніе и воля сглаживаютъ всѣ трудности, а лихорадочная дѣятельность заставляетъ забывать время. Послѣ каждой раскрываемой тайны, встрѣчается запертая дверь новой, ключъ къ которой приходится искать. Такимъ образомъ, переходя отъ одной области къ другой, и поднимаются по лѣстницѣ свѣта, которая ведетъ къ невѣдомому

центру, гдѣ царитъ Непогрѣшимое Существо—Творецъ безконечности. И чѣмъ выше будешь ты подниматься, тѣмъ болѣе душа твоя будетъ наполняться гармоніей и пріобрѣтать могущества.

Нашему брату, Эбрамару, поручаемъ мы руководить тобой въ изученіи высшей магіи, и пусть онъ научитъ тебя использовать пріобрѣтенныя тобой знанія. Испытаніе мага кончается только тогда, когда онъ можетъ произвести что нибудь полезное для общаго блага и умѣетъ сознательно пользоваться великими двигателями вселенной. Помните вы, здѣсь собравшіеся друзья, что *безсмертіе*—это тяжелое бремя, что наше назначеніе—облегчить агонію нашего стараго, умирающаго міра и колонизовать новую планету. Пусть же сознаніе такой отвѣтственности поддерживаетъ тебя, Супрамати, и вооружитъ мужествомъ и настойчивостью, которыхъ ничто не могло бы поколебать!

Старецъ сдѣлалъ Нарѣ знакъ приблизиться и продолжалъ:

— Ты тоже, дочь моя, хорошо трудилась! Ты очистилась и вихрь плотскихъ влеченій, въ который бросилъ тебя твой неосторожный союзъ съ Нарайяной, не имѣетъ больше на тебя вліянія. Тебя ждетъ важное и полезное дѣло подъ руководствомъ Эбрамара. Выполни его съ честью и усердіемъ—и ты поднимешься еще ступенью выше.

— Наконецъ, тебѣ, Дахиръ, я могу сообщить благую вѣсть. Послѣднее изъ тяготѣвшихъ надъ тобой проклятій изгладилось. Жертвы, простившія тебѣ, сдѣлались твоими друзьями; мрачныя же души, упорствующія въ своей ненависти, безсильны надъ тобой. Разрушающій, исходящій отъ нихъ флюидъ, падаетъ на ихъ же головы. Чистый и свободный отъ всякой связи съ твоимъ преступнымъ прошлымъ, переступишь ты порогъ высшаго посвященія.

Сіяющій и обновленный счастьемъ Дахиръ преклонилъ колѣна и поцѣловалъ край сверкающей туники Первосвященника, а тотъ положилъ руку на его склоненную голову и благословилъ. Съ минуту еще стоялъ Дахиръ на колѣняхъ, погруженный въ восторженную молитву. Потомъ онъ всталъ и спросилъ неувѣреннымъ голосомъ:

— А моя жертва, Лора? Долго еще продолжится ея наказаніе? Ея участь тяжелымъ камнемъ давитъ мою душу.

Старецъ улыбнулся.

— Пусть эта забота не смущаетъ твоего восхожденія къ свѣту. Уже давно ненависть Лоры превратилась въ любовь. Размышленіе, молитва и покорность судьбѣ докончили дѣло ея очищенія. Она жаждетъ слѣдовать за тобой; но такъ какъ предпринимаемыя тобой

занятія исключаютъ всякія сношенія, кромѣ духовныхъ, то Лора тоже посвящаетъ себя труду и ученію. Подъ руководствомъ Нары она пройдетъ посвященіе, чтобы быть въ состояніи сдѣлаться твоей подругой въ работѣ и преданной ученицей къ тому времени, когда на землѣ начнутся тяжелыя испытанія и ужасныя катаклизмы, которые съ такимъ безумнымъ легкомысліемъ подготовляетъ слѣпое человѣчество. И такъ, друзья мои, отдыхайте у насъ сколько вамъ будетъ угодно. Потомъ, Дахиръ, твой корабль-призракъ отвезетъ тебя въ назначенное мѣсто и твои друзья будутъ твоими послѣдними пассажирами.

Цѣлыхъ три мѣсяца провели Супрамати съ женой и Дахиромъ въ таинственномъ убѣжищѣ Грааля. Невыразимая гармонія и небесный покой царили въ этомъ очарованномъ мѣстѣ; теперь Лора жила вмѣстѣ съ ними. Она была и счастлива, и грустна, такъ какъ земная любовь, какую внушилъ ей Дахиръ, еще болѣзненно звучала въ ея душѣ. Но братское участіе и привязанность къ ней молодого адепта и первыя указанія въ области знанія, какія онъ передъ ней развилъ, открыли ей иные свѣтлые горизонты. Она увлеклась ими, а мелочныя земныя чувства потемнѣли и исчезли.

Когда Дахиръ съ друзьями уѣзжалъ, его прощаніе съ Лорой было не такъ тяжело, какъ въ первый разъ. Лора хотѣла было сопровождать его, но Старѣйшина общины приказалъ ей остаться для исполненія ритуала очищенія. Затѣмъ ее должны были доставить въ Индію.

Наши путники не заѣзжали на Кипръ. Супрамати послалъ Тортозу приказаніе ѣхать съ Лоренцой въ Калькутту и тамъ дожидаться ихъ во дворцѣ.

Корабль-призракъ доставилъ нашихъ путниковъ въ маленькую гавань на островѣ Цейлонѣ.

Не безъ смутнаго чувства грусти покидалъ Дахиръ палубу судна, бывшаго свидѣтелемъ его преступленій и искупленія. Стоя въ маленькой шлюпкѣ, онъ не спускалъ глазъ со стараго товарища, гордо качавшагося на волнахъ. Вдругъ корабль потемнѣлъ, точно огни св. Эльма, какъ говорятъ моряки, пробѣжали по его такелажу, а затѣмъ все расплылось и исчезло въ атмосферѣ.

Съ тяжелымъ вздохомъ Дахиръ пустился на скамейку и задумался. Друзья не тревожили его. Только, когда они вышли на берегъ, онъ провелъ рукой по лбу, какъ бы желая отогнать надоѣдливыя мысли, и заговорилъ о путешествіи.

Съ этой минуты наши путники уже пользовались обыкновенными

способами сообщенія, чтобы добраться до Калькутты, гдѣ Супрамати нужно было привести въ порядокъ нѣкоторыя дѣла до отъѣзда въ Бенаресъ.

Во время этого переѣзда ко всѣмъ вернулось хорошее расположеніе духа, немного смущенное пребываніемъ на призрачномъ кораблѣ. Они старались забыть прошлое и говорили только о будущемъ и предстоящей имъ работѣ.

— Изучать подъ руководствомъ Эбрамара, это—наслажденіе,— замѣтила однажды Нара.—Онъ такъ ясно объясняетъ самыя трудныя проблэмы, что онѣ кажутся простыми и легкими. Правда, онъ очень строгъ и, главное, требуетъ такой дисциплины ума, что считаетъ непростительной небрежностью всякую праздную мысль. Но къ этому мало-по-малу привыкаешь. Кромѣ того, сознаніе могущества дисциплинированнаго и сознательнаго мышленія, которое можно сравнить только со стихійной силою, налагаетъ обязанность быть всегда господиномъ этого страшнаго оружія, убивающаго подобно молніи. Тебѣ и Дахиру придется еще много поработать надъ пріобрѣтеніемъ этой способности, но обстановка, въ какой вы будете находиться, значительно облегчитъ вамъ вашъ трудъ.

— Ты права, Нара, и я съ наслажденіемъ вспоминаю о моемъ пребываніи у Эбрамара. Въ этомъ полномъ покоѣ и невыразимой гармоніи, душа набирается силъ и чувствуешь, словно у тебя выростаютъ крылья. Это настоящее предвкушеніе райскаго блаженства.

Въ Калькуттѣ наши путники пробыли всего нѣсколько дней, чтобы устроить Лоренцу въ женской общинѣ, находившейся подъ управленіемъ посвященной. Община эта должна была скоро переселиться въ окрестности Бенареса, чтобы быть ближе къ таинственнымъ мудрецамъ, живущимъ въ тайникахъ Гималайскихъ горъ.

По мѣрѣ того, какъ Супрамати приближался къ Бенаресу, онъ становился все озабоченнѣе. Это происходило отъ того, что во дворцѣ, куда онъ везъ Нару, жила Нурвади и его сынъ, котораго онъ сдѣлалъ безсмертнымъ; тому теперь должно было быть около 42 лѣтъ.

Какъ признаться Нарѣ, что подъ одной кровлей съ нею живетъ его бывшая возлюбленная, та самая, ради которой онъ болѣе тѣмъ на два года забылъ свою законную супругу?

Когда поѣздъ миновалъ послѣднюю станцію и быстро приближался къ священному городу индусовъ, тяжелая озабоченность Супрамати достигла своего апогея.

Облокотясь на подушку, Нара молча наблюдала за выраженіемъ

разнообразныхъ чувствъ, которыя отражались на подвижномъ лицѣ мужа.

Наконецъ, она встала, положила руку на плечо Супрамати и сказала съ лукавымъ взглядомъ:

— Полно мучиться изъ-за такого стараго грѣха! Ты былъ тогда свободенъ и такъ скромно пользовался этой свободой, что я была бы неблагодарной, если бы сердилась на тебя за такіе пустяки. Я знаю исторію Нурвади и отъ души жалѣю это бѣдное созданіе, которое любитъ тебя глубокою и чистою любовью. Я не хочу ни смущать ее, ни возбуждать ея ревность. И потому скажи ей, пожалуста, что я твоя сестра. Это позволитъ мнѣ видѣть ее и говорить съ ней. Несчастная—безсмертна и грѣшно оставлять ее прозябать въ полномъ невѣжествѣ. Я хочу попытаться развить ее и открыть ей путь къ знанію.

Супрамати прижалъ къ губамъ обѣ руки Нары. Онъ былъ и доволенъ, и сконфуженъ.

— Мнѣ будетъ стыдно сказать твою великодушную ложь,—пробормоталъ онъ.

— Это будетъ ложь только наполовину, такъ какъ оба мы отдаемся высшему посвященію, которое не допускаетъ никакой земной связи. Наша любовь превращается въ чистое единеніе душъ, а эта привязанность, лишенная всего матеріальнаго, становится вѣчною и нерушимою,—отвѣтила она съ добрымъ и теплымъ взглядомъ.

Въ Бенаресъ они пріѣхали послѣ полудня. Когда всѣ почистились немного послѣ дороги, Нара послала мужа къ Нурвади.

— Ступай, ступай! Будь добръ и нѣженъ съ ней, она заслуживаетъ этого. А потомъ приводи ее къ ужину и познакомь со своимъ братомъ и сестрой,—прибавила она, чистосердечно смѣясь надъ смущеннымъ видомъ мужа.

Находясь еще подъ впечатлѣніемъ смѣшаннаго чувства стѣсненія и досады, Супрамати направился въ дальній флигель дворца, гдѣ жила Нурвади. Отъ служанки онъ узналъ, что Нурвади на террасѣ и что тамъ же находится молодой принцъ, только что вернувшійся изъ поѣздки въ Гималаи, на встрѣчу своего отца.

Супрамати былъ немного удивленъ. Какимъ образомъ его сынъ могъ узнать о его пріѣздѣ, если только его не предупредилъ объ этомъ Эбрамаръ? Но онъ никогда ничего не говорилъ тому о своей связи.

Онъ быстро прошелъ рядъ хорошо знакомыхъ ему комнатъ, направляясь къ террасѣ; мягкіе ковры заглушали его шаги. Войдя

въ любимую комнату Нурвади, смежную со спальней, онъ тотчасъ же увидѣлъ молодую женщину. Она стояла спиной къ нему на террасѣ и прижимала къ своей груди мальчика, которому съ виду можно было дать не болѣе десяти лѣтъ.

Супрамати остановился въ волненіи. Тысячи воспоминаній заставляли усиленно биться его сердце. Голосъ его слегка дрожалъ, когда онъ тихо позвалъ:

— Нурвади!

Та быстро обернулась и съ крикомъ безумной радости бросилась въ объятія Супрамати.

— Ты вернулся! Я снова вижу тебя! О! Если бы я могла въ эту минуту умереть отъ радости!

Супрамати прижалъ ее къ себѣ и поцѣловалъ въ лобъ, но въ этомъ поцѣлуѣ чувствовалась спокойная привязанность брата, а не страсть любовника, и Нурвади сознала это. Она выпрямилась и боязливо заглянула въ блестящіе и ясные глаза Супрамати, съ нѣжностью смотрѣвшаго на нее.

— Смотри, вотъ нашъ ребенокъ—смущенно и нерѣшительно сказала она, указывая на мальчика, который молча стоялъ въ сторонѣ, опустивъ глаза.

Супрамати подошелъ къ сыну, прижалъ его къ себѣ и покрылъ страстными поцѣлуями. Затѣмъ, отстранивъ его отъ себя, онъ сталъ разсматривать его со смѣшаннымъ чувствомъ радости и грусти. Если мальчикъ и отличался настоящей ангельской красотой, то все-таки это былъ ребенокъ, а не мужчина, какимъ ему слѣдовало бы быть въ его лѣта.

— Сандира! Твой видъ радуетъ, но и огорчаетъ меня. Ты—не мужчина, какимъ я надѣялся видѣть тебя...

Мальчикъ поднялъ на него свои большіе, черные глаза и взглядъ ихъ заставилъ вздрогнуть Супрамати. Мысль, свѣтившаяся въ его бархатныхъ глазахъ была мыслью зрѣлаго, развитого, сильнаго духомъ и волей человѣка.

— Я понимаю тебя, отецъ! Но то, что ты видишь—это дѣло твоихъ-же рукъ. Мнѣ не хотѣлось омрачать упрекомъ наше первое свиданіе, но разъ ты самъ намекнулъ на мой наружный обликъ, который далеко не соотвѣтствуетъ моимъ лѣтамъ, позволь замѣтить тебѣ, что было крайне неосторожно, съ твоей стороны, вводить въ неразвитой организмъ то опасное вещество, которымъ ты обладаешь. Несомнѣнно, тобой руководили любовь и боязнь потерять меня; къ тому же ты не зналъ, на какія мученія осуждалъ меня.

Если бы не Эбрамаръ и его божественное знаніе, я оставался бы еще долгіе вѣка груднымъ младенцомъ.

— Какъ? Ты знаешь Эбрамара?—вскричалъ Супрамати.

— Я его ученикъ, и прошелъ подъ его руководствомъ суровый и длинный путь посвященія. Только благодаря особому режиму и безпрерывной работѣ, я понемногу росъ. А теперь позволь мнѣ привѣтствовать тебя и передать, что нашъ общій учитель ждетъ насъ къ себѣ.

Супрамати слушалъ, не спуская глазъ съ маленькаго, розоваго ротика, произносившаго такія важныя слова.

— Ты правъ, мой сынъ! Я дѣйствовалъ съ преступною непослѣдовательностью, когда воспользовался ужасной силой, не зная послѣдствій моего поступка. Прости меня, что я причинилъ тебѣ столько незаслуженныхъ страданій. Единственнымъ утѣшеніемъ можетъ служить только то, что мой неблагоразумный поступокъ доставилъ тебѣ покровительство Эбрамара. Мнѣ хотѣлось бы сейчасъ же поблагодарить его за то, что онъ исправилъ сдѣланное мною зло. Впрочемъ, можетъ быть, ты еще и выигралъ, такъ какъ ты избѣжалъ всѣхъ земныхъ искушеній, всей той тѣлесной и душевной грязи, съ которыми сталкивается человѣкъ въ мірѣ. Ничто не препятствуетъ твоему восхожденію къ высшему знанію.

Сандира улыбнулся.

— Дай Богъ, чтобы ты былъ правъ. О! Надо пройти еще громадное разстояніе и мы знаемъ пока лишь точку отправленія, но цѣль пути теряется въ океанѣ свѣта священнаго, но непроницаемаго центра, охраняемаго семью геніями сферъ. Тамъ, въ послѣдній разъ возстаетъ сомнѣніе и шепчетъ неутомимому труженику, достигшему вратъ сіяющей твердыни: «Какова-то будетъ награда за твои долгія усилія, за твой смѣло пройденный тернистый путь, сквозь мракъ и горе»? О, отецъ! Порой у меня кружится голова и я спрашиваю самъ себя: гдѣ же ты свѣтлый покой? Что за ужасная и неумолимая сила толкаетъ насъ впередъ?

Взглядъ юноши устремленъ былъ въ пространство, а маленькія руки его судорожно сжимали руки отца.

Супрамати съ грустью смотрѣлъ на него. Въ его воспоминаніи Сандира остался груднымъ ребенкомъ, котораго онъ носилъ на рукахъ; а сынъ, котораго онъ видитъ теперь—странный незнакомецъ, ребенокъ по виду, но мыслитель по развитію, котораго волнуютъ уже великія проблемы существованія.

Супрамати сѣлъ на диванъ и усадилъ рядомъ съ собой Нур-

вади и Сандиру. Между ними завязался длинный разговоръ о прошломъ и будущемъ.

Когда настало время ужина, онъ объявилъ собесѣдникамъ, что отведетъ ихъ къ брату и сестрѣ, которые желаютъ съ ними познакомиться.

Супрамати съ такимъ нетерпѣніемъ стремился увидать Эбрамара, что выразилъ желаніе ѣхать на слѣдующій же день.

Нурвади просила позволенія сопровождать его. Она не хотѣла сейчасъ же разставаться съ нимъ и съ сыномъ. Кромѣ того, Нарѣ достаточно было нѣсколькихъ часовъ бесѣды, чтобы совершенно овладѣть умомъ Нурвади.

Она выяснила ей странность ея существованія и необходимость создать себѣ иную, болѣе серьезную цѣль, чѣмъ занятіе единственно спаньемъ и нарядами.

Нара сообщила Нурвади, что близъ того мѣста, гдѣ живетъ мудрецъ, руководящій Сандирой, устроена школа для женщинъ, тоже обреченныхъ на долгую жизнь, и предложила поступить туда, на что та съ радостью согласилась.

Послѣ нѣсколькихъ дней пріятнаго пути черезъ гористую страну съ восхитительными видами, наши путники прибыли, наконецъ, къ таинственному дворцу, гдѣ жилъ Эбрамаръ.

Ихъ очевидно ожидали, такъ какъ входная дверь была открыта, и тотъ же управляющій, который сорокъ лѣтъ тому назадъ встрѣчалъ Супрамати, встрѣтилъ ихъ радостно и почтительно.

Сандира объявилъ, что самъ проведетъ прямо въ рабочую комнату мага.

Эбрамаръ встрѣтилъ ихъ на порогѣ комнаты и горячо обнялъ Супрамати съ Дахиромъ, а затѣмъ съ отеческою нѣжностью протянулъ обѣ руки Нарѣ, которая смотрѣла на него свѣтлымъ и признательнымъ взглядомъ.

Когда улеглось первое волненіе, всѣ сѣли и завязался общій разговоръ. Эбрамаръ поздравилъ Супрамати съ быстрымъ прохожденіемъ перваго посвященія, а Дахира съ избавленіемъ отъ всѣхъ узъ, сковывавшихъ его съ печальнымъ прошлымъ. Онъ объявилъ, что даетъ имъ нѣсколько недѣль свободы и полнаго отдыха прежде, чѣмъ укажетъ ихъ новыя занятія. Затѣмъ, обернувшись къ Нарѣ, онъ прибавилъ съ улыбкой:

— Для тебя, сестра моя, я сохранилъ мѣсто Вайрами, которая желаетъ предаться особому культу магіи и удаляется въ сферу созерцанія. И такъ, теперь ты будешь руководить школой

женщинъ и первыми занятіями новыхъ неофитокъ: Нурвади и Лоры, которыя поступятъ туда. Первую я сейчасъ же передамъ Вайрами.

По приказанію мага, Сандира побѣжалъ за Верховной жрицей. Внимательно слушавшій Супрамати спросилъ:

— Какъ, учитель? У тебя здѣсь есть школа для женщинъ? Вотъ чего бы я никогда не предположилъ!

— О! Здѣсь есть еще много, чего ты не видалъ. Я все покажу тебѣ въ тотъ день, когда ты будешь осматривать свои владѣнія,—съ улыбкой отвѣтилъ Эбрамаръ.

Супрамати покачалъ головой:

— Нѣтъ учитель! Здѣсь, гдѣ все полно твоею мудростью и добротой, ничто не принадлежитъ мнѣ, за исключеніемъ твоей дружбы и покровительства. Блаженъ этотъ домъ, что въ немъ обитаетъ такой мудрецъ, какъ ты! Блаженны тѣ, кто можетъ жить здѣсь, чтобы подъ твоимъ руководствомъ достигнуть свѣта высшаго знанія! Что мнѣ милліоны, положенные во всѣхъ банкахъ міра на имя Супрамати? Переступивъ этотъ порогъ, я оставилъ за собой все, что связывало меня съ земною суетой. Я приношу съ собой только частицу знанія и горячее желаніе всѣми силами работать, чтобы подняться къ свѣту по опасному пути, съ котораго нѣтъ возврата, такъ какъ впереди будетъ сіять невѣдомая таинственная цѣль, но за мной разверзнется пропасть.

— Будь вѣренъ твоей похвальной рѣшимости, и ты не остановишься на полупути. Я твердо надѣюсь, что съ радостью возложу когда нибудь на твою голову сіяющій вѣнецъ мага,—отвѣтилъ Эбрамаръ, крѣпко пожимая ему руку.

Ихъ разговоръ былъ прерванъ приходомъ Сандиры и молодой, красивой женщины въ бѣлой одеждѣ, закутанной въ длинное и широкое газовое покрывало.

На правильномъ лицѣ ея лежало строгое и спокойное выраженіе, а черные бархатные глаза горѣли восторженно. Скрестивъ руки на груди, она низко склонилась передъ Эбрамаромъ.

— Я приказалъ позвать тебя, Вайрами, чтобы объявить о скоромъ исполненіи желанія посвятить себя уединенію. Наша сестра, Нара,—онъ указалъ на молодую женщину,—будетъ руководить твоими ученицами. По разнымъ причинамъ, я не могу еще назначить день, когда передамъ ей ея новое дѣло, пока же, Вайрами, довѣряю тебѣ нашу новую неофитку, Нурвади; возьми ее и помѣсти у себя. Ты же, дочь моя, простись съ сыномъ. Ты будешь видѣть его

только по праздникамъ. На счетъ же его судьбы можешь быть вполнѣ спокойна.

Нурвади покраснѣла; глаза ея наполнились слезами, но она мужественно поборола свое волненіе. Она обняла Сандиру и Нару, пожала руку Супрамати и поцѣловала руку Эбрамару.

Вайрами горячо поблагодарила учителя. Затѣмъ она сняла свое покрывало, покрыла имъ голову Нурвади и ушла вмѣстѣ съ ней съ террасы.

— Скажи, учитель, много ли безсмертныхъ женщинъ въ школѣ, которой будетъ завѣдывать Нара?—спросилъ Супрамати.

— Въ школѣ около двухсотъ воспитанницъ и всѣ онѣ безсмертны. Поэтому мы ихъ и посвящаемъ въ высшее знаніе. Маленькія общины, подобныя той, въ какую вы помѣстили Лоренцу, носятъ совершенно другой характеръ и преслѣдуютъ иную цѣль—отвѣтилъ Эбрамаръ.

— Великій Боже! Болѣе двухсотъ безсмертныхъ! Кто же былъ такъ неостороженъ и неблагоразумно надѣлалъ ихъ такую массу?—вскричалъ Супрамати.

Нара покачала головой.

— Ты забываешь, мой другъ, что прежде, чѣмъ сдѣлаться магами, всѣ тѣ, кто обратилъ этихъ женщинъ въ безсмертныхъ, были просто людьми. То же чувство, которое побудило тебя дать сыну первоначальнаго вещества, руководило и другими. Здѣсь есть женщины, которыхъ страстно любили: есть матери, дочери и сестры, съ которыми не хотѣли въ свое время разставаться. Вспомни, какъ ты самъ жаждалъ дать эликсиръ жизни виконту Лормейлю. Кто знаетъ, сколько грѣховъ такого рода лежало бы на твоей совѣсти, если бы ты еще дольше прожилъ въ этомъ мірѣ. По крайней мѣрѣ, списокъ жертвъ Нарайяны очень длиненъ.

— Настанетъ время, когда мы не будемъ считать себя слишкомъ многочисленными. Когда разразятся катаклизмы, работы будетъ для всѣхъ. Когда вокругъ насъ, безсмертныхъ, все умретъ, насъ едва хватитъ, чтобы населить городъ,—съ грустью замѣтилъ Эбрамаръ.

XII.

Прошло около десяти дней, какъ наши герои прибыли къ Эбрамару.

Сначала время протекало точно въ очарованномъ снѣ. Гармонія, царившая вездѣ, оказывала свое благотворное вліяніе на всѣхъ, а бесѣды съ Эбрамаромъ производили чарующее впечатлѣніе.

Но вотъ уже два дня, какъ Дахиръ и Супрамати были одни. Магъ удалился къ себѣ, объявивъ, что ему необходимо нѣсколько дней, чтобы сосредоточиться. Нара тоже не показывалась и готовилась съ Вайрами къ своему новому назначенію начальницы женской школы посвященія.

Пріятели чувствовали пустоту и были грустны. Сидя на террасѣ, прилегавшей къ комнатамъ Супрамати, онѣ говорили о прошломъ и будущемъ.

Уже давно спустилась ночь, и полная луна ярко освѣщала окружавшую ихъ волшебную картину.

— Знаешь, Дахиръ, а вѣдь Нарайяна обманулъ насъ! Онъ обѣщалъ дать знать о себѣ, а между тѣмъ, не даетъ никакого извѣстія. — неожиданно сказалъ Супрамати, который стоялъ, задумчиво облокотясь на перила.

— О! Это страшно неустойчивый человѣкъ. Можетъ быть, онъ уже перемѣнилъ намѣреніе и не хочетъ открывать намъ свое убѣжище.—съ улыбкой отвѣтилъ Дахиръ.

— А мнѣ очень хотѣлось бы знать, что дѣлаетъ это странный и загадочный духъ, смѣсь пороковъ и добродѣтелей, науки и легкомыслія. Только мнѣ стыдно спросить объ этомъ Эбрамара.

Шумъ крыльевъ заставилъ ихъ обернуться.

Молча, съ удивленіемъ, смотрѣли они на великолѣпнаго бѣлаго павлина, который опустился на баллюстраду и кокетливо распустилъ свой бѣлый серебристый хвостъ, точно усыпанный разноцвѣтными драгоцѣнными камнями. Золотистый хохолокъ покачивался на его

головѣ. Черные глазки его смотрѣли на Супрамати умнымъ, почти человѣческимъ взглядомъ.

— Боже! Что за чудная птица! Никогда еще я не видалъ подобной!—вскричалъ Дахиръ.

Павлинъ похлопалъ крыльями, спрыгнулъ въ садъ и сталъ вертѣть головой, точно приглашая ихъ слѣдовать за собой.

— Готовъ поклясться, что это посолъ Нарайяны!—сказалъ Дахиръ.

Павлинъ быстро наклонилъ свой фосфоресцирующій хохолъ и забѣгалъ по аллеѣ, все возвращаясь назадъ, точно желалъ посмотрѣть, слѣдуютъ ли за нимъ.

Супрамати пошелъ за таинственной птицей, но Дахиръ въ раздумьи остановился.

— Можетъ быть, приглашаютъ тебя одного?—нерѣшительно сказалъ онъ.

Павлинъ тихо вскрикнулъ и дважды съ нетерпѣніемъ качнулъ головой.

— Честное слово, онъ понимаетъ насъ! Не будемъ же заставлять его ждать,—со смѣхомъ вскричалъ Супрамати, хватая Дахира за руку и увлекая за собой.

Павлинъ быстро подвигался впередъ. Такимъ образомъ они прошли садъ, длинную, почти темную аллею и очутились на открытомъ мѣстѣ, поросшемъ густой и высокой травой. Не безъ труда подвигались они впередъ. На ихъ пути со свистомъ поднимались змѣи, но тотчасъ же откидывались назадъ, такъ какъ ни одно животное не нападало на безсмертныхъ. Занятые тѣмъ, чтобы не упустить изъ вида павлина, молодые люди даже не обращали вниманія на отвратительныхъ гадовъ.

Въ концѣ долины находилось глубокое ущелье, куда они спустились по крутой, едва видимой тропинкѣ; внизу было совершенно темно, но бѣжавшій впереди павлинъ вырисовывался во мракѣ бѣлымъ облакомъ. Птица остановилась передъ черной, покрытой мохомъ скалой, а затѣмъ, медленно скользнула въ узкую, почти закрытую кустарникомъ, разсѣлину.

Дахиръ и Супрамати, не задумываясь, пустились за нимъ и очутились въ узкомъ коридорѣ, который неожиданно привелъ ихъ въ высокій и узкій, освѣщенный синеватымъ свѣтомъ гротъ, образовавшій родъ свода надъ каналомъ или подземной рѣчкой.

Берега канала были высоки и круты. Высѣченныя въ скалѣ ступени вели къ водѣ, гдѣ лодка, казалось, ждала обоихъ друзей.

Это было что-то въ родѣ длинной и узкой пироги, съ высоко поднятымъ носомъ, украшеннымъ золоченымъ павлиномъ, съ электрической лампой на спинѣ, лучи которой играли на сталактитахъ свода.

Дахиръ взялся за весла, Супрамати сѣлъ на руль, а павлинъ помѣстился на носу, за электрической лампой, спиной съ нимъ.

По мѣрѣ того, какъ они плыли дальше, передъ ихъ глазами разстилались странные и чудесные виды

Подземная рѣчка шла все время изгибами: то съ одной, то съ другой стороны открывались глубокіе гроты. Одни изъ нихъ казались галлереями и терялись вдали, другіе представляли громадныя пещеры, но всѣ озарены были разноцвѣтнымъ и необыкновенно нѣжнымъ свѣтомъ. Нѣкоторые гроты, окутанные словно зеленоватой дымкой, казались исполинскими изумрудами; другіе залиты были розовымъ, блѣдно-рубиновымъ свѣтомъ, но большинство изъ нихъ было озарено синимъ сапфировымъ свѣтомъ, который наполнялъ главный каналъ и былъ такъ силенъ, что передъ нимъ блѣднѣлъ электрическій свѣтъ. Откуда исходилъ этотъ свѣтъ—нельзя было опредѣлить. Можно было подумать, что онъ просачивался сквозь стѣны скалы.

Друзья, какъ очарованные, смотрѣли на эту волшебную, необыкновенно разнообразную картину. То со скалы низвергался ручей, похожій на расплавленный рубинъ, то на гладкой, темно-синей поверхности воды появлялись удивительные водяные цвѣты, голубые, точно бирюза, бѣлые съ золотыми тычинками, или красные, какъ кораллъ. Иногда многочисленныя развѣтвленія рѣки ставили друзей въ затрудненіе относительно выбора дороги, но павлинъ былъ насторожѣ и всегда предупреждалъ крикомъ, если они собирались уклониться отъ прямого пути.

— Ясно, что нашъ умный вожатый ведетъ насъ къ Нарайянѣ. Если его жилище по красотѣ равняется съ ведущей къ нему дорогой, то неисправимый повѣса еще разъ докажетъ свой несравненный вкусъ, —замѣтилъ Супрамати.

Въ эту минуту раздался громкій и насмѣшливый смѣхъ который эхо разнесло подъ сводами,—но притомъ прозвучалъ онъ такъ близко отъ нихъ, что оба невольно обернулись и стали искать глазами Нарайяну, но тотъ оставался невидимъ. Только павлинъ распустилъ свой разноцвѣтный хвостъ и пронзительно крикнулъ: этотъ крикъ прозвучалъ тоже хохотомъ.

Въ эту минуту сводъ понизился, а каналъ сузился и сдѣлалъ

крутой поворотъ. Теперь лодка скользила въ низкомъ и тѣсномъ проходѣ: лампа погасла и оба путника очутились почти въ полной темнотѣ. Вдругъ сильное теченіе подхватило лодку и она стрѣлой понеслась по черному и прямому, какъ каналъ пушки, проходу и неожиданно вышла на большое озеро, на серебристыхъ водахъ котораго радостно играли лучи восходящаго солнца.

Перемѣна эта произошла такъ быстро, что молодые люди, ослѣпленные потоками свѣта, на минуту закрыли глаза, но почти тотчасъ же у нихъ вырвался единодушный крикъ восхищенія и удивленія.

Вода, на которой покачивалась ихъ лодка, была такъ прозрачна, что можно было разглядѣть всякую неровность и каждый камушекъ на днѣ. Рыба сверкала на солнцѣ серебряной, золотой или ярко-окрашенной чешуей.

Берега озера были высоки, скалисты, покрыты лѣсомъ и опоясаны высокими горами. Прямо передъ ними, на островѣ или полуостровѣ—пока этого различить еще нельзя было—окутанные роскошной изумрудной растительностью, виднѣлись стѣны и крыша дворца.

Подхваченная сильнымъ гребцомъ, маленькая лодка полетѣла по гладкой поверхности озера и черезъ нѣсколько минутъ очутилась у мраморной лѣстницы, украшенной внизу двумя бронзовыми сфинксами. На верху виднѣлся широкій порталъ съ колонами.

Встрѣчать лодку на лѣстницу явились четыре красивыхъ юноши. На нихъ были бѣлыя туники съ золотыми поясами, клафты и ожерелья на шеѣ. Они притянули и привязали лодку. Въ ту же минуту павлинъ испустилъ три пронзительныхъ крика, распустилъ свой хвостъ и исчезъ.

Дахиръ съ Супрамати выпрыгнули на ступеньки лѣстницы. Но прежде чѣмъ они успѣли дойти до верхней площадки, появился самъ Нарайяна, радостный, улыбающійся и болѣе красивый, чѣмъ когда-нибудь.

На немъ была надѣта длинная, стянутая шелковымъ шарфомъ, одежда, вырисовывавшая его стройный станъ; легкій тюрбанъ покрывалъ его голову.

— Добро пожаловать, дорогіе друзья, въ мою скромную хижину!—сказалъ онъ, сердечно обнимая прибывшихъ.

— Шутникъ! со смѣхомъ отвѣтилъ Супрамати. — Волшебный дворецъ онъ называетъ скромной хижиной!

— Если онъ нравится вамъ, то отдыхайте въ немъ сколько

вамъ будетъ угодно или, вѣрнѣй, сколько позволитъ вамъ вашъ строгій учитель, Эбрамаръ,—отвѣтилъ Нарайяна, вводя во дворецъ своихъ друзей.

Они прошли цѣлый рядъ залъ чудной архитектуры, убранныхъ съ царскою роскошью. Было очевидно, что Нарайяна во всѣ времена любилъ это убѣжище, такъ какъ на ряду съ роскошными произведеніями восточнаго происхожденія встрѣчались европейскія современныя скульптурныя работы и картины мастеровъ, видъ которыхъ въ этомъ индійскомъ дворцѣ производилъ странное впечатлѣніе.

Нарайяна остановился въ большой залѣ, убранной по восточному, низенькими диванами.

— Будьте здѣсь, друзья мои, какъ у себя дома. Рядомъ—ванная и совѣтую вамъ освѣжиться. Затѣмъ мы позавтракаемъ, отдохнемъ, а когда жара спадетъ, я покажу вамъ свое отшельническое жилище.

Сдѣлавъ привѣтственный знакъ рукой, Нарайяна исчезъ. Супрамати и его сотоварищъ прошли въ смежную комнату, которая оказалась громадною залой, съ бассейномъ посрединѣ. Бассейнъ этотъ былъ настолько обширенъ, что въ немъ могли свободно плавать два человѣка. Тутъ ждали два служителя, которые раздѣли ихъ, а послѣ ванны облачили въ широкія и легкія бѣлыя туники, а затѣмъ провели ихъ въ комнату, выходившую въ садъ. Тамъ у роскошно сервированнаго стола ждалъ ихъ Нарайяна.

— Садитесь, друзья. Такъ какъ вы еще настоящіе люди, то подкрѣпитесь,—сказалъ странный хозяинъ, садясь за столъ и указывая гостямъ на стулья.

Меню состояло изъ великолѣпно приготовленныхъ овощей, различнаго печенія, всевозможныхъ фруктовъ, вина, молока и меда.

Дахиръ и Супрамати были голодны и отдали должную честь завтраку. Что же касается Нарайяны, то онъ ограничился маленькимъ стаканомъ молока и небольшимъ хлѣбцемъ, величиною съ яйцо.

Наблюдавшій за нимъ Супрамати спросилъ съ улыбкой:

— Что ты, сдѣлался постникомъ, или особыя условія твоего существованія налагаютъ на тебя такой строгій режимъ?

— Да, время хорошихъ обѣдовъ и сытныхъ ужиновъ прошло для меня съ тѣхъ поръ, какъ я добровольно лишилъ себя матеріальной жизни,—съ гримасой отвѣтилъ Нарайяна.—Впрочемъ, я еще не могу жаловаться: я не голоденъ и поглощаю только вещества, необходимыя для обновленія жизненнаго флюида, который циркулируетъ въ моихъ жилахъ. Элексиръ жизни—субстанція матеріальная, а не духовная, а потому для своего равновѣсія она требуетъ своего рода топлива въ организмѣ.

— Я все больше и больше понимаю, какое обширное поле для работы представляетъ изученіе первоначальной матеріи. Одинъ уже ты, Нарайяна, въ своемъ настоящемъ состояніи, представляешь трудно разрѣшимую загадку. Если бы мы разсказали кому-нибудь изъ нашихъ современниковъ твою или нашу исторію, насъ сочли бы трижды сумасшедшими,—замѣтилъ Супрамати.

Нарайяна весело разсмѣялся.

— Еще бы! Эти жалкія насѣкомыя блуждаютъ на землѣ какихъ-нибудь лѣтъ шестьдесятъ, а тщеславіемъ запаслись вѣковымъ. Какъ только они наталкиваются на какой-нибудь неизвѣстный имъ и потому кажущійся новымъ законъ или явленіе, они тотчасъ же кричатъ: «Это—чудо!» «Это невозможно!» «Это несогласно съ законами природы!» «Это противъ здраваго смысла!» Лучъ свѣта, неожиданно блеснувшаго, ослѣпляетъ ученаго автомата. Онъ боится этого новаго явленія, которое ниспровергаетъ всѣ его предвзятыя идеи; онъ защищается, прячется за старые тексты, закрываетъ глаза передъ очевидностью и предпочитаетъ лучше изобрѣтать самыя невѣроятныя предположенія и гипотезы, чѣмъ допустить простую и понятную истину, но которая находится въ противорѣчіи съ его узкими идеями. Нѣтъ! Не такимъ людямъ могли бы мы разсказать нашу подлинную исторію! Даже великія открытія чуть не гибли, подчасъ, изъ-за слѣпоты толпы и тупого упрямства патентованныхъ ученыхъ.

— Ты правъ! Какъ это ни странно, но всѣ великія истины, какъ и великія открытія, всегда принимались враждебно. Можетъ быть, это происходитъ потому, что ученые пирамидъ и пагодъ всегда скрывали высшее знаніе подъ покровомъ тайны,—замѣтилъ Дахиръ.

— Именно, и они поступали мудро. Что же касается жрецовъ современныхъ религій, то они утеряли ключъ отъ тайнъ и основываютъ свой авторитетъ на слѣпой вѣрѣ. Они слѣпы сами, и кричатъ о «дьяволѣ» и «ереси» всякій разъ, что наука и человѣчество дѣлаютъ шагъ впередъ.—насмѣшливо сказалъ Нарайяна.

Затѣмъ онъ продолжалъ, внезапно одушевившись:

— Но для того, кто бросилъ взглядъ за покрывало Изиды *невозможнаго* не существуетъ. Все, что только можетъ предпо-

ложить человѣческій умъ — все это явленія возможныя и осуществимыя для того, кто знаетъ и умѣетъ привести въ дѣйствіе законы управляющіе ими. Христосъ провозгласилъ великую истину, указавъ, что *вѣра* (увѣренность, воля) можетъ горами двигать.

Супрамати, задумчиво наблюдавшій за подвижнымъ и выразительнымъ лицомъ своего страннаго амфитріона, неожиданно спросилъ:

— Скажи, Нарайяна, какимъ образомъ ты, съ твоимъ умомъ и знаніемъ великихъ тайнъ, такъ мало заботился о своемъ нравственномъ совершенствованіи и самъ осудилъ теперь себя на неподвижное состояніе.

Лицо Нарайяны сразу омрачилось; съ звонкимъ, пронзительнымъ смѣхомъ вскричалъ онъ:

— Увѣренъ ли ты, что двигаться впередъ такое ужъ большое счастье? Сомнѣваюсь. Я, видишь ли, слишкомъ долго жилъ и отъ скуки много изучалъ; не столько для нравственнаго усовершенствованія, сколько для того, чтобы научиться практически примѣнять воспринятые законы. У меня бывали мрачные часы, во время которыхъ я готовъ былъ сдѣлать визитъ въ недоступную твердыню самого неба, чтобы узнать наконецъ, найдетъ ли хоть тамъ себѣ покой несчастный измученный и истерзанный огонекъ, которой мы называемъ *душой*, и который создала самодержавная воля, не спрашивая его, желаетъ ли онъ жить? Что дѣлается за той огненной стѣной, гдѣ царитъ полная побѣда надъ порабощенной матеріей, гдѣ все исполнено всякого совершенства, гдѣ кипитъ неисповѣдимая творческая сила, которая скрываетъ, Того, Кто долженъ быть нашимъ владыкой, Кого мы называемъ Богомъ и Кто управляетъ нашими судьбами и нашими страданіями...

Взглядъ Нарайяны пылалъ, а кулаки его яростно сжимались, когда онъ продолжалъ послѣ короткаго молчанія:

— Да! Не разъ, у меня объятаго полнымъ отчаяніемъ, сомнѣніемъ и ужасомъ этого круговорота восхожденій и нисхожденій, являлось жгучее желаніе броситься на эту сіящую твердыню, силой ворваться туда и посмотрѣть, что тамъ дѣлается. Ни малѣйшаго шума не доносится оттуда, не проявляется никакой видимой дѣятельности и семь геніевъ, стоящихъ на стражѣ вокругъ этого таинственнаго центра вселенной, — нѣмы.

Ты удивляешься, Супрамати, что я хочу остановиться на одномъ мѣстѣ? Не думаешь ли ты, что восхожденіе — такое ужъ великое блаженство? Правда, хаосъ и буря борьбы и страданій, въ которыхъ бьется вначалѣ разумная искра, стихаютъ; но чѣмъ выше ты поднимаешься, тѣмъ болѣе ширится вокругъ тебя ужасъ навѣвающее молчаніе. Учителя перестаютъ направлять тебя, и ты принужденъ руководиться добытымъ знаніемъ. Необходимость толкаетъ тебя впередъ, а неумолимый законъ притяженія влечетъ къ тому таинственному центру, откуда ты вышелъ и куда долженъ погрузиться. Съ какою цѣлью, какая участь и будущее тебя ждутъ — этого никто не знаетъ. И такимъ образомъ, болтаясь между невѣжествомъ протоплазмы и молчаніемъ архангела, совершаемъ мы это славное восхожденіе, котораго ты такъ жаждешь и которое пугаетъ меня...

Затѣмъ, впадая снова въ свой шутливый тонъ, Нарайяна прибавилъ:

— Но такъ какъ время еще терпитъ, то я предпочитаю пріостановиться и насладиться нѣкоторымъ отдыхомъ на какой нибудь пріятной станціи, въ родѣ вотъ этого дворца, гдѣ я чувствую себя прекрасно и съ которымъ не думаю такъ скоро разстаться.

Настало довольно продолжительное молчаніе. Видя, что гости сдѣлались молчаливы и задумчивы, Нарайяна всталъ и предложилъ осмотрѣть дворецъ и сады, на что тѣ согласились съ видимымъ удовольствіемъ.

Сначала осмотрѣли домъ, представлявшій изъ себя настоящій музей, а затѣмъ вышли въ садъ. Тамъ искусство и природа соединились вмѣстѣ, и создали настоящій рай.

Что придавало особенную оригинальность этому маленькому парку, такъ это, во-первыхъ, разнообразіе растительности: рядомъ съ группою пальмъ росли сосны и другія деревья сѣверныхъ лѣсовъ; затѣмъ, въ густой зелени были разбросаны небольшіе павильоны, напоминавшіе своимъ стилемъ и убранствомъ различныя эпохи прошлой жизни Нарайяны. Такъ, напримѣръ, среди группы кипарисовъ и лавровъ виднѣлась крошечная греческая вилла; другое, отражавшееся въ водахъ озера зданіе напоминало собой венеціанскій дворецъ. Всюду царила утонченная роскошь и вездѣ съ изысканнымъ вкусомъ собраны были произведенія искусства.

Наконецъ они остановились подъ группою пальмъ, акацій и разныхъ деревьевъ, густая листва которыхъ образовывала зеленый сводъ, непроницаемый для солнечныхъ лучей. Серебряныя струи бившаго въ мраморномъ бассейнѣ фонтана обвѣвали пріятной прохладой.

Всѣ сѣли на мраморную скамейку, и разговоръ зашелъ о томъ, чѣмъ они только что любовались.

— Боже! Какъ все здѣсь прекрасно! Точно въ волшебной сказкѣ!—вскричалъ Дахиръ.

— Слѣдовательно, это именно и есть самое подходящее для насъ мѣсто, потому что и мы сами—сказочные принцы, существа легендарныя и фантастическія. Вѣка протекаютъ мимо насъ, пресыщая мало-по-малу наши души: мы теряемъ истинную радость жизни, а мучительное сомнѣніе и безконечное будущее тяжко ложатся на наши нервы. Поэтому вполнѣ справедливо, чтобы насъ окружала и скрашивала бы нашу удивительную и тяжелую судьбу красота природы, которая одна только не надоѣдаетъ.

Эти слова Нарайяны вернули мысли присутствующихъ къ вопросамъ, затронутымъ за завтракомъ, и они снова стали разсуждать о законахъ прогресса, о небесномъ правосудіи, о добрѣ и злѣ, и о другихъ, еще не рѣшенныхъ, проблемахъ.

— Небесная справедливость,—это примѣненіе непоколебимыхъ законовъ, которые живутъ въ душѣ и которые мстятъ за нарушеніе ихъ, или вознаграждаютъ за всякое усиліе,—вскричалъ Супрамати.

— Справедливость!.. Награда!.. Кто не желалъ бы воспользоваться благодѣяніями одной и наслаждаться другой! Только трудновато поймать этихъ двухъ дочерей неба, столь же неуловимыхъ и обманчивыхъ, какъ и ихъ сестрица—*надежда*!—насмѣшливо сказалъ Нарайяна.—Если желаете, друзья мои, я разскажу вамъ одну индусскую легенду, относящуюся какъ разъ къ занимающему насъ вопросу.

Нарайяна на минуту сосредоточился, а затѣмъ шутливо важно началъ:

— Легенда повѣствуетъ, что жилъ нѣкогда болванъ, который до такой степени мечталъ о небѣ, что не видѣлъ больше земли. Вѣра его въ справедливость Брамы была непоколебима и онъ со смиреніемъ переносилъ всѣ несправедливости и обиды, причиняемыя ему людьми богатыми, властными и счастливыми, которые всегда забавляются тѣмъ, что обдаютъ своимъ презрѣніемъ простые умы. Наконецъ этотъ чудакъ умеръ съ голоду на ступеняхъ пагоды, грозя своимъ гонителямъ правосудіемъ Брамы, и глубоко увѣренный, что получитъ награду за свое смиреніе и терпѣніе.

Легкій и сіяющій, поднимался онъ въ пространство. Астральное тѣло его дышало свѣтомъ и тепломъ. Онъ съ презрѣніемъ взглянулъ на жалкіе человѣческіе останки, которые покинулъ, чувствовалъ онъ себя счастливымъ, такъ какъ его окружали тишина и покой.

Онъ говорилъ себѣ: «Вотъ я нахожусь на пути къ небу. Надо только узнать, гдѣ находится небесный чертогъ, гдѣ возсѣдаетъ Брама, творящій правосудіе, наказуя преступныхъ и вознаграждая праведныхъ».

Блуждая и ища дорогу въ рай, онъ встрѣчалъ толпы существъ, носившихся въ атмосферѣ, но отвратительныхъ, покрытыхъ нравственными язвами. Всѣ они богохульствовали и роптали. Никто изъ нихъ не могъ отвѣтить на вопросъ Вайдхивы—какъ звали нашего героя.

Бѣдные страждущіе и мучимые духи ничего не знали о правосудіи Брамы и не вѣдали мѣста его пребыванія. Слышали они только, будто онъ царитъ въ надзвѣздныхъ высотахъ, и что лишь самые достойные и чистые могутъ появляться передъ его ослѣпительнымъ трономъ. Волны невѣдомыхъ законовъ выносятъ праведныхъ предъ лицо Брамы и тѣ же самыя волны отбрасываютъ преступныхъ и недовольныхъ въ бездны искупленія.

Счастливый и полный вѣры, Вайдхива славилъ Браму, его правосудіе и могущество. Подхваченный волнами гармоніи, онъ былъ перенесенъ въ высшую, свѣтлую сферу, гдѣ встрѣтилъ такихъ же праведниковъ, какъ и самъ, лучезарныхъ и мудрыхъ, которые также прославляли Браму и его правосудіе.

Вайдхива спросилъ своихъ спутниковъ и сотрудниковъ, куда они стремятся?

— Туда же, куда и ты,—отвѣтили они.—Къ трону Брамы, чтобы пріять награду за перенесенныя несправедливости, за наши труды и нашу вѣру въ него.

Работая неустанно, поднимался Вайдхива и другіе поднимались вмѣстѣ съ нимъ. Полные вѣры и усердія, они провозглашали славу, мудрость и милосердіе Брамы. Но когда они спрашивали, гдѣ находится его небесное мѣстопребываніе—имъ отвѣчали:

— Продолжайте свой путь: это еще дальше!

И Вайдхива все поднимался, да поднимался. Теперь онъ представлялъ изъ себя лишь свѣтозарное облако. Знаніе его было громадно, и могущество—почти безгранично; а онъ все еще ждалъ небеснаго правосудія и награды за труды свои.

Итакъ, переходя изъ сферы въ сферу, онъ достигъ, наконецъ, центра вселенной. Тамъ высилась стѣна ослѣпительнаго свѣта, состоявшая сплошь изъ ряда солнцъ; предѣлы ея казались безконечными, или, по крайней мѣрѣ, неизмѣримыми. Только пріобрѣтен-

ное уже совершенство позволяло Вайдхивѣ созерцать ее и передъ нимъ, подобно облачному видѣнію, отливавшему всѣми цвѣтами радуги, стоялъ одинъ изъ геніевъ-стражей священной ограды.

— Вотъ мы и у входа въ чертоги Брамы!—радостно сказалъ Вайдхива и сопровождавшая его фаланга праведниковъ.— Дай намъ войти, открой врата неба, геній сферъ, стражъ священнаго входа!—говорили они.—Мы заслужили счастье явиться предъ сіяющій ликъ Брамы. Мы терпѣливо переносили всѣ несправедливости и обиды, мы безъ устали работали, чтобы проложить себѣ путь до сюда, наша вѣра никогда не слабѣла въ испытаніяхъ и страданіяхъ, и во время тягчайшихъ трудовъ мы всегда воспѣвали славу и доброту Брамы, поддерживая слабыхъ, ободряя невѣждъ и убѣждая недовольныхъ. Мы побѣдили сомнѣніе, терзавшее насъ и преграждавшее намъ путь. Теперь, утомленные долгимъ восхожденіемъ, мы хотимъ пасть ницъ передъ трономъ Брамы, насладиться возвѣщеннымъ покоемъ и добиться справедливаго наказанія нашихъ угнетателей.

Геній сферъ молчалъ: свѣтлая ограда оставалась закрытой и тщетно они повторяли свою просьбу—отвѣта не было, такъ какъ на устахъ генія лежала печать тайнъ, которыя онъ хранилъ.

Пораженные и обезпокоенные, праведники переглянулись, не понимая этого молчанія; но вдругъ, изъ-за ограды раздался невѣдомый голосъ, могучій, какъ громъ, и, въ то же время, гармоничный, какъ звуки арфы:

Ступайте и работайте еще, такъ какъ слова ваши доказываютъ, что вы не готовы явиться къ трону Брамы. Вы только что требовали правосудія и награды, не понимая, что уже получили и то, и другое. Взгляните на свое свѣтлое одѣяніе, оцѣните свое безграничное терпѣніе, пріобрѣтенное вами знаніе, побѣжденные инстинкты и заглушенныя желанія; все это вы получили по благости и милосердію Брамы, который поддерживалъ васъ и награждалъ за каждое ваше усиліе высшею степенью совершенства. Тѣ, кто оскорблялъ, обижалъ и заставлялъ васъ страдать, тѣ слѣдуютъ за вами, обвиняя въ свою очередь другихъ въ несправедливости и жестокости, не понимая, какъ и вы, что отъ матеріи избавляются только страданіемъ. Самый міръ, въ которомъ вы нѣкогда жили, уже не существуетъ, такъ какъ прошло болѣе пятидесяти милліоновъ лѣтъ съ того дня, какъ Вайдхива умеръ на ступеняхъ пагоды.

Все вамъ было даровано могуществомъ и правосудіемъ Брамы, а вы ищете *покоя*, не понимая, что его не существуетъ и что

высшее блаженство заключается въ безпрестанной дѣятельности. Вы не созрѣли, чтобы переступить за врата неба и созерцать сіяющій ликъ Брамы. Идите, работайте и пойте славу Его!

Таинственный голосъ умолкъ. Часть праведниковъ смиренно опустила голову и погрузилась въ молитву. Но душа Вайдхивы преисполнилась безумной ярости. Сомнѣніе, не оставлявшее его, несмотря на совершенство, до самаго входа въ рай, злобно, глумливо шептало ему:

— Ну, что? Кто былъ правъ?

Въ бѣшенствѣ, Вайдхива бросился на свѣтлую стѣну, пытаясь взобраться на нее и крича, какъ сумасшедшій:

— Изыди, обѣщанное правосудіе! Суди моихъ угнетателей и награди меня по дѣламъ моимъ!

Глубокое молчаніе было ему отвѣтомъ. Онъ вторично бросился впередъ, изрыгая проклятія, и вдругъ звѣзды, увѣнчивавшія его главу, распались съ громоподобнымъ шумомъ, извергая клубы чернаго дыма; вся атмосфера дрожала, а изъ-за таинственной ограды блеснула яркая молнія и пронизала сердце Вайдхивы. Прозрачное тѣло его распалось на тысячи атомовъ и разнузданныя стихіи первоначальнаго хаоса захватили его и со свистомъ увлекли въ огненный ураганъ, который сжегъ его свѣтлыя одежды, убилъ его память, отнялъ у него его знанія и могущество.

Какъ гонимый вихремъ сухой листикъ, летѣлъ онъ въ бездну, казавшуюся безконечной, пока страшный толчекъ не остановилъ неожиданно его бѣшенный полетъ.

Разбитый, терзаемый страшною болью, Вайдхива съ трудомъ сознавалъ, что заключенъ въ громадный камень. Отъ его лучезарнаго свѣта осталось одно только маленькое, красноватое пламя, мерцающее подобно блуждающему огоньку. Мысль его съ трудомъ работала. Отъ всего его знанія и могущества сохранилось лишь смутное воспоминаніе о томъ, *чѣмъ* онъ былъ, и сознаніе, что теперь онъ ничто иное, какъ простой камень.

Вдругъ нестройное пѣніе смутило дремоту, въ которой прозябалъ павшій гигантъ. Онъ увидѣлъ толпу голыхъ и едва прикрытыхъ звѣриными шкурами людей, которые приближались, неся вѣтви и плоды. Все это они сложили на камень и подожгли, а затѣмъ, упавъ на колѣни,—о ужасъ!—запѣли пѣснь, славословя справедливость Брамы.

Пѣніе и слова его внезапно пробудили память Вайдхивы. Имъ

овладѣло такое отчаяніе, что камень треснулъ и изъ его сердцевины брызнулъ прозрачный, какъ брилліантъ, источникъ.

— Слезы праведника будутъ ему наградой, — произнесъ чей-то голосъ, утѣшая смущенную душу Вайдхивы.

Невѣжественная и простодушная толпа обоготворила чудесный источникъ. Отовсюду стекались къ нему больные, увѣчные и слѣпые, получая исцѣленіе въ его врачующихъ водахъ, такъ какъ вмѣстѣ съ неистощимыми слезами, вытекавшими изъ каменнаго сердца Вайдхивы, изливалась сама сущность его естества. Въ хрустальныхъ капляхъ источника сосредоточилось все могущество, пріобрѣтенное *магомъ*, его умѣнье управлять астральными теченіями и благотворныя излученія, исходившія изъ него, что не могло быть совершенно уничтожено.

Бѣдные, обездоленные, нищіе духомъ поняли это и слезами праведника облегчали свои страданія.

Собственными руками сносили они матеріалъ и построили пагоду, чтобы охранить источникъ. Каждый, кто погружается въ его воды, поетъ славу Брамы и восхваляетъ его мудрость.

Нарайяна умолкъ. Его собесѣдники тоже съ минуту молчали, а потомъ Дахиръ спокойно замѣтилъ:

— Твоя легенда очень поэтична, но полна парадоксовъ. Пока мы находимся внизу лѣстницы совершенства, нашъ слабый разумъ не въ силахъ обнять нашу судьбу, во всемъ ея гигантскомъ объемѣ: особенно представляется намъ непроницаемой тайной ея конечная цѣль. Тѣмъ не менѣе, мы твердо знаемъ одно, а именно, что неумолимый законъ толкаетъ насъ впередъ и что на этомъ пути всякая остановка гибельна. Поэтому малодушно и безполезно роптать, сомнѣваться и судить силу, на столько высокую, что противиться ей было бы такимъ же безуміемъ, какъ если бы пловецъ вздумалъ противиться волнамъ океана во время бури.

— Кромѣ того, позволь мнѣ прибавить, — вмѣшался Супрамати, — что Вайдхива, несмотря на все свое совершенство и на воспѣваніе славы Брамы, былъ очень непослѣдователенъ. Какимъ образомъ, достигнувъ гармоніи, могъ онъ сохранить злопамятство? Почему, обладая почти безграничнымъ могуществомъ, онъ не судилъ, въ такомъ случаѣ, самъ своихъ недруговъ? Его же бѣшенство, когда онъ получилъ справедливый отвѣтъ, совершенно непонятно.

— Мораль моей легенды такова, что путешествіе къ совершенству — предпріятіе весьма рискованное, и что никогда нельзя быть увѣреннымъ, что достигнешь своей цѣли, такъ какъ человѣческій инстинктъ до такой степени внѣдренъ въ душу, что почти нѣтъ возможности констатировать, когда онъ окончательно исчезаетъ.

Герой моей легенды совершенно, повидимому, очистился во время своего долгаго восхожденія; существо его казалось одной волной гармоніи. Вся его мысль обратилась въ волю и повелѣвала космическими законами, которые онъ понялъ и которыми умѣлъ пользоваться, и только въ глубинѣ его существа осталась частица «человѣка», т. е. атомъ сомнѣнія и эгоизма. Эта-то частица возмутилась и сожгла все чудное зданіе.

— Для себя лично, — заключилъ Нарайяна съ веселымъ смѣхомъ, — я вывожу изъ этой легенды — истинна она или ложна — слѣдующую практическую мораль: такъ какъ насъ никто не торопитъ и недостатка во времени у насъ нѣтъ, то благоразумнѣе наслаждаться настоящимъ и, насколько возможно, отдалять ту опасную минуту, когда придется явиться передъ таинственными небесными вратами и ихъ молчащими стражами, геніями сферъ.

— Ты говоришь глупости, Нарайяна! Ты слишкомъ много узналъ, чтобы не чувствовать всю тяжесть невѣжества, и близка минута, когда ты горько будешь оплакивать, что такъ неблагоразумно осудилъ себя на бездѣятельность, — перебилъ его Супрамати.

— Не страшно! Чувствуя себя здѣсь хорошо, я намѣренъ оставаться какъ можно дольше и буду любоваться издали, какъ вы будете исходить кровавымъ потомъ, ползя по крутой и неблагодарной дорогѣ совершенства, впряженные въ колесницу невѣжества.

— Ты забываешь, что съ каждымъ усиліемъ, съ каждымъ шагомъ впередъ, бремя невѣжества будетъ все таять и подъемъ сдѣлается легче, — съ улыбкой замѣтилъ Дахиръ.

— А не то, вы себѣ вообразите: это, по всей вѣроятности, и будетъ лучшей таинственной наградой, которая ожидаетъ васъ. Но не довольно-ли? На этой почвѣ мы никогда не сойдемся. Лучше я покажу вамъ иллюстрацію къ легендѣ о Вайдхивѣ: камень, въ которомъ заключена душа мудреца, оплакивающаго свое паденіе.

— Развѣ здѣсь существуетъ такой легендарный камень? Разумѣется, я хочу его видѣть, — съ любопытствомъ вскричалъ Супрамати.

— Да, въ концѣ моего сада. Пойдемте, я сейчасъ покажу его вамъ, — весело отвѣтилъ Нарайяна, вставая.

По длинной аллеѣ, обрамленной вѣтвистыми деревьями, они про-

шли весь садъ и вышли въ небольшую рощу. Послѣ десяти минутной ходьбы они очутились на небольшой полянкѣ, въ центрѣ которой стояла маленькая пагода.

Внутри пагоды, въ пріятномъ полумракѣ ясно вырисовывалась большая статуя Будды, стоявшая на высокомъ постаментѣ.

У подножія статуи виднѣлся большой сѣрый камень, треснувшій во всю высоту; изнутри, тихо журча, била струя хрустальной воды, падавшей въ плоскій водоемъ, который хотя и былъ переполненъ, однако вода не выливалась изъ него. Куда она дѣвалась—трудно было опредѣлить, такъ какъ нигдѣ не было видно ни малѣйшаго отверстія.

Вокругъ водоема, на коврикахъ, сидѣло въ разныхъ позахъ семь человѣкъ обнаженныхъ, страшно худыхъ Восторженное выраженіе застыло на лицахъ, а позы указывали на каталептическое состояніе.

— Это—факиры-созерцатели, добровольные стражи чудодѣйственнаго источника. Они годами не двигаются съ этого мѣста, да такъ и умрутъ здѣсь, а ихъ замѣнятъ фанатики такого же сорта. Я взялъ на себя заботу объ ихъ содержаніи. Разъ въ сутки я приношу имъ по горсти риса, который они машинально проглатываютъ, пою ихъ изъ источника и смачиваю водой ихъ изсохшее тѣло. Этого достаточно для поддержанія физической жизни; что же касается ихъ души, то она, подъ вліяніемъ экстаза, витаетъ въ эфирѣ, позабывъ о своей тѣлесной оболочкѣ.

— Да, да! Тѣлесныя излученія, жизненная сущность этихъ жертвъ научнаго насилія служатъ для поддержки и продолженія существованія какого-нибудь безсовѣстнаго ученаго, осудившаго ихъ на безполезное прозябаніе, тогда какъ самъ онъ наслаждается всѣми прелестями роскошной жизни, украшенной умственнымъ трудомъ.— суровымъ тономъ сказалъ Дахиръ, съ сожалѣніемъ и участіемъ смотря на эти живые скелеты, которые сидѣли столь же неподвижно и равнодушно, какъ и священный камень, который они оберегали.

— Ну, это камень не въ мой огородъ. Поглощенная мной первоначальная матерія избавляетъ меня отъ необходимости заимствовать жизненную силу у чужаго организма.—весело сказалъ Нарайяна.

Затѣмъ, онъ прибавилъ:

— Однако, становится жарко! Вернемтесь домой, друзья мои, и отдохните. За ужиномъ мы увидимся.

Они вернулись во дворецъ, гдѣ Нарайяна ихъ покинулъ. Но

вмѣсто того, чтобы спать, они стали разсматривать драгоцѣнныя произведенія искусства всѣхъ эпохъ, а потомъ занялись перелистываніемъ рѣдкихъ рукописей.

Время быстро летѣло, и солнце уже достигло зенита, когда они, наконецъ, усталые, улеглись на диванъ и заснули.

Ихъ разбудилъ Нарайяна.

— Пойдемте ужинать! Солнце сѣло, а воздухъ тепелъ и ароматенъ. Хорошо жить даже вполовину, какъ я живу,—весело сказалъ онъ.—Но прежде возьмите ванну: это освѣжаетъ.

Полчаса спустя, одинъ изъ красивыхъ отроковъ, служившихъ во дворцѣ, провелъ Дахира и Супрамати въ открытую залу, выходившую въ садъ. Сквозь аркады съ тонкими колоннами виднѣлись темныя группы деревьевъ, изъ за которыхъ сверкала гладкая поверхность озера.

Нѣжный, голубоватый свѣтъ освѣщалъ залу, въ центрѣ которой стоялъ роскошно сервированный столъ.

При входѣ гостей, Нарайяна всталъ съ дивана, на которомъ лежалъ, и всѣ сѣли за столъ. Ужинъ былъ такой же прекрасный, какъ и завтракъ. Какъ и утромъ, хозяинъ дома ограничился молокомъ и фруктами; онъ былъ веселъ и неистощимъ въ разговорахъ, такъ что ужинъ прошелъ съ большимъ оживленіемъ.

Настала уже ночь, когда они встали изъ за стола и перешли на террасу. Милліарды звѣздъ сверкали на темной лазури неба, а восходящая луна освѣщала все мягкимъ, ласкающимъ полусвѣтомъ.

Видя, что гости погрузились въ созерцаніе чуднаго пейзажа, Нарайяна хлопнулъ по плечу Супрамати и сказалъ:

— Ну, что? Ты все еще находишь «глупымъ» и «преступнымъ» мое желаніе отдохнуть немножко въ этой чудной обстановкѣ и насладиться настоящимъ, вмѣсто того, чтобы стремиться къ неизвѣстной цѣли и сомнительному счастью, котораго я, все равно, вынужденъ когда нибудь достигнуть, желаю ли этого и нѣтъ?

— Перестань смущать душу Супрамати, и притомъ въ такую именно минуту, когда онъ готовится отдаться тяжелому и всепоглощающему труду *высшаго посвященія*, которое требуетъ прежде всего спокойствія и сосредоточенія всѣхъ умственныхъ способностей.—съ неудовольствіемъ замѣтилъ Дахиръ.

— Напротивъ. Именно въ ту минуту, когда онъ собирается совершить величайшую глупость и заживо похоронить себя, слѣдуетъ разумно говорить съ нимъ и показать ему всѣ прелести

жизни, отъ которой онъ хочетъ отказаться, не насладившись ею до сыта.

— Я нисколько не жалѣю о пошлостяхъ жизни, ея пустыхъ и безсмысленныхъ удовольствіяхъ. Меня гораздо больше интересуютъ новые горизонты, которые открываетъ мнѣ изученіе великихъ проблемъ,—съ улыбкой отвѣтилъ Супрамати.

— Я вижу, что ты неисправимъ! Я же люблю презираемыя тобой удовольствія и, въ качествѣ моего гостя, ты долженъ присутствовать на концертѣ и балетѣ, которые я устраиваю сегодня вечеромъ въ вашу честь.

— У тебя, видно, прекрасно организованный дворъ, если ты располагаешь даже оркестромъ и кордебалетомъ. Мнѣ крайне любопытно видѣть и то, и другое. Хотя я не ищу и не желаю свѣтскихъ развлеченій, тѣмъ не менѣе я ими не пренебрегаю, а твой утонченный вкусъ служитъ намъ ручательствомъ за интересное представленіе,—со смѣхомъ замѣтилъ Супрамати.

Нарайяна вздохнулъ.

— Я не располагаю больше—увы—такими средствами, какъ прежде: но въ пространствѣ всегда найдутся хорошіе музыканты. Въ глубинѣ же этого озера покоится много прекрасныхъ баядерокъ, утонувшихъ къ великому горю браминовъ, ихъ покровителей.

— Нарайяна, ради всего святаго, не вздумай воскрешать этихъ мертвыхъ! Отъ такого спектакля я отказываюсь!—въ ужасѣ вскричалъ Супрамати.

Радушный хозяинъ разсмѣялся тихо и насмѣшливо.

— Не кричи и успокойся! Я никого не буду воскрешать. Дѣло идетъ о простой матеріализаціи, которая доставитъ столько же удовольствія вызваннымъ духамъ, сколько и намъ, а на разсвѣтѣ всѣ артисты вернутся въ загробный міръ. Слѣдовательно, ты можешь со спокойной совѣстью наслаждаться концертомъ и балетомъ.

Нарайяна повернулся и ударилъ въ бронзовый гонгъ, стоявшій на столѣ.

Тотчасъ же явились двое молодыхъ слугъ: одинъ съ треножникомъ, другой со шкатулкой, которые они поставили у баллюстрады.

Нарайяна вынулъ изъ шкатулки флаконъ и коробку. Напѣвая вполголоса вызываніе, онъ вылилъ на угли нѣсколько капель красной жидкости и бросилъ щепотку порошка.

Тотчасъ же поднялся густой дымъ: затѣмъ сверкнули снопы искръ, огненными зигзагами разсѣявшіяся по всѣмъ направленіямъ, и наконецъ, появились кроваво-красные шары, которые взлетѣли

подобно ракетамъ и разорвались съ громоподобнымъ шумомъ. Одни изъ нихъ упали въ озеро, вода которая какъ будто вскипѣла. Потомъ, на время, настала тишина.

Но вотъ, изъ стѣнъ, изъ мрака рощи и изъ атмосферы стали появляться бѣлыя облака и группироваться съ одной стороны террасы. Стоя съ поднятой рукой и пылающимъ взглядомъ, Нарайяна, казалось, распоряжался ими и руководилъ ихъ движеніями. Черезъ нѣсколько минутъ, половина большой террасы была отдѣлена сѣровато-бѣлой, волнующейся занавѣсью, испещренной искрами. Затѣмъ раздалась странная музыка, смѣсь человѣческихъ голосовъ и какихъ-то неизвѣстныхъ инструментовъ. Это не было ни опредѣленное пѣніе, ни звуки оркестра; скорѣе, это были волны гармоничныхъ вибрацій, необыкновенно нѣжныхъ и сильныхъ. Исполняемая мелодія была такъ же странна и оригинальна, какъ и самый способъ исполненія таинственнаго концерта.

Супрамати, какъ очарованный, съ восхищеніемъ слушалъ эту музыку, какъ вдругъ его вниманіе было привлечено глухимъ рокотомъ, доносившимся съ озера.

Онъ увидѣлъ, какъ на поверхности его вздулась пѣнистая волна и понеслась къ берегу; когда же она разбилась о ступеньки лѣстницы, то появилось нѣсколько женскихъ фигуръ съ неопредѣленными контурами, которыя скорѣе плыли, чѣмъ шли по террасѣ.

Нарайяна бросилъ новую щепотку порошка на уголья, и поднявшійся дымъ, вмѣсто того, чтобы идти вверхъ, сталъ извиваться спиралью, направляясь къ приближающимся воздушнымъ фигурамъ. Тѣ стали поглощать, какъ будто, этотъ дымъ, потеряли свою прозрачность и, черезъ нѣсколько минутъ, шесть женщинъ, по виду живыхъ, вошли на террасу и, скрестивъ на груди руки, низко склонились передъ Нарайяной.

Это были прекрасныя, молодыя индусскія дѣвушки, въ полномъ разцвѣтѣ жизни. Вышитыя газовыя туники чуть покрывали ихъ стройныя формы. Драгоцѣнные камни, украшавшіе ихъ головы, шею руки и пояса, сверкали разноцвѣтными огнями.

Нарайяна сказалъ нѣсколько словъ по индусски, а затѣмъ сѣлъ на диванъ и усадилъ рядомъ съ собой своихъ гостей.

Въ ту же минуту въ розовыхъ шарахъ вспыхнули электрическія лампы и залили террасу яркимъ свѣтомъ. Баядерки начали танцовать. Легкія, граціозныя и полныя жизни, онѣ кружились или составляли чудныя, пластическія, но въ то же время вызывающія и страстныя, какъ само искушеніе, группы.

Когда баядерки поклонились во второй разъ, давая этимъ знать, что представленіе кончилось, Нарайяна всталъ и сдѣлалъ имъ знакъ приблизиться.

— Намъ слѣдуетъ угостить прекрасныхъ танцовщицъ хорошимъ ужиномъ. Имъ рѣдко выпадаетъ возможность насладиться такимъ угощеніемъ и, къ тому же, это единственное вознагражденіе, которое мы можемъ предложить имъ,—весело сказалъ онъ.—Насъ трое, а ихъ шестеро, а потому вполнѣ естественно, что каждый изъ насъ долженъ взять на себя заботу о двухъ красавицахъ.

Покачивая головами, но смѣясь, Супрамати съ Дахиромъ взяли за руки по двѣ женщины и послѣдовали за Нарайяной въ столовую. Столъ былъ снова сервированъ, но только меню было другое. Вмѣсто овощей и другихъ вегетаріанскихъ блюдъ, стояли мясо съ кровью, хлѣбъ и теплое, сильно пряное вино.

Поспѣшно, съ какою-то странною прожорливостью, набросились загробныя гостьи на эту пищу, такъ что Супрамати едва успѣвалъ подкладывать имъ на тарелки новые куски и наполнять ихъ кубки.

По мѣрѣ того, какъ танцовщицы съ жадностью насыщались, блѣдныя лица ихъ принимали розовый оттѣнокъ. Глаза ихъ сверкали съ любопытствомъ и страстью смотря на Дахира и Супрамати. Въ отношеніи Нарайяны, онѣ выказывали полное и презрительное равнодушіе.

— Смотрите, пожалуйста! Неблагодарныя презираютъ и обижаютъ своего благодѣтеля,—насмѣшливо замѣтилъ Нарайяна.—И явно наибольшій успѣхъ имѣетъ Супрамати. Канальи чуютъ, что онъ наименѣе святой между нами.

И дѣйствительно, самые горячіе взгляды бросались по адресу Супрамати. Особенно одна баядерка всѣми силами старалась смутить его спокойствіе. Теперь она танцовала для него одного, искусно пользуясь всѣми обольщеніями своей красоты. Все существо ея, казалось, свѣтилось чѣмъ-то демоническимъ и чарующимъ, что опьяняло, покоряло и волновало умъ и сердце.

Не смотря на строгую дисциплину перваго посвященія, научившую его побѣждать инстинктивныя стремленія и подчинять тѣло волѣ ума, Супрамати, самъ не замѣчая, поддавался опаснымъ чарамъ страннаго созданія. Большіе темные глаза его горѣли восхищеніемъ: легкій румянецъ окрасилъ его щеки. Забывъ все окружающее, онъ слѣдилъ за движеніями танцовщицы, которая незамѣтно приближалась, дѣлаясь все обольстительнѣй и страстнѣй.

Затѣмъ, граціознымъ прыжкомъ она упала на колѣни около Супрамати и страстно обняла его.

— Дай мнѣ нѣсколько капель жизненной эссенціи, которой ты обладаешь! Дай божественный даръ земного существованія—пробормотала она, умоляющимъ взглядомъ смотря на него.

Супрамати пытался оттолкнуть ее, но участіе и жалость къ этому юному существу, безвременно отброшенному въ загробный міръ, дѣлали его слабымъ.

Вдругъ лицо баядерки потемнѣло, рука, лежавшая на рукѣ Супрамати, похолодѣла и дрожь пробѣжала по всему ея нѣжному тѣлу.

— Ахъ! Я исчезаю! Жизнь и сила оставляютъ меня!—вскричала она.

Она съ силою вцѣпилась въ него.

— Жестокій! Неужели тебѣ жаль капли жизни, которую я вымаливаю у тебя?

Въ слабѣющемъ голосѣ несчастной звучало такое отчаяніе, а на лицѣ ея отражалось такое страданіе, что охваченный жалостью. Супрамати, позабывъ все, сталъ лихорадочно искать флаконъ съ жизненной эссенціей, который онъ имѣлъ обыкновеніе всегда носить съ собой. Но карманъ былъ пустъ: онъ забылъ взять флаконъ. Впрочемъ, было уже поздно. Торжествующая смерть завладѣла своей добычей. Лежавшее передъ нимъ граціозное тѣло танцовщицы, казалось, таяло и быстро расплывалось. Скоро остался только прозрачный смутный обликъ, а затѣмъ все превратилось въ бѣловатый комокъ, который исчезъ въ атмосферѣ.

Точно подъ давленіемъ кошмара, тяжело переводя дыханіе, Супрамати провелъ рукой по лбу и оглянулся: въ залѣ никого не было, кромѣ Дахира и Нарайяны.

— Ты еще не привыкъ отказывать въ глупыхъ просьбахъ. Ты еще слишкомъ молодой «безсмертный», черезчуръ легко воспламеняешься и поддаешься чувству жалости,—насмѣшливо замѣтилъ Нарайяна.—Ты до такой степени былъ поглощенъ, что не могъ даже полюбоваться, какъ мы—Дахиръ и я—прекрасно отклонили такія же мольбы.

— Ты говоришь правду! Я не привыкъ къ такой жестокой игрѣ и, надѣюсь, никогда не буду находить въ ней удовольствія. Но ты, Нарайяна, принадлежащій къ обоимъ мірамъ, не долженъ былъ бы глумиться надъ смертью и жизнью!

Въ эту минуту послышался легкій и серебристый звонъ колокольчика.

— Эбрамаръ зоветъ насъ,—сказалъ Дахиръ, поспѣшно поднимаясь.

— Не удерживаю. Только я самъ провожу васъ, такъ какъ вамъ незнакомы всѣ извилины подземнаго лабиринта,—сказалъ Нарайяна, пожимая имъ руки.

Они быстро добрались до лодки.

Первые лучи восходящаго солнца едва золотили горизонтъ, когда они входили въ садъ, прилегавшій къ дворцу Эбрамара.

Прошло около двухъ недѣль безъ чего либо особеннаго. Они бесѣдовали, читали, гуляли и наслаждались пріятнымъ покоемъ. Но однажды вечеромъ, послѣ ужина, Эбрамаръ сказалъ, вставая изъ-за стола:

— Время приступить къ работѣ, дѣти мои! Завтра я устрою Нару на новомъ мѣстѣ, а затѣмъ вы оба начнете свои занятія подъ моимъ руководствомъ. Простись со своей подругой Супрамати! На зарѣ вы разстанетесь и будете видѣться очень рѣдко.

Супрамати поблѣднѣлъ. Настала минута, которой онъ такъ боялся—минута разлуки съ женщиной, которую онъ любилъ еще земнымъ чувствомъ. Сердце его сжалось отъ страха и горя. Омраченный взоръ его тоскливо искалъ взгляда Нары. Но въ ясныхъ глазахъ молодой женщины читалась такая чистая и глубокая привязанность, такая свѣтлая энергія, что къ нему тотчасъ же вернулись его мужество и спокойствіе.

Супрамати подошелъ къ Нарѣ, прижалъ ее къ своей груди и крѣпко поцѣловалъ.

— Будь моей поддержкой даже издали, если ослабѣю на тернистомъ пути, такъ какъ я чувствую, что во мнѣ еще слишкомъ живъ «земной» человѣкъ,—пробормоталъ онъ.

— Мы будемъ видѣться насколько возможно чаще. Моя же мысль никогда не покинетъ тебя. Чѣмъ больше наши души будутъ освобождаться отъ матеріи, тѣмъ ближе онѣ будутъ другъ къ другу и тѣмъ будетъ неразрушимѣе любовь, соединяющая насъ,—отвѣтила Нара съ добрымъ и теплымъ взглядомъ, цѣлуя его.

Затѣмъ, сдѣлавъ рукой дружескій прощальный жестъ, она вышла изъ комнаты.

На слѣдующій день, еще до разсвѣта, Сандира пришелъ за

отцомъ. Онъ принесъ ему длинную бѣлую, обшитую оранжевой лентой тунику, шарфъ такого же цвѣта, который долженъ былъ служить поясомъ, и родъ клафта.

— Это одежда учениковъ высшаго посвященія,—прибавилъ онъ, помогая Супрамати одѣваться.

Затѣмъ Сандира отвелъ Супрамати въ небольшую комнату, гдѣ уже находился Дахиръ, одѣтый въ такой же костюмъ.

Почти тотчасъ же появился Эбрамаръ и обмѣнялся съ ними дружескимъ привѣтствіемъ. Затѣмъ, онъ повелъ ихъ тою же дорогой, какой они шли, когда направлялись къ Нарайянѣ.

Какъ и тогда, они спустились въ лощину, прошли узкій высѣченный въ скалѣ коридоръ и вышли на каналъ, гдѣ ихъ дожидалась лодка, въ которую они сѣли. Эбрамаръ взялся за руль.

Скоро они свернули въ боковую галлерею, которая въ свою очередь имѣла многочисленные рукава. Послѣ довольно долгаго переѣзда показались ступеньки, преграждавшія каналъ во всю его ширину.

Когда они пристали, то Супрамати увидѣлъ передъ собой монументальный входъ въ подземный храмъ, украшенный исполинскими символическими фигурами. Внутренность представляла изъ себя гротъ или залу громадныхъ размѣровъ, съ колоннами, неправильно расположенными. Стѣны, сверху до низу, были покрыты скульптурой, чудной работы и необыкновенной оригинальности. Голубоватый свѣтъ, крайне мягкій, несмотря на свою силу, освѣщалъ громадный гротъ.

— Какая чудная работа! Но какіе великаны могли выполнить такую работу и сколько вѣковъ употребили они на это?—съ восхищеніемъ пробормоталъ Супрамати.

— Черная раса, въ эпогеѣ своего умственнаго и промышленнаго блеска, создала этотъ подземный міръ, который заключаетъ въ себѣ много чудесъ, которыхъ ты даже вообразить не можешь,—тихо отвѣтилъ Эбрамаръ.

Затѣмъ, приказавъ ученикамъ остановиться и ждать его, Эбрамаръ скрылся за громадной пурпурной завѣсой, скрывавшей внутренность храма.

Супрамати съ любопытствомъ сталъ осматриваться кругомъ. Теперь онъ разглядѣлъ, что по обѣ стороны завѣсы находились слабо освѣщенныя галлереи, терявшіяся въ сумрачной дали. Далѣе онъ увидѣлъ, что въ углубленіяхъ стѣнъ стояли высокіе тренож·

ники съ угольями, на которыхъ юноши жгли благовонія; пріятный. живительный ароматъ наполнялъ гротъ.

Вдругъ его вниманіе было привлечено доносившимся издалека, но несомнѣнно приближавшимся пѣніемъ. Скоро изъ одной галлереи вышелъ хоръ женщинъ, одѣтыхъ въ бѣлыя одежды и закутанныхъ въ покрывало. Во главѣ ихъ шли Вайрами и Нара, ведя между собой Нурвади. Не переставая пѣть, женщины выстроились полукругомъ. Когда, окончивъ гимнъ, онѣ умолкли, послышался мужской хоръ и новое шествіе вышло изъ другой галлереи, образовавъ второй полукругъ.

Настала глубокая, торжественная тишина. Затѣмъ, завѣса пріоткрылась и изъ-за нея вышелъ Эбрамаръ въ сопровожденіи нѣсколькихъ мужчинъ, одѣтыхъ, какъ и онъ, въ бѣлоснѣжныя, сверкающія одежды. Эбрамаръ несъ чашу, похожую на ту, какую Супрамати видѣлъ въ рукахъ старѣйшины Грааля. Изъ чаши поднимался золотистый паръ.

Нара и Вайрами приблизились къ магу и преклонили колѣни. Двое изъ сотоварищей Эбрамара сняли длинное покрывало съ жрицы и покрыли имъ бѣлокурую голову Нары.

— Иди и работай, дочь моя, не только для себя, но и для своихъ спутницъ въ жизни, столь долгой, что она привела бы въ отчаяніе, если ее не наполнить ученіемъ, и если бы ее не скрашивала та ясность, которую даетъ *знаніе*,—сказалъ Эбрамаръ, подавая кубокъ молодой женщинѣ.

Та омочила губы въ золотистый паръ, а затѣмъ углубилась въ горячую молитву. Минуту спустя, изъ всего ея тѣла сталъ исходить бѣловатый свѣтъ, который окуталъ ее, точно ореоломъ.

Тогда Эбрамаръ обратился къ Вайрами:

— Твое желаніе исполнено. Ты можешь отдаться уединенной работѣ и созерцанію до той минуты, когда я призову тебя.

Онъ подалъ и ей кубокъ. Когда Вайрами отпила, съ нею повторилось то же явленіе, что и съ Нарой, но только гораздо сильнѣй. Бѣлый свѣтъ съ такой силой сконцентрировался надъ лбомъ Вайрами, что казался пламенемъ, освѣщавшимъ лицо молодой женщины, которая, видимо, находилась въ экстатическомъ состояніи. Вдругъ она точно заколебалась, поднялась на воздухъ и скрылась въ густомъ облакѣ, которое окутало ее, подняло кверху и унесло.

Тогда Нара вернулась къ женщинамъ, стала во главѣ ихъ и, закрывъ покрываломъ голову Нурвади, изчезла со своимъ кортежемъ въ подземной галлереѣ.

Мужчины тоже молча удалились, и скоро въ громадномъ гротѣ остались только Дахиръ и Супрамати.

— Вернемся домой,—сказалъ Дахиръ.—Эбрамара мы увидимъ только завтра и тогда онъ укажетъ намъ, вѣроятно, мѣсто, назначенное для нашей новой работы-посвященія.

Вернувшись домой, они разошлись по своимъ комнатамъ, молчаливые и озабоченные.

Супрамати легъ на диванъ и сжалъ руками голову. Цѣлый хаосъ мыслей и чувствъ бушевалъ въ немъ. Уже давно странная судьба не давила его такъ, какъ въ эту минуту. Онъ чувствовалъ себя одинокимъ, покинутымъ и несчастнымъ. Разлука съ Нарой причиняла его сердцу почти физическую боль. Гигантская, предстоявшая ему работа пугала его, а безконечная жизнь, отъ которой онъ не могъ отдѣлаться, внушала ему отвращеніе и отчаяніе.

Горячія слезы полились по его щекамъ; въ эту минуту ему показалось будто кто-то ласково провелъ рукой по его лбу, а любимый и хорошо знакомый голосъ прошепталъ ему на ухо:

— Смотри на будущее вмѣсто того, чтобы думать о прошломъ! Ты не одинъ: мы не разлучены, такъ какъ моя душа видитъ и слышитъ тебя. Работай, смѣло иди впередъ, мой возлюбленный, и скоро тебѣ будетъ дарована такая же радость. Ты будешь видѣть меня и свободно говорить со мной. Грубая матерія уже не разлучитъ насъ.

Голосъ смолкъ, но Супрамати чувствовалъ себя какъ-то удивительно успокоеннымъ и подкрѣпленнымъ. Смиренно и покорно преклонилъ онъ колѣна и въ горячей молитвѣ молилъ Создателя поддержать его и дать силы достойно нести ниспосланную ему странную и таинственную судьбу.

Когда онъ всталъ, къ нему вернулось его самообладаніе. Онъ сѣлъ у окна и задумчиво смотрѣлъ на волшебную, растилавшуюся передъ нимъ картину. Какъ совѣтовала ему Нара, онъ сталъ думать о будущемъ.

Съ прошлымъ было покончено. Свѣтская жизнь его, съ ея печалями и радостями, исчезала въ туманной дали. Когда онъ снова появится среди людей, протекутъ годы, а, можетъ быть, и цѣлые вѣка. Все будетъ инымъ и въ немъ, и вокругъ него. Стоитъ-ли сожалѣть о несчастьяхъ и страданіяхъ эфемерныхъ, ослѣплен-

ныхъ страстями преступныхъ существъ, которыя сами навлекаютъ на себя *гнѣвъ Божій*.

Нѣтъ, и тысячу разъ нѣтъ! Онъ счастливъ тѣмъ, что передъ нимъ разстилается болѣе обширный горизонтъ и ему открытъ путь въ свѣтлыя области *чистой науки*.

— И такъ, прощай мрачное прошлое, несмотря на твои мимолетныя радости. Впередъ, къ свѣту!—пробормоталъ онъ.

Продолженіе слѣдуетъ въ романѣ «*Гнѣвъ Божій*».

КОНЕЦ
END